

Министерство культуры и туризма
Азербайджанской Республики

НОВЕЙШАЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

В 2-х томах

Том I

ПРОЗА

Баку 2014

Редакторы:
проф. Тельман Велиханлы,
проф. Галина Удалых

Переводчики:
Азер Мустафазаде, Сиявуш Мамедзаде,
Этимад Башкечид, Кямран Гаджиев

Новейшая азербайджанская литература. В 2-х томах: Том I. Проза.
– Баку: Мутарджим, 2014. – 224 стр.

В сборник включены рассказы таких писателей, как К.Абдулла, М.Орудж, С.Будаглы, М.Н.Караев, С.Алышарлы, О.Фикретоглу, Ган Туралы и др., являющихся представителями новейшей азербайджанской прозы.

ISBN: 978-9952-28-199-6

© Министерство культуры и туризма
Азербайджанской Республики, 2014
© Мутарджим, 2014

Диалог культур: без прикрас и без препятствий

Русско-азербайджанский культурный диалог, культурные и духовные мосты, строящиеся на протяжении столетий... Переключка поколений и переключка литератур, переключка эпох и переключка литературных вкусов. Как отличительны и как схожи были порой черты наших культур и литератур. И как долго мы были в едином круговороте общественно-политических, социально-экономических и культурных событий... Прекрасно знали мы друг друга, переводили стихи и романы, распевали песни и романсы друг друга. Иногда предъявляли претензии друг к другу, что «старший» брат мало переводит нас, мало показывает и пропагандирует нашу культуру и литературу. Он же, т.е., «старший» брат, жаловался на дотации, вложенные им в национальные экономику, культуру и духовность... Прошло около двадцати пяти лет со времени расчленения «общего дома». Каким он был: хорошим или плохим – это вопрос другого плана. Но он был нашим общим большим домом, где наряду с негативными для других наций и национальностей совершались и благие дела. Вот к этим благим делам можно без сомнений и преувеличений отнести культурные связи, перевод и восприятие литератур других народов, будь это чужеродным или родственным...

Примечательно, что по истечении десятилетий мы достойно выдержали проблемы разъединения, благодаря историческим отношениям наших народов, личным и творческим связям отдельных деятелей сохранили равновесие, дали развернуться культуре и литературе соседа на своих территориях... За последние 5-10 лет в Азербайджане переиздана на латинице почти вся русская классика, осуществ-

влены переводы из новейшей русской литературы. В России изданы антологии азербайджанского фольклора и литературы. Книги русских писателей регулярно выходят в Азербайджане, а произведения азербайджанских авторов постоянно издаются в России.

На наш взгляд, представленные вниманию читателей сборники новейшей азербайджанской прозы и поэзии на русском языке – это очередная заявка на самобытность и плодотворность текущего литературного процесса в Азербайджане. Это еще одно свидетельство сосуществованию литературных поколений, школ, вкусов и всяких «измов». Хотя первоначально и было заявлено о включении в данные сборники только молодых авторов, прозаиков и поэтов, пришедших в литературу в постсоветскую эпоху, редакция постаралась адекватно представить все разнообразие, пестроту и перекличку литературных имен и произведений.

Мы все прекрасно осознаем, что инициатива выпуска антологий и сборников азербайджанской литературы на русском, английском, немецком, французском и других иностранных языках имеет серьезную мотивацию: во-первых, наша классика и современность мало переводится и непоследовательно доводится до мирового читателя, во-вторых, меняются поколения авторов и читателей, даже в техническом плане меняются формы и методы представления и презентации литератур. Меняются критерии подбора литературных имен и произведений для представления в иноязычной аудитории. Конечно, всегда актуальны Низами, Физули, Насими, Вагиф, Ашуг Алескер, М.Ф.Ахундаде, Г.Джавид, М.А.Сабир и Дж.Мамедкулузаде, С.Вургун и Р.Рза, М.Мушфиг, С.Рустам и Шахрияр, И.Эфендиев, Б.Вагабзаде и М.Араз, Анар и Эльчин и другие наши классики, но воспримет ли нас всесторонне и полнокровно современная иноязычная читательская аудитория без В.Самедоглу, Р.Ровшана, К.Абдуллы,

Ч.Абдуллаева, Р.Бехрудди, Н.Расулзаде, и даже без молодых Ган Туралы, Акшина, Ханэмира и др. – это вопрос сложный. Конечно, всегда актуальны и Шекспир, и шекспировские восклицания, но как не поддаться каждому новейшему национальному автору силе идей и творческим технологиям Умберто Эко, Луиса Борхеса, Орхана Памука.

Наверняка, этими принципами руководствовались и составители трехтомной «Антологии азербайджанской литературы» (Баку, 2009), воссоздавая в ней всё разнообразие и многоголосие не только нашей классической, но и современной, новейшей литературы.

Слава Богу, что есть аксакалы нашей литературы, вокруг которых сплотились наши молодые творческие силы. Это Анар, Сабир Рустамханлы, Камал Абдулла, Залимхан Ягуб и другие, направляющие нашу новейшую поэзию и прозу. Хочу привести слова многоуважаемого Анар муаллима из предисловия к «Антологии азербайджанской литературы», в которых кроются и перспективы развития, творческий потенциал и промахи молодой и многообещающей литературы: «В последнем десятилетии XX – начале XXI веков в нашу литературу вошел отряд одаренных поэтов, стремящихся сказать свое веское слово на современном уровне. Эти поэты – дети века Интернета и виртуального мира, пристально следят за мировой поэзией наших дней, иногда творчески, иногда не совсем творчески пытаются перенять ее достижения, и в то же время проявляют большой интерес к прошлому азербайджанского и вообще тюркских народов, к их мифологии, истории, легендам и верованиям... Но непомерные амбиции, желание «быть знаменитым и оказаться на устах у всех», злость и обида, когда это не удается, мешает им занять собственное место, не вождеденное, а реально заслуженное упорным и честным служением литературе».

У нас много русскоязычных авторов. Большая часть молодых русскоязычных авторов сплотилась вокруг литературных объединений и групп. Для сплочения русскоязычных авторов и представления пишущей на родном языке талантливой молодежи огромное значение имеет регулярно выходящий журнал «Литературный Азербайджан». Творческий коллектив журнала без замедления реагирует на все талантливые произведения, и тут же они появляются на его страницах. На наш взгляд, русскоязычная литература – это серьезное творческое крыло нашей литературы. Определенную лепту вносят наши русскоязычные авторы в дело перевода и презентации азербайджанской литературы за рубежом. И даже необязательно, чтобы они жили в самой республике. Скажем, московские поэты-азербайджанцы Алла Ахундова, Тофик Меликли, Ильхам Бадалбейли, Насиб Набиоглу и др. не только блещут собственным творчеством, но и активно переводят нашу поэзию и представляют ее в России. Поэтому литературную панораму Азербайджана последних десятилетий невозможно представить без русскоязычных авторов. Наряду с представителями старшего поколения сегодня активно печатаются Валентина Эфендиева, Александр Хакимов, Алина Талыбова, Елизавета Касумова, Лачин, Ирина Зейналлы, Ниджат, Марина Мурсалова и многие другие. Именно благодаря усилиям русскоязычных авторов-переводчиков и был подготовлен третий том «Антологии азербайджанской поэзии», куда вошла часть представленных в названном литературном сборнике авторов. Примечательно, что многочисленные проекты перевода и издания азербайджанской литературы на ведущих иностранных языках поддерживаются и финансируются Союзом писателей, Министерством культуры и туризма, ведущими вузами республики, Центром перевода при Кабинете министров. И наступит день, когда все эти начинания превратятся в огромный пе-

реводческий проект перевода и издания, как это было с проектами издания всей азербайджанской и мировой литературы на латинице, «Библиотеки мировой литературы в 150 томах».

Будем откровенны: в отличие от переводов на азербайджанский язык переводы на иностранные языки пока носят эпизодический, случайный характер. И нет серьезного опыта и конкретных критериев отбора авторов и произведений для перевода на иностранные языки. Даже многие наши авторы сами не готовы к этому. Мы постарались привлечь к проекту молодых переводчиков. Продолжаем надеяться, что у нас в будущем всё-таки появятся такие мастера перевода, как Владимир Кафаров, Сиявуш Мамедзаде, Владимир Портнов, Игорь Печенев, Азер Мустафазаде. Вот тогда и будут полноценные и высокохудожественные переводы азербайджанской литературы на русский язык. А пока ждем-с.

Министерство культуры и туризма Азербайджанской республики, высоко ценя роль художественного перевода в деле пропаганды и распространения новейшей азербайджанской литературы, поддержало идею издания этих литературных сборников на русском языке, за что мы выражаем свою благодарность руководству этого ведомства.

***Тельман Джафаров (Велиханлы)**
доктор филологических наук, профессор*

Камал Абдулла

ТАЙНА ТАЙН ВРЕМЕН

В самый что ни на есть час сладкого предутреннего сна в его левый бок словно вонзили острую иглу. Вздрогнув, Фархад Гурублу проснулся, но еще полежал какое-то время с полужакрытыми глазами, и вдруг ему почудилось, будто в продолжение последнего эпизода сумбурного сна чей-то жесткий голос тихо, но настойчиво прошептал, вставай, мол, поскорей, пройди к письменному столу, возьми прочитанную, причем предельно внимательно, двумя днями ранее, переписанную от руки древним каллиграфом копию трактата Савваба Табризи, открой ее на четырнадцатой странице, начни читать с седьмой сверху строки.

Так он и поступил. Наскоро умылся и, торопливо натянув на себя клетчатую рубаху, прошел в соседнюю комнату и сел за письменный стол. Трактат «Управление снами» в черной обложке, лежавший на правом краю стола, словно ждал его. Раскрыв наугад трактат, удивился – тот сразу же открылся на нужной странице. В отрывке, начинавшемся с седьмой строки, автор, ученый Средневековья Савваб Табризи, познавший в совершенстве науку толкования снов, писал:

«Это созданное мной произведение родилось не на пустом месте. Конечно же, оно имело духовного наставника, не могло не иметь. Моим учителем и проводником был знаменитый Нувейш аль-Заммани, раскрывший в своем ис-

ключительном творчестве многие важные тайны мироздания. И теперь, уже в самом начале своего трактата, который я назвал «Управление снами», чистосердечно признаюсь, что это не что иное, как свободное извлечение из сокровищницы разума редкой глубины и дарования, а именно – сочинения Нувейша аль-Заммани «Совершенство важного», ныне никому недоступного. Мудрейшие из мудрых долгое время искали это произведение, но так и не смогли найти.

Среди множества тайн, о которых повествует «Совершенство важного», основополагающей является «Тайна тайн времен». Эта тайна – формула и квинтэссенция обретенного счастья. Открывший ее вместе со счастьем обретет и бессмертие, так как звезды внутри сновидений, сами прокладывая путь, перенесут его из одной временной плоскости в другую. Должна явиться такая личность – поверенный тайн, который мечтал бы найти «Совершенство важного», разыскал и прочел бы его. Может, этому ученому мужу станет достаточно одного знака, чтобы тайна стала явью. Один мимолетный намек, и тому, кто будет избран поверенным, тайна раскроется сама. Ему – и никому другому!

Трактаты порой играют с нами в подобные игры. Терпение и стойкость!»

И все тут! Точка!

Жадно пробежав эти строки, Фархад Гурублу поразила: как при первом прочтении могло пройти мимо его внимания столь важное откровение.

Савваб Табризи, конечно же, проявлял благоразумную скромность. Но назвать «Управление снами» сплошным заимствованием – больше, чем несправедливость. «Совершенство важного» могло быть основой основ, но и «Управление...» имело свою плоть и кровь. Многочисленные комментарии, дополнения, сноски, заметки на полях на деле прославили труд Табризи, как один из серьезных образцов научной мысли Средневековья. Все, кто занимался после него астро-

логией, наукой толкований, предсказаний, не раз с восхищением отмечали это.

Как известно, Савваб Табризи утверждал, что название «Тайна тайн времен» он впервые встретил в трактате аль-Заммани. После Табризи десятки, сотни знатоков науки, по определению самого Табризи, «совершенные» ученые, казалось, «тронулись» умом, посвятив свою жизнь исключительно разгадке этой непостижимой тайны, то есть поискам формулы безграничного счастья, а, значит, и бессмертия. Вся их жизнь проходила в поисках рукописи аль-Заммани и, естественно, «Тайны тайн времен». И – безрезультатно.

И эти мудрецы, так и не найдя ответа на вопрос, «что есть счастье?», горестно вздыхая, спокойно угасали, будто звезды на небе, безропотно уходя в небытие.

...Ученый, отказавшийся от поисков в средневековых рукописях «Тайны тайн времен», официально заявивший, что это не что иное, как мираж, фантом, был человеком отнюдь не посторонним – его научным руководителем. Вагиф Асирзаде, на встречу с которым он собирался, являлся видным текстологом. Любые произведения, созданные в средние века, были для него ясны и определены, как для иного сейчас современный роман. Но, в конце концов, и он утратил надежду и веру в удачу, оставил поиски, которые вел, не зная устали, днями и бессонными ночами. Произошло это внезапно.

Вагиф Асирзаде, в последнее время выглядевший везде, где бы ни появлялся, предельно расстроенным и одновременно отстраненным, наконец, не выдержав, объявил близким, в том числе Фархаду Гурублу, что, верно, он не открыл тайну счастья, но ему довелось ощутить это – сам вкус счастья. И что-то непонятное прошептал одними губами. Только те, кто умел читать по губам, могли догадаться, предположить, что Вагиф Асирзаде шепчет про себя следующее: «Табризи говорил неправду, аль-Заммани не являлся автором

«Тайны тайн времен». «Тайны...» уже нет. Ибо ее открыл сам Табризи, по его же признанию, освободил ее из заточения. Табризи проник в тайну тайн, но пожелал скрыть это от потомков. Они, потомки, должны постоянно находиться в поиске. Ибо, если не дать жизнь тому, что иной раз кажется случайным, неважным, даже несуразным, теряется смысл самой жизни. Должен объявиться некто вроде нового поверенного, хранителя тайн. Игра должна быть продолжена. Тайна должна снова на время исчезнуть, скрыться в водовороте поисков. Тайна должна оставаться в воображении! Но самой тайны больше нет. Есть – Савваб Табризи!»

С теми же беспокойными, хаотичными мыслями Фархад Гурублу направился к своему научному руководителю. Без предисловий перешел к делу; все, что он сообщил по поводу четырнадцатой страницы, тотчас внесло в их разговор тягостную напряженность. Профессор, выслушав его, мотнул головой, воскликнул: «Эх!», и добавил:

– Неубедительно! Трактат «Управление снами» считается самым совершенным в средневековой науке толкований. А все, что говорилось об аль-Заммани, не что иное, как фантазия. Как могло случиться, что читали столько людей, а на эти строки не наткнулись?! Где эта рукопись? Дай-ка ее мне!

Профессор не один раз прочел злополучный отрывок на четырнадцатой странице и надолго задумался. А Фархад Гурублу, все время ерзая на месте, не мог определить, вчитывается ли профессор в очередной раз в эти слова или же забылся, молча уткнувшись в рукопись. Наконец, Вагиф Асирзаде поднял голову:

– Имелся редкий, бесценный экземпляр трактата Табризи. Знал бы ты, сколь бережно хранили его в нашей Национальной библиотеке! Я был молод, раз за разом заказывал его. Он значился в картотеке, но всякий раз мне морочили голову, говоря, что его нет, что он «на руках», на реставрации... Вот так-то...

– Но сейчас же подобной проблемы для вас нет, – воспользовался паузой Фархад Гурублу.

Профессор теперь уже многозначительно посмотрел на него, усмехнулся:

– Моя настойчивость была вознаграждена, я все же добился, чтобы мне дали в руки эту рукопись. Я прочел ее, причем весьма внимательно, основательно. В том экземпляре этого отрывка не было. Представляешь, ты стал избранником тайны!..

– Нет, не представляю, – растерянно пожав плечами, признался Фархад Гурублу. Он и вправду не думал о подобной перспективе.

Какое-то время они сидели молча, глядя в окно, выходившее во двор.

– Слушай меня внимательно, – голос Вагифа Асирзаде дрожал. Он был взволнован, хотя старался взять себя в руки. – Скажу одно: экземпляр, что у тебя, перевернул, опрокинул все мои прежние представления и суждения о «Тайне тайн времен». Раз тебя направляют к ней, значит, «Тайна тайн времен» дошла до наших дней, значит...

Фархад Гурублу стоял растерянный, не пытаясь понастоящему даже осознать, воспринять, переварить в голове услышанное. Прошло всего несколько минут, и Вагиф Асирзаде, по обыкновению стремительно перевел разговор в нужное ему русло. Голос у него уже не дрожал.

– Тебе выпал удивительный шанс. Ты должен обязательно заняться этим делом...

– Но... Почему мне?

– Эти строки, если хочешь знать, как бы это точнее выразить... сами вынудили тебя прочесть их. Ты меня понимаешь? Может, я тоже читал этот вариант трактата, но не смог увидеть то, что узрел ты. Ты – избранник. Ты – хранитель тайны! – торжественно повторил профессор, глядя на Фархада Гурублу так, будто видел его впервые.

– Такого не может быть! – Удивление Фархада Гурублу по-прежнему было искренним.

– Может!

– Но ведь вы утверждали... – сделал последнюю попытку Фархад Гурублу, что «Тайны...» не существует. Она не дошла до наших дней...

– Нет, ты уж, пожалуйста, не зацикливайся на том, что говорилось прежде. Забуди, – резким жестом руки прервал его профессор. – Ты уже вышел на след «Тайны тайн времен». Неужели упустишь подобное? Тебя сочли, как бы это точнее сказать, определили хранителем, своеобразным душеприказчиком тайны. Табризи общается только с тобой. Указанные строки открылись только тебе. Тебя, обрати внимание, никого иного, только тебя он направляет уже к другому произведению. Он как бы говорит: необходимо искать, причем указывает, где следует искать. Я поздравляю тебя. Я помогу тебе в поисках «Совершенства важного».

– «Совершенства важного» аль-Заммани?

– Да, его. Значит, этот трактат существует. Табризи ничего не выдумал. Если бы выдумал, не наладил бы с тобой контакт. Мне в голову пришла одна мысль. – Глаза профессора снова заблестели. – Есть способ поиска «Совершенства важного», и он поведет нас через «Приключения тайн» Гаджи Мир Гасана Сайяха! Ты меня понимаешь? Причем не этот экземпляр, что имеется здесь, его ты перечитывал, как минимум, раз пять. В Ленинграде! Вариант известного переписчика, каллиграфа Минабахши! Если что-то найдешь, то только там...

...Они беседовали долго. Институтский двор за окном погрузился в темноту. Из всегда гулких коридоров не доносилось ни шороха. Кажется, в этом огромном здании они остались вдвоем. Наконец, профессор поднялся. Они вышли из кабинета, стараясь в темноте поддерживать друг друга головами, медленно спустились по мраморным ступеням вниз и

только на первом этаже как бы внезапно выбрались на свет. Спокойно покинули вестибюль под укоризненными взглядами охранников, едва не оторопевших при их внезапном появлении.

...Вагиф Асирзаде сдержал слово. За счет Института Фархада Гурублу отправили в командировку в Ленинград, в фундаментальную Государственную библиотеку востоковедения, чтобы он ознакомился с самым ранним имевшимся там в наличии экземпляром трактата.

Бакинскую копию этого трактата, «Приключение тайн» Гаджи Мир Гасана Сайяха, как верно заметил профессор, Фархад Гурублу на самом деле читал не менее пяти раз. Без преувеличения, знал почти назубок каждый абзац этого произведения. Но не мог представить, что он впадет такое состояние в ожидании своего запроса в прохладном читальном зале Государственной библиотеки востоковедения Ленинграда.

Минуты тянулись бесконечно долго. И когда принесли и положили перед ним рукопись, переписанную, по всей вероятности, в 1578 году каллиграфом Хакимом Минабахши (это был псевдоним, принятый им после того, как он был брошен в темницу в городе Хамадан самим Сейфульмульком Хамадани), его прошиб холодный, стекающий по спине почти до самого пояса пот. Он побледнел. Слегка косившая работница библиотеки Светлана, имя которой он узнал позднее, растерялась, увидев, в какое состояние он впал. Едва не касаясь щекой его щеки, она, тряхнув, явно не без умысла, гривой волос, так что они едва не рассыпались по лицу, обдав всего его дурмящим запахом, спросила грудным заботливым голосом:

– Что с вами? Как вы себя чувствуете?..

...«Контакт» между ним и ленинградской копией трактата налачился только на последних страницах. Несмотря на то, что автор Гаджи Мир Гасан Сайях, демонстрируя реши-

мость в своем стремлении к раскрытию тайны, отчего-то, явно отходя от цели, стал исследовать другие, рожденные этой решимостью обстоятельства, а затем вдруг добавил к ним рассуждения о женской красоте, нежности и хрупкости. И дальше следовало будто специально для Фархада Гурублу:

«О чужестранец, знай и будь сведущ! Напрасно ищешь ты в этой книге «Тайну тайн времен». Мои последователи, я знаю, станут писать, что здесь мной скрыта формула счастья, приложат много усилий, стараний, даже попытаются убедить кого-то в этом. Если бы это было так, я считал бы себя самым счастливым существом на свете. Я был одиноким пловцом, неустанно нырял в глубины моря науки в поисках тайны. Эта книга нанизана жемчужинами, собранными мной в безбрежном море сокровищ. Но более всего я обогащен мудростью благословенного Белого Дервиша. О тот, кто ищет у меня то, чего во мне нет! Найди произведение мудрейшего из мудрецов, благословенного Белого Дервиша «Мудрость красок», внимательно прочти его. Увы, только так ты сможешь выйти на след «Тайны тайн времен».

И после подобного обращения автор с присущей ему сдержанностью, как и выше, возвращается к основной своей цели, увязывая стремление к раскрытию тайны с познанием женской красоты, продолжая говорить об этой связи уже, как поклонник красоты.

...Вернувшись в Баку, сразу же, как говорится, не переводя дух, Фархад Гурублу отправился в Институт, к своему научному руководителю Вагифу Асирзаде.

– Значит, на деле, следовало искать следы благословенного Белого Дервиша. Оказывается, главное – в «Мудрости красок», – внимательно выслушав его и какое-то время помолчав, затем, по обыкновению, сузив глаза, задумчиво, словно рассуждая сам с собой, проговорил Вагиф Асирзаде.

Было бы проще и вернее, если бы профессор предложил ему отправиться в никуда, в самую невозвратность. В ми-

ре науки всем известно, что найти работу Нувейша аль-Замани куда легче, чем следы самого Белого Дервиша. «Мудрость красок» Белого Дервиша для любого исследователя – истинно научный фантом. О нем лишь известно, что когда-то было создано такое произведение, и в разные века и в различных работах его упоминали многие. Слава об этом трактате разнеслась далеко за пределами Азербайджана. В самом же Азербайджане его копии не было. Утверждалось, что различные его копии, созданные усилиями переписчиков-каллиграфов, хранились в Британской библиотеке королевы Елизаветы, в Институте имени Гарримана Колумбийского университета, в Петербургской кунсткамере. Но не было никого, кто утверждал, что «держал его в руках».

Вопрос снова усложнялся.

...На подходе к дому его захватил внезапный дождь. Дождь падал с неба на землю медленно, словно скупая доносящаяся издалека весть; его неестественно крупные капли, как знаки этой вести, казалось, не торопились обгонять друг друга. Фархад Гурублу подумал, что этому удивительному дождю нет разницы, когда и куда пролиться. Может, в этот вечерний час дождь льет совсем не здесь, а в каком-то ином временном измерении. Улыбнулся. Хотя, может, и не стоило улыбаться. Поистине все было не так, как думалось Фархаду Гурублу. Дождь был какой-то нездешний и лил отнюдь не здесь; кажется, это Тебриз, узкие и кривые улицы квартала Чухурлу, да, да, нет сомнения, дождь льет именно там. Под этим дождем, впереди него, подобрав полы длинного пододеяльника плаща, слегка прихрамывая и при этом чуть ли не перепрыгивая через лужицы, меж небольших, приземистых домишек шел, ворча что-то про себя, длиннородый старик.

Когда Фархад Гурублу скользнул под высокую арку своего дома, внезапно начавшийся дождь так же внезапно прекратился.

...Через пару дней Профессор сам нашел Фархада Гурублу:

– Выводи свою машину, заезжай за мной. Я буду ждать тебя во дворе Института.

– ...Едем в сторону аэропорта, – сказал Профессор. Не уточнил, куда и зачем поедут. Пока петляли по улицам города, снова пошел дождь, напоминавший тот, что застал Фархада третьего дня по дороге домой. Они почти не разговаривали. Только когда выехали за город, Вагиф Асирзаде сказал:

– Знаешь, меня всегда занимал один вопрос. Савваб Табризи уверял, что человек, открывший «Тайну тайн времен», никогда не умрет. Это же утверждали все авторы, что писали о ней. Но... обрати внимание... все они покинули мир. Это – первое. Значит, никто не смог раскрыть тайну...

Профессор снова замолчал. Казалось, раздумывал, высказать до конца свою мысль или нет. Затем решил:

– Знаешь, я скрыл от тебя кое-что. Но сейчас, пожалуй, откроюсь... Следи за дорогой! – Профессор замолчал, то ли не желая отвлекать внимание водителя, то ли по иной причине.

Чуть погодя машина вышла из зоны дождя. Небо снова прояснилось.

– Дождь прекратился, – осторожно проговорил Фархад Гурублу, давая понять Профессору, что можно без опасений продолжить разговор.

– О чем это я? – Профессор словно проснулся, выпрямился, сказал, явно приняв решение: – Да... По этому поводу я размышлял долго. Может, оттого так и не смог добраться до сердцевины этой самой Тайны. Знаешь, в чем суть проблемы?

– В чем?.. – голос Фархада Гурублу был полон напряженного внимания.

После короткой, почти театральной паузы, Профессор продолжил:

– В самом названии. В сочетании слов «Тайна тайн времен»... – Снова все та же театральная пауза. Какое-то время был слышен лишь ровный рокот мотора.

– Тайна тайн времен... То есть что?

– Это сочетание тебе совсем ни о чем не говорит? – на сей раз Профессор отвел глаза от бокового стекла, перевел взгляд на Фархада Гурублу, вернее, на его профиль.

Добрались до Мардакян. Машина свернула на просторную улицу с одноэтажными, прижавшимися друг к другу домами, остановилась перед выкрашенными в черный цвет воротами. Калитку им открыл неулыбчивый, не по годам хмурый подросток. Впустив гостей, он, молча пройдя вперед, повел их в сторону одноэтажного дома в глубине усаженного цветами и кустарниками двора. «Увидела б Светлана это буйство цветов, хлопнулась бы в обморок. За один букет я получил бы у нее целый манускрипт», – Фархад Гурублу снова вспомнил Ленинград, Государственную библиотеку востоковедения, раскосую Светлану.

Сняв, по деревенской традиции, у входа обувь, они оказались на просторной, светлой, чуть вытянутой в длину веранде. Угрюмый подросток остался во дворе. Прижавшись лицом к окну, он наблюдал за происходящим внутри.

В дальнем конце веранды стояла широкая тахта. За тахтой на стене – гобелен с изображением джейрана. Склонив голову над родником, он одновременно печально поглядывает на тех, кто на веранде. «Чистой воды китч, – внутренне улыбнулся Фархад. – Не думал, что подобное еще где-то сохранилось».

На тахте, сложив ноги по-турецки, удобно расположился длиннобородый, весь как бы излучавший свет старик. Хотел встать, чтобы поприветствовать гостей, но Профес-

сор опередил, приобнял его. Старик приветливо пожал руку и Фархаду Гурублу.

Подали чай и варенье.

– Сынок, Фархад, подвинься ближе. Что ты сел поодаль, не веди себя как посторонний. – Дед Хейбар отвел рукой в сторону ниспадающую на грудь бороду. – Обязательно попробуйте это варенье, чершня с нашего двора...

Фархад Гурублу придвинул табуретку к небольшому столику, рядом с тахтой Деда Хейбара...

...К главному Профессору перешел, выпив чаю и отставив в сторону стакан.

– Дедушка Хейбар, – громко сказал он.

Хозяин, улыбнувшись, осторожно кивнул головой, говори, мол, я тебя слушаю.

– Дедушка Хейбар, нам понадобилась рукопись Белого Дервиша. На пару дней. Ты же меня знаешь...

Фархад Гурублу наострил уши. Благословенный Белый Дервиш и Мардакяны?! Нет, побойся бога, откуда вообще здесь быть какому-то трактату?! Тем более «Мудрости красок»!

Дед Хейбар молчал, уткнувшись взглядом в стакан с чаем. Какое-то время гости тоже сидели молча, затем Дед Хейбар чуть откинулся назад, протянув руку, достал из-за gobелена какой-то узелок. В нем оказалась толстая, напоминающая современную конторскую, тетрадь в черной обложке.

– Ты говоришь о ней? – спросил Хейбар, держа на весу тетрадь.

Профессор сглотнул слюну, переглянулся с Фархадом Гурублу.

– Уверен ли ты на этот раз? – Дед Хейбар глядел в упор на Вагифа Асирзаде. На губах у него заиграла многозначительная улыбка.

– Убежден, – решительно ответил Профессор. – В тех копиях, с которыми он знакомился прежде, имелись определенные разночтения. Это естественно, ты-то знаешь...

От Табриза к Нувейшу, от него к Сайяху, а теперь и к Белому Дервишу... Рукописи, отец, ведут его из трактата в трактат. – Профессор проговорил это, понизив голос, будто на этой пустой веранде их могли подслушивать. – Последняя надежда на «Мудрость красок».

Старик кивал головой, будто подтверждая про себя только ему одному известное, затем протянул тетрадь не Профессору, а Фархаду Гурублу. По-прежнему доброжелательно и в то же время решительно сказал:

– Три дня. Через три дня тетрадь должна быть возвращена.

Фархад Гурублу посмотрел на Профессора, тот кивнул, и только после этого он трепетно и благодарно взял протянутую ему тетрадь.

По пути назад Фархад Гурублу и Профессор перекинулись лишь парой фраз. Добравшись домой, Фархад быстро переоделся, тут же прошел к письменному столу. Ощущая биение собственного сердца, положил перед собой рукопись в черной обложке, но не стал открывать, поначалу просто долго рассматривал ее.

...С того времени прошло три дня. Под вечер, на сей раз один, он вел машину по той же широкой, просторной улице Мардакян, остановился перед теми же черными воротами. Дверца калитки не была закрыта, она так же открылась сама собой, как бы приглашая его внутрь. Снова, пройдя по тропинке щедро обсаженного кустарниками и цветами двора, оказался у знакомого одноэтажного дома. Легко постучал в окно, и, услышав мягкое «входи», открыл дверь, шагнул на веранду. Старик Хейбар сидел на своем привычном месте; в руке четки, перед ним раскрытый толстенный фолиант. Снова, как и прежде, на гобелене жалостливо глядящий джейран.

Старик, конечно же, нисколько не удивился его приходу. По его лицу снова пробежала добрая, подбадривающая улыбка.

– Здравствуйте...

– Здравствуй и ты. Проходи, садись поближе. Указал ему место рядом с собой на тахте.

– Срок, отведенный мне, сегодня закончился. Я возвращаю вам рукопись, – сказал Фархад Гурублу, протягивая ему тетрадь.

– Спасибо, спасибо... – проговорил Хейбар, взяв у него тетрадь, но не отложил ее в сторону, а стал поглаживать пальцами обложку.

Все тот же неулыбчивый мальчуган принес чай и фрукты. Какое-то время они молча чаевничали.

– Это из нашего сада. Попробуй абрикосы, – настоял старик.

Фархад Гурублу съел один за другим несколько плодов. Они оказались удивительно вкусными. Хейбар медленно, маленькими глотками пил чай и все с той же ласковой улыбкой поглядывал на юношу, который ел абрикосы, но ни о чем не спрашивал. Будто испытывал его терпение. Не спрашивал, отчего не приехал на этот раз Профессор, прочел ли он, Фархад, до конца рукопись, и смог ли он что-то уяснить для себя. Хейбар молчал. Молчал и Фархад Гурублу. Только когда он, съев несколько плодов, хотел было подняться, старик остановил его:

– Погоди чуть. Хейбар осторожно надавил левой рукой на его плечо, продолжая другой рукой поглаживать тетрадь.

– Дедушка Хейбар, пожалуй, я пойду, – невнятно пробубнил Фархад, снова почувствовав, как стремительно забились сердце.

– Нет, так просто ты не можешь уйти. Мне надо сказать тебе... – Голос Хейбара обрел серьезность.

Фархад обреченно присел, ожидая, что ему скажет хозяин. Тот сидел совсем рядом, продолжая поглаживать пахнущими шафраном пальцами обложку тетради, и Фархад ощущал его тяжелое дыхание как собственное. Казалось, их дыхания пересеклись, слились. И в это время случилось ли что или нет, но Фархаду Гурублу вдруг стало не хватать воздуха, ком подступил к горлу, неведомо для себя он вдруг впал в состояние какой-то прострации. Перед глазами проскакал и удалился за холмы отряд всадников. Печально глядевший джейран спустился с гобелена и стал тереться головой о колени Хейбара. Та кривая, узкая улочка в Тебризском квартале Чухурлу, под проливным дождем, полетев ковром, разостлалась перед черными воротами двора. По этой улице шел ворчливый, чуть прихрамывающий старик...

Фархад уже не различал лица Хейбара, но отчего-то был убежден, что тот прихрамывающий, ворчливый, белобородый старик, торопливо бредущий по кривой, петляющей улице, и сидящий рядом с ним на тахте, чье тяжелое дыхание одурманивало, поглаживающий левой рукой длинную бороду и улыбочиво поглядывающий на то, как он ест абрикосы, Хейбар – один и тот же человек.

«Этот человек должен прихрамывать, обязательно прихрамывать. Одно я знаю точно. Все, что говорил Савваб Табризи об аль-Заммани – вымысел. И «Тайна тайн времен» принадлежит Саввабу, и открыл ее Савваб, и сам он не умер, до сих пор жив. Вот она, формула счастья, вот оно, бессмертие! Так отчего же он скрывает себя, прикрываясь именем аль-Заммани?! Соединяет всех вокруг придуманного, не существующего имени. Убедил, нет, не убедил, заставил всех завидовать аль-Заммани?! Что за человек был Савваб Табризи?! Не пожелал делить с кем-то сладость своей блистательной победы. Есть люди, что могут гордиться своей победой только втайне от всех. Если даже никто не знает об их свершении, им достаточно осознания в своем одиночестве

собственной победы. Видимо, таков он. Поглядите, как преспокойно сидит в окружении джейранов... Этот человек обязательно должен прихрамывать. Раньше, смеясь, порой я говорил себе: «Этот аль-Заммани еще тот шутник, ох, как он закодировал себя!» На самом деле, я должен был говорить иное: «Этот Савваб Табризи был удивительным шутником...» – так размышлял Фархад Гурублу.

Голос деда Хейбара острой иглой вонзился в его левый бок, словно разбудив его. То наваждение, в котором он пребывал, ушло, улетучилось. Одинокий джейран вернулся в гобелен и застыл там. Фархад Гурублу перевел дыхание. А Хейбар, будто продолжая сказанное ранее, сказал:

– Вот видишь, сынок, хоть ты и не признаешься, я знаю, что ты опять пришел к «Управлению снами» Савваба Табризи. Белый Дервиш снова вернул тебя к Саввабу. Так или нет? Ты вернулся к той точке, с которой начал. Начал с хромого Савваба и кончил хромым Саввабом. А вот, что замечательно... ты даже не поразился. Да, да, Савваб был хром, тянул одну ногу... Ты знал это? – спросил Хейбар, чуть прищурившись.

Фархад Гурублу, подобно всезнающим людям, вместо ответа напустил на себя неопределенное выражение лица. А дед Хейбар, решив не демонстрировать особой загадочности, продолжил:

– Три дня тому назад, когда вы приехали, я знал, что все будет именно так. Ты вернешься к той точке, с которой начал. Еще радуйся, что трактаты не увели тебя в «Духовные и звездные пути» Сеида Сары Дардачаре. А это уже совсем иные координаты. Путешествия в эти миры никогда не кончаются. От звезды к звезде, от звезды к звезде... Оттуда ты так легко не выбрался бы. Благодарение Богу, что они пожалели тебя. Вернули тебя к предтече, к началу, к хромому Саввабу. Разумеется, ты всю жизнь должен благодарить Бога, что не открыл «Тайну тайн времен», не стал поверенным тайн. – Сказав последние слова, Хейбар спокойно перевел

дыхание, и в уголках его губ заскользила знакомая милосердная, лучезарная улыбка: – Важно было, чтобы ты сохранил тайну. Увы, трактаты, они играют порой в эти игры.

Выслушав деда Хейбара, потрясенный и растерянный Фархад Гурублу, вставая, даже не спросил, кто это «они», что это за «они», что «они» от него хотят и почему эти «они» избрали для своих игр именно его. А Хейбар этого не стал говорить.

...Старик привстал с тахты так, словно покидал чужбину, на которой прожил долгие годы. Легко спустился с тахты, быстро зашагал к двери. Фархад Гурублу глядел вслед ему, его сердце было готово выскочить из груди. Увы, увиденное расстроило его. Этот старик абсолютно не прихрамывал. Глядя с сожалением, как бодро вышагивает хозяин к двери, Фархад Гурублу почувствовал, как у него снова защемило сердце. Как он мог счесть Хейбара – Саввабом. «Этот старик Хейбар не мог быть обитателем квартала Чухурлу в Тебризе. Хейбар – один из тех сельских всезнаек, что пыжались выглядеть мудрецами. Что за наваждение преследует меня?! Конечно же, это не он».

Придержав шаг у дверей, Хейбар по-прежнему ласковым голосом попытался развеять огорчение Фархада. Тихо и снова загадочно спросил:

– Ты хоть обратил внимание на слово «время» в «Тайне тайн времен»?

– Нет, не обратил, а что вы имеете в виду.

– Истинная тайна скрыта, заключена в этом слове. Если аль-Заммани придуман Саввабом, а ты, я знаю, сейчас считаешь именно так, то Белый Дервиш тот некто, кто существовал на самом деле. У этого человека была еще одна работа, никогда не обнародованная, называлась она «Лики тоски». Он писал ее, когда жил в Долине Кудесников. Может, об этом мало кто знает. И говорю тебе об этом, чтоб ты не особенно печалился о том, что тебе на голову свалилось. «Тайна тайн времен» однажды нашлась, невозможно, чтобы ее

нашли во второй раз. Никто не сможет заново найти ее, ибо в той форме, как мы представляем, ее больше нет!

Старик помолчал, затем добавил:

– В своем произведении «Лики тоски» Белый Дервиш пишет, что время – категория неделимая, не имеющая ни начала, ни конца. У каждого века, каждой эпохи, каждой страны, каждого человека свое персональное, индивидуальное время. Когда времена сливаются, они формируют единое Великое Время. Иное и невозможно. «Тайна тайн времен» родилась в свое время, в свою эпоху. И как только объявилась, ее обнаружили. Вопрос был закрыт. И она стала уделом одной личности. В другие времена самой «Тайны тайн времен» не было, существовало одно лишь ее название. Те, кто искал, искали не ее самое, а название. В том числе ты... Если таинство счастья обнаружено, оно не может перейти в другое время, оно остается в своем. Так утверждает Белый Дервиш. Эти слова Белого Дервиша ясно доказывают, что он не тот человек, кто открыл «Тайну тайн времен», ведь именно в свою эпоху он принял смерть. Одним словом, ни он, ни подобные ему именитые ученые не совершали путешествия во времени. А Савваб, хромой Савваб, смог это сделать. – В последних словах старика явно ощущалось скрытое самодовольство. Он перевел дыхание и умолк. Фархад Гурублу мрачно улыбнулся.

Они – дед Хейбар и Фархад Гурублу – еще какое-то время молча постояли у окна, глядя во двор, не смея отвести глаза от роя пчел, кружащихся над кустами роз. Пчел можно понять, в эту самую пору, в самый пик весны, кусты раскрылись такими бутонами... Причем раскрылись в неодолимой жажде расцвета... Прощаясь, в последний раз внимательно и уважительно взглядываясь в морщинистое лицо, в печальные, потускневшие вдруг глаза деда Хейбара, Фархад Гурублу вдруг осознал, что на дне улыбки старика много всего таится, может, даже – все, но в ней, в этой глубине нет лишь самой улыбки.

Когда Фархад Гурублу вышел, прикрыв за собой дверь веранды, ему показалось, что кто-то позвал его по имени, может, старик Хейбар, почувствовав что-то, решил придать прощанию больше тепла, но Фархад Гурублу не стал оборачиваться. Этот старик, к счастью, а может и, к сожалению, не хромал, и, конечно же, он не был Саввабом Табризи.

По тропинке посреди двора, утопающего в буйстве цветов, Фархад Гурублу зашпешил к воротам. Он думал о смысле и бессмысленности жизни, счастье и несчастье, любви и ненависти, о мире, в котором живет, о других мирах, в которых ему не доведется жить. Когда он протянул руку, чтобы отворить калитку, внезапно ему подумалось, что сейчас по ту сторону ворот нет ни его машины, ни той широкой улицы, не сумрачного подростка. По ту сторону ворот – кривая улица квартала Чухурлу в Тебризе, она тянется бесконечно, и теперь на эту улицу щедро проливается дождь. И тут же вздрогнул. В одно мгновение ударил гром, сверкнула молния, пошел дождь.

Как только Фархад Гурублу вышел за ворота, глядящий вслед ему из окна худощавый, высохший, словно мумия, старик спокойно перевел дыхание, поглаживая бороду, направился к тахте в конце веранды.

Он заметно прихрамывал, подволакивая ногу.

Перевел Азер Мустафазаде

Мамед Орудж

НАДЕЖДА

Когда отец, вернувшись с Агджабединского базара, разложил посреди комнаты купленное, он, мельком взглянув на вещи, расстроился. В сердцах он обиделся на отца, подумал, что опять тот ничего не купил ему на базаре.

Отправляться пару раз в год на Агджабединский базар и возвращаться с двумя чемоданами вещей было привычным для отца. Он знал, что отец в этих давно облезших чемоданах с раннего утра отвозит на Агджабединский базар груши и виноград и, купив на вырученные деньги одежду, на закате возвращается домой. Иногда отец тратил деньги и на часто используемые промышленные товары, такие, как тяпка, серп, коса, узда, но на этот раз все купленное было лишь одеждой. Ведь не шутка, кроме него, в семье росло пятеро мальчишек и, кажется, оставалось немного – и шестой ребенок появится в семье, так как живот матери рос с каждым днем.

Он учился в шестом классе, младший братик не мог еще разговаривать. Он хотел выйти во двор, чтобы никто не увидел навернувшиеся на глаза слезы, но отец внезапно остановил его:

– Куда идешь? – сказав это, он протянул ему старые ботинки, лежавшие на ковре. – Надень-ка, посмотрим, не жмут ли они тебе ноги?

И слепой бы увидел, как могут ботинки, стоящие перед ним, быть малы? И со стороны было видно, что ранее они принадлежали какому-то офицеру или солдату.

Отец возвращался с Агджабединского базара довольным и с вечера, спустя долгое время, говорил об изобилии на базаре. Он часто отмечал, что причиной этому агдамцы, как будто бы Агдамский базар не разрушился, а переместился в Агджабеди.

– Груши-то смог продать нормально?

Отец ответил внезапно вмешавшейся в разговор жене:

– Было неплохо.

И опять повернулся к сыну:

– Что глаза вылупил? – сказал он. – Надевай ботинки, если жмут, отнесу, верну.

Отец открыто издевался над ним, но как он мог пережить ему? Когда он надел ботинки, и их горловина уперлась в щиколотку, его братья рассмеялись. И он, представив себе, как завтра вся школа будет смеяться над его ботинками, заплакал. С насмешкой над его ботинками всей школы он, может, и смирился бы, но ведь дело было еще и в Джейран.

В Джейран он влюбился еще с прошлой весны, и причиной этому была сама девочка, она однажды ему улыбнулась, и все...

Эта любовь была его единственной тайной, и пока что этой тайной он не поделился даже с самым близким другом – матерью.

Отец поднялся с места:

– Ну, теперь пройди пару шагов, – сказал он и тотчас же скомандовал по-русски:

– Шагом марш!

Часто заводящий разговор о годах воинской службы в Казани, отец, не понимающий самых простых фраз из передач на русском языке, которые смотрели всей семьей, и спрашивающий у него, о чем идет речь, очень любил использо-

вать русские выражения и говорил ему: «Ты должен стать генералом, когда вырастешь!»

Слушаясь приказа и шагнув несколько шагов, он, заплетаясь, упал, и братья опять рассмеялись, но на этот раз отец так изменился в лице, что они разошлись, кто куда.

Отец сказал:

– Носи на здоровье! И аккуратно! Береги их, чтобы и братья могли носить их после тебя.

Вся одежда, а также резиновые боты, становившиеся ему малы, можно сказать, никогда не выбрасывались, все donaшивали его братья.

Несмотря на то, что он не осмеливался на что-то ответить отказом, он вдруг стал задыхаться от слез и не смог сдержать свою икоту, и, кажется, на этот раз отец решил завоевать его сердце:

– Да, кажется, они тебе немного великоваты, но не беда, будешь одевать с шерстяными носками, а если нужно, свех них и портянки намотаешь!

Сам отец круглый год носил солдатские сапоги, без носок, как привык в армии, с обмотками из бомбазиновой¹ ткани – «портянками».

Когда он повторно икнул от плача, мать, повернувшись к мужу, сказала:

– Ты что, не мог купить чуть поменьше размером?

Отец не ответил на этот вопрос, но сказал, что чем вести лишние разговоры, лучше принесла бы хлопок, и, к тому же, очищенный, то есть вату.

Он снял ботинки, так же повинуюсь отцу, как и надел их по его приказу. А затем исподлобья наблюдал за тем, как отец заполнял ватой, которую принесла мать, носовую часть ботинок. Но при мысли о том, что нет другого выхода, и

¹ Испорченный русский: бумазейный

завтра он, надев эти ботинки, должен пойти в школу, снова не сдержал свои слезы.

Отец опять протянул ему ботинки:

Теперь иди и почисти их кремом, как почистишь, они сразу заблестят. Это хром, завтра наденешь и пойдешь в школу!

Уже две недели, как он не ходил в школу, по той причине, что порвались туфли и не во что было обуться.

Когда средний брат, почистив обувь кремом, снова принес ее в комнату, отец сказал:

– Да, вот это другое дело, теперь они стали наркомовской обувью, внизу – подошва, сверху хром, и Сталин носил такие же.

После того, как отец вышел из комнаты, младшие братья решили испытать обувь. Они по очереди, смеясь, надевали ее и снимали, даже прочли написанное внутри нее. Стало известно, что хозяином этой обуви был прапорщик по фамилии Садыхбеков. Но мальчик не придал значения этой фамилии. Долго размышлял, интересно, каким образом ботинки прапорщика Садыхбекова оказались на Агджабединском базаре?

А средний брат еще и подшутил над ним относительно этой фамилии:

– Как дела, прапорщик Садыхбеков?

Несмотря на свой старший возраст, он был мельче среднего брата и не мог справиться с ним. Когда дело доходило до драки, он всегда был бит. Поэтому промолчал и прежде чем заснуть, подумал, что сделать утром? Надеть ботинки, пойти в школу и насмешить всех, или пойти наперекор отцу?

Утром, проснувшись, на пороге поверх ботинок он увидел еще и пару носков, хотя было еще не время шерстяных носков, погода была теплой.

В школу его проводила мать. И после того, как насыпала ему в карман горсть очищенных грецких орехов, сказала:

– Другого выхода нет, родной мой, надевай. Если не наденешь, отец избьет и тебя, и меня.

Вот это предупреждение и испугало его. Он знал, что когда отец поднимал на него руку, матери, которая вмести- валась, доставалось еще больше.

У отца был жуткий характер; он как будто бы целый день искал повод, чтобы побить жену.

Чтобы не опоздать в школу, он снял ботинки на полпути и взял их в руки; но, пройдя пять-десять шагов, понял, что идти так не сможет, ноги мерзнут. На самом деле, земля была мокрой, после последних дождей она еще не подсохла.

На полпути, услышав школьный звонок, он подумал, что уже не стоит торопиться; какая разница, на десять минут опоздал, или на пятнадцать. В любом случае, учительница Фирангиз надерет ему уши.

Но учительница, увидев его на пороге классной комна- ты, не только не тронула его уши и не нагрубила, но, напротив, накричала на ребят, которые при виде его стали смеяться:

– Сейчас я вам всем всыплю, как полагается!

И, прикоснувшись к его плечу, сказала:

– Проходи, садись, проходи...

Не ступая, а волоча ноги, он прошел на свое место в последнем ряду.

Несмотря на то, что он считался примерным учеником, классная руководительница сажала его в одном ряду с учени- ками-разгильдяями, которые не учились в школе, а проводи- ли время.

Одноклассники, особенно мальчики, поворачиваясь по одному, глядели на него со странной улыбкой, что привело к срыву урока, и он виновато опустил голову.

Он не понял, откуда бросили письмо, упавшее перед ним, но открыл и прочел с опаской. Оно состояло из одного предложения: «С новыми сапогами тебя!»

Прошло немного времени, и он получил еще одно письмо с таким же содержанием. Но на этот раз оно не было анонимным. Пославший письмо написал снизу свою фамилию, имя и даже кличку: «Намазов Джахангир – Джон».

Письмо, брошенное справа, на самом деле было открыткой. Фраза, настигнувшая добычу, была написана на картоне: «Съесть бы твои сапоги!»

Он прочел и четвертое, и пятое, и шестое письма. Содержание не менялось, но одно из этих писем было подписано: «Бедствие» («Мусибети-Фахраддин»). Именно это письмо и рассеяло его уныние и, подняв голову, он посмотрел на самого лучшего друга, заметив, что все взгляды сосредоточены на нем. Учительница же с большим воодушевлением рассказывала о движении Бабека. В это время пришло еще одно письмо, оно было от друга, который уже курил и пил. Он писал, мол, когда сапоги обмываем?

На перемене дети 6А класса, каждый по какой-то причине, открыв двери, шептались, глядя на его ботинки.

Из 6А на пороге класса не показалась только Джейран. Это его успокаивало. Ему казалось, что, если и Джейран, посмотрев на его ботинки, будет смеяться, тогда ему нельзя показываться не только в школе, но даже в деревне.

Он не вышел из класса и на другой перемене. А когда на следующей перемене ученики младших классов со странными улыбками на лицах стали его рассматривать, он не вытерпел и ударил одного из них этими ботинками. Только он хотел проучить второго, как ботинок свалился с ноги и попал в его одноклассника Ильяса. После этого происшествия он увидел, как некоторые учителя также рассматривают его ботинки.

Он же думал о том, что бы он сделал, если кто-то другой пришел бы в школу в таких же ботинках? Думал о том, почему отец его не понимает? Почему он его так сломал? Ведь это был не первый случай, когда отец так поступал с ним.

Три года назад, когда он учился в третьем классе, он надел в школу поношенное пальто, которое отец купил на Агджабединском базаре, и тогда школьники, так же, как сейчас, издевались над ним. Когда он надевал это пальто, подол его волочился по земле, и к тому же оно было тяжелое, он не мог его носить.

Но после нескольких походов в школу и насмешек ребят он нашел выход из положения. Отойдя от дома на некоторое расстояние, он снимал пальто и прятал его в кустах ежевики.

Отец каждый день расхваливал это пальто, говоря, что и Сталин надевал такое.

По возвращении из школы домой он вытаскивал пальто из кустов и надевал его на себя, и дома никто, кроме среднего брата, не знал, что зимой в школу он ходит в одной рубашке.

Он и сейчас мог бы спрятать ботинки в тех же кустах ежевики, но не идти же ему босиком в школу?.. А во-вторых, ботинки же не пальто, как-никак из кожи, а запах кожи уличные собаки не могут не почувствовать.

...Но когда ребята возвращались из школы домой, ботинки им оченьгодились. Когда они на полянке у дороги, разделившись, стали играть в мяч, уже не пришлось искать границы для ворот, вместо одних ворот поставили ботинки...

Кто бы мог подумать, что проезжавший по дороге «ГАЗ – 31» остановится возле площадки, и шофер, выйдя из машины, будет наблюдать за их игрой, и, в конце концов, подойдет к ботинкам, которые стоят вместо ворот?

Кажется, имя и фамилия, написанные внутри ботинок, привлекли внимание молодого бородатого шофера, и он громким голосом спросил:

– Чьи это ботинки?

Он постеснялся ответить на этот внезапный вопрос. Но сверстники, указав на него, ответили хором:

– Его!

Бородатый шофер, мимоходом взглянув на него, улыбнулся:

– Как же ты носишь эти ботинки? – спросил он. – Они тебе не велики?

Конечно же, он не оставил без ответа эти вопросы, к тому же дал понять, что отец поздно возвращается с работы.

Бородатый шофер вежливо сказал:

– Вечером я приду к вам, ты не должен носить эти ботинки...

Честно говоря, он не понял, для чего тот должен вечером прийти к ним? И почему он не должен надевать эти ботинки?

Придя домой, он рассказал эту историю матери, рассказал потому, что с каждой минутой в нем разгорался странный огонек. Правда ли, что опять простое совпадение положит конец его грусти?

Три года назад от старого пальто его избавило одно совпадение.

Откуда ни возьмись, на их двор пришла гадалка, которая сказала, что в этом доме есть одежда покойника, и, если эта одежда не выйдет из дома, погаснет свет этого очага, это гнездо будет проклято. И мать тут же, завернув пальто, отдала его гадалке. Правда, результат не был радующим сердце. Узнав об этом разговоре, отец побил жену, а потом сказал, что эта гадалка – аферистка, и завтра она продаст это пальто какому-либо несчастному на Агджабединском базаре.

Он хотел подготовиться к завтрашним урокам, но в голову ничего не лезло; ни рыцарь Бабек, ни его хуррамитское движение, начавшееся против арабского халифата. Все мысли были о том бородатом шофере.

... Наконец-то, он услышал голос того парня.

Отец, как правило, не выходил сам навстречу тем, кто приходил к нему с визитом, а посылал его и предупреждал, чтобы тот сказал, что отца нет дома. И на этот раз отец последовал своему правилу. Он и сам с веранды второго этажа придумал очередную ложь.

– Отца нет дома.

Снизу опять раздался голос:

– Как это нет?

Нет, этот голос не был голосом бородатого шофера, голос был чужой. И он, взглянув вниз, увидел: несмотря на то, что бородатый шофер приехал на той же машине, он был не один, рядом с ним был и участковый Сахиб Абдуллаев, которого называли «палломочки», и начальник сельского совета.

Видимо, и отец узнал голос участкового, в такое время ночи он не вышел бы из дома на каждый зов.

Со второго этажа он слышал разговор между участковым и отцом.

– Парень, носивший эти ботинки, был командиром этого бородатого парня в Агдамском батальоне. Сейчас ему присвоено имя национального героя. Ты хоть знаешь, что это значит? Понимаешь?

– Понимаю, но не знаю, о каких ботинках идет речь?

– О ботинках, которые носит твой сын.

Далее наступила тишина. Затем участковый, положив руку на плечо бородатого шофера, продолжил:

– Теперь этот мужчина заберет те ботинки. Что скажешь?

Опять наступила тишина, но на этот раз ее нарушил отец:

– Как знаете, – сказал он, – но...

– Что но, – сказал участковый, – эти ботинки память о национальном герое. Будут отданы в музей Славы Борьбы...

В этой части беседы и бородатый шофер вмешался в разговор:

– Взамен этих ботинок я принес вашему сыну две пары обуви, сказал он, – одни из них кроссовки, а другие – туфли, пусть носит в школу.

Наступившую тишину прервал начальник Совета:

– А почему ты не приглашаешь нас домой, мужик, ты что, не мусульманин?

– Ну что вы, – ответил отец, – для таких гостей я и жизнью пожертвую.

За чайным столом участковый вдруг достал из своей картонной папки лист белой бумаги, ручку и положил на стол.

– Теперь пиши, откуда и у кого ты купил ботинки? – сказал участковый и, задумавшись на некоторое время, продолжил. – Было бы хорошо, чтобы ты вспомнил и внешние черты физической личности, у которой купил ботинки, и описал его как есть.

«Физическая личность», «внешние черты», «описание», – все эти выражения были чужды и самому ему, откуда знал отец, получивший всего трехлетнее образование, что от него хочет участковый?

Он почувствовал, как отец отчего-то забеспокоился: понял, что тот не без причины жалостно улыбался гостям.

– Без сомнений, этот вопрос будет расследоваться и в военной прокуратуре, так как неизвестно, шахид погиб от вражеской пули или его убили сзади, с тыла; и поэтому пиши все как есть: у кого купил, когда купил, какой был разговор между человеком, продававшим ботинки и тобой, пиши все. И запомни все написанное тобой, чтобы не писал по-другому

объяснительную в военной прокуратуре, а то сам себя запутаешь...

Отец, хоть и взял в руку ручку и провел несколько раз вдоль белого листа, пока еще ничего не написал, но глубоко задумался. Вдруг он заговорил:

– Я же не могу писать латинским алфавитом...

– Ничего, пиши кириллицей, – сказал участковый, – мы учтем.

Зеленая ручка тряслась между шершавыми, почерневшими как головня, пальцами. С каждым мигом он бледнел...

Он никогда не видел отца таким бессильным, беззащитным перед кем-то.

После того, как бородатый парень достал из наплечной сумки две пары обуви и положил их посередине, он потребовал ботинки, и средний брат, после знака, поданного отцом, принес ботинки.

Отец смотрел то вниз, то на потолок, как будто бы искал фразы, которые должен написать то на полу, то на потолке. Он видел не только трясущиеся пальцы, держащие ручку, но и его дрожащее тело. Это очень взволновало его, и он сказал:

– Может быть, я напишу вместо отца?

Но участковый не разрешил:

– Он сам должен писать!..

Начальник Совета, в поддержку участкового, с заботой ответил:

– Больше не покупайте старые вещи на базаре, – сказал он, – вы видите результат.

Он не знал, слышит ли отец это наставление или нет, так как тот глубоко задумался, и кто знает, о чем.

Первый раз в жизни ему стало жаль отца. А в сердце у него был праздник. В любом случае, завтра в школу он надеет одни из этих туфель. И больше не будет сидеть в кабине-

те на перемене. Будет выходить в коридор, чтобы и Джейран видела его.

Несколько месяцев назад отец на Агджабединском базаре купил еще одну вещь домашнего обихода: двухэтажную солдатскую койку. Он спал на верхней, а средний брат на нижней части койки. Посреди ночи средний брат, ткнув ногой в бок, разбудил его и, наклонившись к его уху, шепотом спросил:

– Если отца посадят, кто будет содержать нас?

Позже средний брат шепнул еще одну фразу ему в ухо:

– По-моему, отец прав: все это ловушка, они думают, у него много денег, хотят припугнуть, чтобы отнять их у него!..

Средний брат не вмешивался в разговор, начавшийся между отцом и матерью после ухода гостей, но, кажется, кое-что ... понял...

Перевел Этимад Башкечид

Садай Будаглы

ПОПУТНЫЙ РАЗГОВОР

Могу довести, если едешь домой?! Это не составит мне большого труда, все равно я проезжаю через ваши края. Ты все еще живешь возле метро «Нариманова»? Говорю же. Ну, садись. Как-никак, мы с тобой товарищи по работе, коллеги, большую часть дня бываем вместе, хотя ты и не со всеми ладишь. Год исполнился, как ты с нами работаешь? Это немалый срок. Но это не имеет никакого отношения к тому, как ты разбираешься в людях. Казалось бы, разве можно не знать человека, с которым долгое время живешь под одной крышей. Многое зависит от обстановки и обстоятельств. Иногда обстоятельства складываются таким образом, что человек, которого ты считаешь близким, внезапно меняет свой облик. Что поделать, такова жизнь. Узнаешь, что к чему, по мере прожитых лет. Вот уже около десяти лет, как я здесь работаю, но здесь очень мало таких людей, которые достойны того, чтобы я привел их к себе домой, в круг своей семьи. Я не советую избегать всех подряд и ни с кем не водиться. Нет, ты волен строить с ними какие бы то ни было отношения, это твоя жизнь и твое право. Но к сердцу своему не всякого подпускай. Бывает, раскроешь душу, поделишься своей тайной, и в один прекрасный день обнаруживаешь, что бьют тебя по самому больному месту. Так устроена жизнь. Проявишь слабость – и ты пропал. Ты мне в сыновья годишься, вся твоя

жизнь еще впереди. Постепенно и ты наберешься жизненного опыта, и вскоре сам дойдешь до истины.

Я знаю, что ты женат. А дети у тебя есть? Мальчик? Да хранит его Аллах! Вижу, как ты иногда заигрываешь со здешними девушками. Нет, я ничего не имею против. Гулять тоже надо, встречаться, любить, развлекаться. Мужчина волен иногда позволять себе такое, но в меру. В первую очередь необходимо, чтобы тебя в семье считали мужчиной. Бегать сегодня туда, завтра – сюда, это не дело. В этом случае ты ничего не узнаешь о потребностях своих домочадцев – куда они ходят, откуда возвращаются, что ели, что пили и т.д. Налаживай свои дела сначала дома, а потом уже вне дома. Если ты содержишь семью так, как полагается, тогда можешь себе иногда позволять идти на сторону. Это я так, к слову сказал, ты сам, слава Аллаху, смысленый парень. Я тоже немало повидал на своем веку и ни в чем не нуждался. Все мы под Господом Богом ходим, видит Бог, что подобные дела я совершал, основываясь не на чувствах, а на разуме. Я действовал с умом, думая обо всех последствиях. Было – кончилось. Подойдешь к этому с чувствами – пиши пропало. Ты станешь мучиться. Ее смех, осанка, взгляд – все будет тебя будоражить.

Ты начнешь всему придавать какой-то смысл, все будешь как-то истолковывать. Почему, мол, сегодня не так посмотрела, почему не так улыбнулась и т.д. Нет ничего ужаснее, чем внутреннее беспокойство. Я уже не говорю о том, как будет разрываться и раздваиваться сердце. Хочешь, не хочешь – а дома ты обязан будешь быть одним, вне дома – другим. Женщина – такое хитрое создание, она замечает самые малейшие изменения. Если она что-то почувствовала, ты пропал, она не будет сидеть, сложа руки. Как бы то ни было, она ответит тебе, отомстит сполна. Ты читал «Тысяча и одну ночь»? Там девушка среди бескрайних пустынь находит воз-

можность отомстить диву, который ее похитил. К тому же делает все это прямо перед его носом. Чтобы див не проснулся, она тихонько поднимает его голову со своих колен и кладет на землю, вынуждая при этом одинокого мужчину, попавшего в пустыню, побыть с ним. Вот какое создание женщина! Она добьется своего во что бы то ни стало. Поэтому не надо давать ей повода. А дела сердечные надо делать не с чувством, а с умом. Так будет хорошо и для тебя. Ведь всю свою жизнь мы стараемся, мечемся туда-сюда, чтобы у нас были дом, семья, работа, чтобы быть спокойными по поводу завтрашнего дня. Поэтому подумайте, стоит ли ради мимолетной забавы, ради мнимой любви разрушать семью, будоражить свитое гнездо? Стоит ли? К чему мне эта любовь, если из-за нее я лишусь дома, потеряю уважение в семье и на работе? Все говорят: Меджнун, Меджнун, а ты спроси – хочет ли кто-то стать Меджнуном¹? Дома я очень строг, и никто не смеет со мной пререкаться. И это не потому, что я все делаю правильно. Главное, чтобы тебе верили и доверяли, и даже ошибку твою считали правильной. Стоит лишь однажды признать свою ошибку – все, потом всю жизнь будут находить ошибки даже в правильных твоих поступках и действиях.

У меня один сын и одна дочь. При необходимости я завожу с ними откровенный разговор. Бывало, что с сыном я беседовал так же, как сейчас с тобой. До него понятия «стыдно, нельзя, неприлично, некрасиво» просто не доходят. Ведь я родитель, я желаю детям только лучшего. Так зачем же я должен зазнаваться и вести себя как чужой, чтобы потом самому же и мучиться? Если они поступают неверно, ошибаются в чем-то, я обязан указать им верный путь, помочь добрым советом и наставлением. Я должен быть им другом. Доч-

¹ Меджнун (*безумный*) – герой популярной на Востоке легенды, страстно влюбленный в Лейли.

ку я уже выдал замуж за ее любимого. Они вместе учились. Сначала я поспрашивал о нем, узнал многое о его родных, и только затем уже дал свое согласие на их брак. Мой зять – самый младший в семье ребенок. Семья их состоит из трех человек – матери и двух сыновей. Плохо только то, что жили они все вместе. К тому же старший брат его был женат. Ты знаешь, я всегда боялся красавиц и избегал их, насколько это было возможным. Быть может, я боялся влюбиться и не верил, что они способны меня полюбить, или же сомневался в их преданности. Да, почему-то всю жизнь я их сторонился. Жена деверя моей дочери тоже красива. Очень красива. Красота тоже ведь бывает разная. Ее красота манит человека, сводит с ума. Она, словно дерево, усыпанное цветами, стоит перед тобой. Говорит, «смотри на меня и любуйся, глаз от меня не отводи». Даже я не мог оторвать от нее глаз. Все ее любили – добрую, отзывчивую, веселую и всегда улыбающуюся. Однако она чересчур независима. Очень поздно возвращалась домой, иногда вообще не возвращалась, говорили – уехала в командировку, осталась ночевать у подруги и т.п. Представь себе, муж сидит дома, а жена еще с работы домой не вернулась. Появляется среди ночи и говорит, что была у подруги. Как ты на это смотришь? Муж ничего не говорит, свекровь тоже молчит. Не буду же я говорить вместо них. Я не говорю, что если она поздно вернулась с работы, то обязательно что-то не так сделала, в чем-то провинилась. Нет, но ведь всему есть предел. Когда я вижу, что никто не реагирует на тот или иной мой поступок, на следующий день я даже и не отказываюсь от него. Все мы такие. Надо своевременно нас останавливать и говорить: «Так нельзя! Нужно вот как. Иди вот этим путем» и т.д. В общем, я уже не мог терпеть это дальше. Ближе к концу рабочего дня я поехал к ее учреждению. Один раз, второй, третий, и так несколько дней. И все стало ясно. Мое предположение подтвердилось. Я много

думал, что мне делать, как быть. Ведь в этом доме живет и моя дочь. Они вместе с ней ходят туда-сюда. Если даже многим и в голову не придет ничего плохого, но ведь кто-то же может подумать о том, что и моя дочь, как она, птица того же полета. Кому и что докажешь? Сначала я рассказал об этом дочери, чтобы она сама решила, кому оставаться в этом доме – ей с мужем или деверю с женой. Я предупредил ее, чтобы не вынуждали меня закатить скандал и забрать ее оттуда силой. Девочка стояла в замешательстве, не в силах поверить моим словам. Нелегко поверить в такое, я и сам это прекрасно понимаю. Видя, что из разговора с дочерью ничего хорошего не вышло, я рассказал обо всем этом ее свекрови. Она тоже что-то пробурчала, промямлила, в общем, так прошел еще один месяц. Жизнь шла своим чередом. Изменилось только отношение ко мне. И дочь, и ее свекровь отворачиваются от меня, отводят свои глаза при виде меня, словно я внес в их дом беспокойство. Ведь никто же не хочет быть плохим человеком. Что с того, что это брат, мать или кто-то другой, зачем им накликают беду на свои головы? Пусть он сам обо всем узнает, а если не узнает – так черт с ними. Пусть так и живут.

Когда о ком-то шушукуются, указывают на него пальцем, ты думаешь о том, как же все это терпит сам человек? Оказывается, дело обстоит совершенно иным образом. Все только и делают, что переговариваются за его спиной, а правду ему, бедняге, никто не сообщает. Если бы я не начал выяснять это дело, я непременно услышал бы об этом от кого-нибудь другого. Но ведь тогда и я бы думал по-иному. Но теперь уже дороги обратно нет. Я хотел рассказать об этом самому парню, но он попросил меня не вмешиваться в его семейные и личные дела. Даже не поспрашивал, не попытался узнать, правда это, или нет. «Не вмешивайтесь в мои дела», – сказал он. Но я возразил и заявил ему, что поскольку в

этом доме живет и моя дочь, то это дело касается и меня: «Я не допущу того, чтобы за спиной моей дочери тянулись такие же пересуды и сплетни. Если бы вы с женой жили отдельно, тогда, конечно, это было бы только твоим личным делом».

Я насильно усадил парня в свою машину и повез к учреждению, где работает его жена. Она вышла с работы, села в чье-то «Жигули» кизилового цвета и уехала. Я предложил ему поехать вслед за ними. Он покачал головой, отказываясь ехать за ними, а сам весь побледнел, как белый лист бумаги. «Вечером спросишь у нее, где она была. Наверное, опять скажет, что у подруги», – сказал я. Он молчал, не смея что-то сказать.

На полпути он попросил меня остановить машину, чтобы выйти. Я сказал ему, что довезу его туда, куда он захочет. Но он отказался и вышел из машины, хлопнув дверцей. И что же, ты думаешь, он сделал? Повесился. Что ты на это скажешь? Глупость какая! Если он покончил с собой, совершил подобное, значит, поверил в измену своей жены. А если поверил, тогда к чему себя убивать?! Будто этим он хотел отомстить ей и заставить пожалеть о сделанном. Но что толку в этом? Сейчас его кости в могиле гниют. Возможно, что его могилу никто даже и не навещает. Не приведи Аллах, но если бы я был на его месте, я бы глаза ей выколол! Или, в крайнем случае, развелся бы с ней. Себя-то зачем убивать? На похоронах его жена пролила немало слез. Все те, кто не догадывался об обстоятельствах этой трагедии, удивлялись тому, как сильно она любила своего мужа. Но я, подождав, пока все утихнет, застал ее как-то раз одну и рассказал ей обо всем. Рассказал, как все было, как я повез ее мужа к месту ее работы, как он изменился в лице, увидев ее и т.д. Она поплакала еще, наговорив мне всяких нехороших слов и обвинив меня в смерти мужа. Что ей скажешь?! Затем она собрала все свои вещи и ушла из дома. Теперь я не знаю, где она, чем за-

нимается. К чему мне все это? Но вот чего у нее не отнять, так это ее проклятушей красоты. Что, уже сходишь? Мы что, доехали? Могу отвезти тебя, куда хочешь. За меня не беспокойся. Ну да ладно, дело твое. Но ты все-таки поспешил...

Перевел Этимад Башкечид

Махир Н. Караев

ПОЛКОВНИК

Полковник был при смерти.

После лишенных всяких страстей окончательных слов лысого, с гладкой, подобно гусиному яйцу, головой, старого профессора, ни у кого не было надежды на его выздоровление. Ровным счетом ни у кого: ни у бледнолицей Дарьи Самойловны, ни у глубоко вздыхающей каждую минуту Катерины Васильевны, у которой снова и снова наворачивались слезы на глаза, ни у Семена Михайловича, длительное время из-под очков с золотой оправой любовавшегося, приподняв крышку, черными стрелками старых, сохранившихся со времен пророка Ноя, карманных часов. Перед уходом Профессор сказал:

– От силы протянет дня три!

Профессор, проворней, чем гусь, произнес эту тяжелую фразу прямо в глаза стоящей у изголовья Полковника и промокавшей мокрым полотенцем его сухие губы, бледнолицей Дарье Самойловне. Этот человек со странно сопящим, плоским носом даже не отозвал ее в крайнюю комнату. А это было неуклюжим знаком краткости, длиною всего в одну пядь, безнадежной реальности между болезнью и смертью. И, высказав без сомнений эту фразу, холодный, как меч в ножнах, голос Профессора с одним и тем же пессимизмом выговорил другую, лишенную нежности фразу:

– Я абсолютно бессилён!

Профессор вышел из комнаты. Вышел, подобно неравновешенной двери с железным затвором, закрывшейся в лицо внезапно наступившей тишине смерти. Дарья Самойловна, глупо зарыдав, прижала мокрое полотенце к глазам, Семен Михайлович, приподняв крышку карманных часов, уставился на часовые стрелки, Катерина Васильевна же, глубоко вздохнув, на этот раз расплакалась сильнее прежнего.

Но знающий с точностью, как пятью пять – двадцать пять, свое дело, на этот раз Профессор допустил пару ошибок, подобных еле заметным крапинкам гусиного яйца, и, что самое интересное, это смог почувствовать только Полковник! Странствующий разум Полковника, размером с кулак, пока еще не исчез окончательно, не растаял до последней частицы в своем темном горизонте и, как бы мучительно ни было, из глубины колодца он был пока еще в силах уловить некоторые нюансы. А с другой стороны, его обрывающаяся ранимая жизнь от силы протянула бы три часа, но не три дня – Полковник был совершенно уверен в этом; так же, как восемь месяцев назад был уверен в выздоровлении сына: внезапно, без сомнений.

По этой причине от очень далекого голоса Профессора на неподвижных глазах Полковника не дрогнула ни одна ресничка; к тому же, было ровно три дня, как Полковника раздражало полное отчаяния визжание одного черного щенка, и Полковник не слышал больше ничего, кроме этого безнадежного визга в ушах. Он слышал только душераздирающее визжание, а все остальное – плач Дарьи Самойловны, ахи и охи Катерины Васильевны, пугающее тиканье часто открывающихся и закрывающихся старых карманных часов Семена Михайловича – словом, все утонуло, исчезло, растаяв посреди этого визга. Точно так же острая, как меч, фраза Профессора затупилась, смешавшись с этим визгом – отчаянье

щенка не давало покоя Полковнику, и, кроме этого щенка, он забыл обо всем, стал ко всему равнодушным.

А щенок беспрерывно визжал, все визжал и визжал...

Полковник поздно женился – когда улыбка в голубых глазах Дарьи Самойловны своей необыкновенной проникновенностью тронула его, возраст перешагнул за половину жизни, и, преодолев этот барьер, он то ли в шутку, то ли всерьез называл день женитьбы новой эрой своей жизни. Дарья Самойловна же в то время была всего лишь двадцатитрехлетней дерзкой девчушкой, и страсть этого возраста ровно на девятом месяце новой эры преподнесла Полковнику голубоглазого мальчишку. В один из тех счастливых вечеров верные соседи Семен Михайлович и Катерина Васильевна тоже пришли к ним с поздравлениями. Тогда, за столом, найдя возможность, Семен Михайлович долго жаловался на свою никогда не рожавшую, похожую на свеклу, круглую жену. Но что толку?! Краснощеклой, как бурак, женщине в тот вечер было все равно: она была занята перечнем имен для ребенка, и при каждом новом имени сама же отвергала его. Семен Михайлович отдал свое хрупкое тело в распоряжение крупногабаритного, с сединой в волосах майора (тогда Полковник был еще в звании майора) и так напился водки и вина, что в итоге ни язык его не мог высказать ни слова, ни ноги – удержаться на земле. Как слова застряли у него в горле, так и сам он заснул, сидя на месте.

Окруженный со всех сторон заботой четырех родных людей, Сережа быстро подрос и набрался сил. Ростом он походил на отца, а привлекательностью на мать. Беспредельно счастливая Дарья Самойловна не нуждалась ни в ногах, чтобы ходить, ни в крыльях, чтобы летать. Однажды вечером Полковник радостно разглядывал кудрявого сына, и вдруг

сумасшедший страх вспыхнул в его глазах. Полковник вскочил с места и так подался навстречу ребенку, что внутри у Дарьи Семеновны защемило. Он стал осматривать ребенка (Полковник был военным врачом). Обеими руками взявшись за голову Сережи, он внимательно посмотрел ему в глаза, затем на губы, на язык и, несколько замерев, послушал его дыхание; он слушал со страхом, с откровенным страхом. На его лице постепенно проступило выражение серьезной грусти. Дальше Полковник делал все, что угодно, только не отвечал на вопросы растерявшейся женщины, терпению которой с каждой минутой приходил конец. Муж снял рубашку с Сережи и уложил его на диван, еще раз послушал дыхание, осмотрел язык, еще раз пригляделся к глазам и, наконец, не повернув головы, тяжело проговорил:

– Я думал, он заболел, пустяки...

Но Дарья Самойловна уже не была двадцатитрехлетней дерзкой девчонкой, она была матерью тринадцатилетнего симпатичного мальчика, знавшая наизусть каждую морщинку на суровом лице мужа. Она уже прочла то, что увидела на его лице, и то, что она поняла, в эту минуту терзало ее изнутри, раскалывало ее мозг. На его окаменевшем лице было написано что-то такое страшное, что Дарья Самойловна больше не решилась спросить его о чем-либо. Однако затуманенное угловатое лицо Полковника не осталось загадкой, похожей на крепкий орешек; как только Сережа надел рубашку и вышел во двор, он повернулся к жене:

– Ребенок серьезно болен...

– Ка-а-к?!..

– Туберкулез!..

Дарья Самойловна, как мертвая, опустилась на диван.

...На следующий день Полковник не разрешил мальчику вставать с постели, и с того дня Сережа больше не показывался во дворе...

Несмотря на быстрый рост, Сережа был молчаливым, как ягненок. А сейчас совсем не разговаривал, молча повиновался всем указаниям отца. Казалось, что он онемел, и все усилия упрямого Полковника, днем и ночью не отходящего от него, были направлены только на то, чтобы сын заговорил. Но, увы, Сережа не заговорил – ровно четыре месяца он не вставал с постели, измучив родных людей, окружавших его со всех сторон. Число врачей, приходящих из военного госпиталя, в котором работал Полковник, со временем уменьшилось – несмотря на то, что после осмотра на лице ни одного из врачей не было надежды, на реальность которой можно было бы положиться, все они считали своим долгом говорить слова надежды у постели мальчика. Несмотря на то, что Дарья Самойловна верила на слово, вернее, боялась не верить, однако чахнувшее с каждым днем лицо единственного ребенка было горьким подтверждением напрасности всех надежд. В конце болезни Сережа дошел до такого состояния, что Полковник не мог не то чтобы успокоить Дарью Самойловну, но был готов чуть ли не рыдать вместе с ней. Однако Полковник не заплакал, он превратился в камень, в неодушевленный камень – он не слышал, что говорили, а если и слышал – молчал; так и застыл, отяжелев в одном углу.

Прошло ровно двое суток.

Прошел еще один день, но Полковник оставался в том же состоянии.

Только вечером следующего дня от слов верного соседа лицо Полковника немного посветлело, а то Бог знает, сколько бы он пробыл в таком состоянии. Заметив, как шевельнулось застывшее, словно болото, лицо, Семен Васильевич не упустил этого шанса: быстро отведя Полковника в другой угол комнаты, он стал шептать ему что-то в ухо, но окаменевший Полковник не был в состоянии понимать что-либо.

Все дело было в том, что Семен Михайлович рассказал всем на работе об этой беде, и женщина, работающая уборщицей, посоветовала: нужно обязательно найти черного щенка и накормить ребенка его мясом. И сейчас Семен Михайлович пытался пояснить Полковнику именно это. Семену Михайловичу, Бог знает, сколько раз еще пришлось повторять Полковнику одно и то же. Наконец, Полковник слегка оживился, тут же стал метаться, но вдруг только что ожившее громадное тело снова поникло, и Полковник, опустившись на диван, схватился за голову: тридцатипятилетняя врачебная практика встала лицом к лицу с надеждой, живущей лишь один миг.

– Гмм! Ты смотри, туберкулез, мясо щенка! Да еще и черного щенка!

Однако и эта безнадежная усмешка, к счастью, прожила всего один миг. Так что, как только черный щенок со сверкающими глазами ожил в его сознании, Полковник передумал ломать голову над неизвестным содержанием дела, касающегося мяса – здесь все дело было не в мясе щенка, а в его цвете; именно в черном щенке!

Полковник все-таки не согласился.

Он терпел и прекрасно знал, что Дарья Самойловна вот-вот смирится с волей Божьей. Полковник понимал и то, что как только он смирится с волей Божьей, так Дарья Самойловна обеими руками схватится за него самого – но опять терпел. Про это и Дарья Самойловна прекрасно знала, и оттого, что знала, в ее голубых глазах поселился такой страх, что Полковник был готов поверить сразу во все то, во что до сих пор не верил на земле, во все, вместе взятое. А с другой стороны, он потерял надежду от того, что болезнь, сдавливая, довела Сережу до такого бессилия, что тридцатипятилетняя практика Полковника стала бездейственной тридцатипятиминутной практики.

Полковник потерпел еще немного.

Через три дня Сережа первый раз упал в обморок, и тогда давно засохшее дыхание в горле Дарьи Самойловны так вырвалось откуда-то, что взорвало, как порох, застывшее лицо Полковника. Абсолютно не похожие на человеческий голос внезапные вопли заставили поверить Полковника во все, и он, подобно снаряду, вылетевшему из пушечного жерла, в один миг вырвался из своего терпения, и как крупный осколок, опустился на середину двора. Крупное тело, пошатываясь, быстро устремилось на улицу, но не успело еще выйти из дворовой калитки – словно заранее договорились! – и Семен Михайлович с той же скоростью ворвался в дворовые ворота.

– Дмитрий...

– Найди и принеси этого щенка!

– Щенок готов, я пришел, чтобы...

– Скорей!

С неподходящей их возрасту быстротой оба повернули обратно: Полковник побежал к дому, Семен Михайлович – на улицу. Только Сережа очнулся, как зашел Семен Михайлович, и быстро, повернувшись, защелкнул дверной замок. И Полковник не заставил себя долго ждать, он чуть ли не умоляя, начал запихивать в горло сына круглые куски полусырого мяса щенка. Сережа как будто все почувствовал, все понял – первый раз его утомленное естество всеми силами сопротивлялось упрямому отцу...

Полковник ждал чуда... Однако, спустя некоторое время Сережа снова потерял сознание, и тогда Полковник, без сомнения понял, что дела плохи. Затем широко-широко открывшиеся глаза сильно-сильно зажмурились, и у Полковника откуда-то упала слеза, он больше не помнил себя, кое-как, прислонившись к стене, он воспринял в себя все, во что до сих пор верил на земле, на что надеялся; а на последнем дыхании Сережи он превратился в громадный камень...

С того дня в жизни Полковника, вероятнее всего, началась совершенно иная эра – полностью разбитый Полковник напоминал застоявшееся болото. Вскоре он слег. Болезнь длилась долго: с вечера, когда прозвучала последняя фраза старого профессора, если считать в обратную сторону – ровно восемь месяцев. Ровным счетом – восемь месяцев.

Все эти восемь месяцев прошли в немой тишине; с этой тишиной смешались боль и тоска. К тому же тишина, опустившаяся на глаза обоих: Профессора и Дарьи Самойловны, – эта болезненная тоска и горькая боль! – они были одинаковыми; разница была лишь в том, что слегший Полковник с утра до вечера делился этой болью с неизвестной точкой высокого потолка, от которого не отрывал глаз, а Дарья Самойловна по утрам уносила эту тоску из дома на улицу с собой, а вечером возвращала ее обратно.

Семен Михайлович, считавший своим долгом каждый вечер после работы навещать больного и проводивший все свое время у железной кровати, болтал языком все, что попало, и, будучи спокойным, что его не прервут, не вникал в то, о чем говорил... Однако, чувствовалось, что от этого пустословия Полковнику не было ни жарко, ни холодно – потому, что как только верный сосед замолчал, Полковник, каждый раз с совершенным безразличием слушавший эти разговоры, говорил абсолютно не касающееся этих разговоров, только одно:

– Семен Михайлович, за смерть ребенка мне не столько обидно, сколько за щенка, я не могу себе простить этого.

Тогда Семен Михайлович опускал глаза, или же поднимал крышку старых карманных часов со времен пророка Ноя, уставившись на их стрелки...

Вот уже несколько дней Полковник слышал только вопли и визжание щенка. Откуда его нашли, как его зарезали – он не знал и ни разу не подумал об этом. Полковник до сих пор думал лишь о сыне и мучился от воспоминаний о том, как на последнем дыхании кормил ребенка мясом щенка. Однако в последнее время Полковник думал и о щенке; он думал о том, как режут щенка, чем его режут – ножом? Или топором? После долгих раздумий его затуманенные мысли, в конце концов, остановились на топоре. Да-а, щенок был настоящим щенком, к тому же черным; он все чувствовал, и, всеми силами упираясь передними ногами о землю, визжал и рвался назад. Иногда визжание щенка слышалось в его ушах настолько близко, настолько реально, что всего его переворачивало. Резким движением он запрокидывал болевшую голову, чтобы заглушить этот звук в ушах, отдалить от себя это визжание, но, сколько бы ни старался, что бы ни делал, было бесполезно – визг все больше усиливался и приближался. Когда визг в его ушах усиливался, тогда и щенок в его мыслях приближался еще больше, в руках у сердитого мужчины в резиновых сапогах был топор мясника, лезвие которого так и сверкало под солнечными лучами. Даже отвернувшись в сторону и сильно-сильно зажмурившись, и тогда он видел окровавленную висящую голову щенка, и самым странным было то, что даже после того, как его обезглавили, визг не умолкал.

Таким образом, ровно три дня щенок все визжал и визжал; ровно три дня, как Полковник не слышал ничего другого, кроме визжания, все голоса, слышавшиеся ему, смешивались с визжанием щенка и таяли...

– От силы протянет три дня!

Голос, звучавший слишком далеко, тоже медленно затих и исчез. Спустя некоторое время, также далеко, Полков-

ник услышал другой – рыдающий голос. Затем рыдания усилились и стали слышны ближе. В это время Полковник почувствовал во рту неприятный привкус; этот привкус он чувствовал всего один раз в жизни – когда кормил сына мясом щенка. Когда он потерял сознание, рыдания послышались еще ближе и громче, и Полковник почувствовал этот привкус слишком реально; настолько реально, словно в эту минуту он пережевывал во рту полусырые куски щенячьего мяса. Позже Полковнику показалось, что никто не рыдает, визжит стая щенков, окружившая его с четырех сторон, и, к тому же, головы всех щенков окровавленные и отрубленные. Даже после того, как сознание совершенно покинуло его, Полковник все еще слышал визжащие звуки. В конце все звуки улетучились; больше не осталось ни одного голоса, никаких возгласов, и он больше ничего не слышал, несмотря на то, что рыдания Дарьи Самойловны и Катерины Васильевны не прекратились.

Да, рыдания женщин продолжались еще долгое время. Поистине, кроме того, как плакать, у них, казалось, не было никаких важных дел, и, словно хорошо зная об этом, они, сидя лицом к лицу, плакали, не стараясь утешать друг друга. А Семен Михайлович, как обычно, с шиканьем открыл крышку старых карманных часов времен пророка Ноя, и, уставившись на их стрелки, долгое время сидел молча, не проронив ни слова.

... Со времени ухода Профессора прошло ровно три часа...

Перевел Этимад Башкечид

Рамиз Акбер

ИНДИКАТОР СОВЕСТИ

Однажды ко мне обратился давний знакомец, преуспевающий в делах и слывший состоятельным «новым азербайджанцем».

– Доктор, я слышал, вы получили новую, совершенную аппаратуру, просматривает человека насквозь о всеми потрохами и болячками. Мои старики, знаешь, живут в сельском районе, хворают, то почки барахлят, то давление, то диабет... Я уж устал посылать им лекарства. Да еще и на пропитание... Нельзя ли их вытащить сюда, поместить в вашу клинику...

– Когда вы в последний раз навещали родителей? – спрашиваю.

– Да года два тому назад... Знаете, дел по горло, никак не выкрою время... Жизнь теперь, знаете, такая.

Я понял, что дело не в самой жизни.

– Знаешь, голубчик, я бы посоветовал сперва тебе самому пройти обследование. У нас есть новый прибор, «индикатор совести» называется. Точно показывает, есть эта совесть у человека или отсутствует.

Мой посетитель смешался. Я не сожалел о сказанном.

«Быть или не быть» в новых условиях.

Есть у меня друг-путник, большой любитель парадоксальных и смехотворных выдумок.

Так вот, однажды он выдал мне такую версию отпущенной человеку жизни. Если, говорит, ему суждено прожить семьдесят пять лет, то только сорок из них он живет по-человечески, а из оставшихся лет пятнадцать, прости Господи, он ишачит, еще десять, представьте себе, влачит собачье существование, а последний десяток живет как наш далекий предок, то есть обезьяна. Я, признаться, не очень удивился. Привык к его таким закидонам.

– Ты растолкуй, – говорю. – Как ты дошел до такого открытия?

– А вот как. Видишь ли, Создатель в числе прочей фауны создал длинноухого и предусмотрел ему тридцатилетнюю жизнь. Создал, благословил и велел; «О живая тварь, я создаю тебя, чтобы ты служил высшему творению – человеку, таскал ношу, терпел понукания и побои, жил в смиренности и покорстве». Осел взмолился: «О, Всевышний! Трудно будет тридцать лет ишачить на человека, скоси срок наполовину...» Творец вял просьбе. Потом сотворил собаку: «О, собака, род от тебя пойдет собачий, а должен ты лаять, чтобы заслужить пропитание, и пищей твоей будут кости, объедки, все, что подадут, и должен ты верно служить хозяину и благу людей. Если тебя будут держать на цепи, если даже впроголодь будешь мыкаться, не ропщи, знай, что такова твоя собачья доля». Собака возвала к Создателю: «На все воля твоя, Господи. Но, знаешь ли, двадцать от пущенных мне лет лаять, рычать, кусаться – пожалуй, не под силу мне... Ты бы убавил мне жизнь наполовину...» Господь вял. И затем создал обезьяну: «Ты должен обезьянничать и развлекать людей. Двадцать лет...» Обезьяна просит: «Предназначь мне лучше десять лет. Проживу как обезьяна и умру как обезьяна».

Я все не мог усечь, куда клонит мой друг-фантазер.

– Ну, и какова дальше эволюция?

– Господь сотворил человека, венец природы. «О человек, представляю в твое распоряжение все существа на свете. И будешь ты под моим личным призором, и призван ты помогать бедным и сирым, заботиться о старших, детях, больных. Я предусмотрел для тебя пятьдесят лет земной жизни. И еще одну – за чертой небытия. Первую жизнь ты должен прожить достойно. Потомству твоему вскормиться молоком, возрасти праведным хлебом и сойти прахом...

А жизнь за чертой небытия зависит от настоящей земной жизни. Твое призвание – жить и быть человеком. И взрастить достойных чад».

Человек воззвал к Создателю: – «О Творец мироздания, благодарствую и покорствую Твоей воле, буду верой и правдой следовать Твоим внушениям. Но покорнейшая просьба моя... полвека – это мало для меня...»

Господь призадумался. Все твари просили укоротить отпущенный им срок. А он просит продлить... «Есть, впрочем, способ уважить твою просьбу. Накину к твоей жизни 15 лет, выкроенных у длинноухого, и еще пару десятков – «собачьих» и «обезьяньих»...

Я не удержался от язвительной реплики: «Нам с тобой за пятьдесят, значит, мы вступили в период «ослиной» или «собачьей» надбавки?»

Мой мыслитель поморщился: «Это метафора, понимаешь. Не надо все понимать буквально. То есть, я не хочу сказать, что после пятидесяти у людей отрастают уши или они начинают гавкать».

– Гм... Успокоил... Но и в переносном значении – картина, знаешь, безотрадная.

– Ты уже сам рассуди. Пошевели винтиками.

– Выходит, после пятидесяти...

– Да не цепляйся за цифру! Это может быть и пятьдесят, и шесть десятков, и больше. – Все условно.

– Ну, положим. Получается, после энного возраста мы уже не можем жить по-людски, оставаться че-ло-ве-ком?! Слышал выражение: «хочешь жить – умей вертеться»?

– Не буду я вертеться! Не хочу! – решительно заявил я.

– Тоже мне Чацкий нашелся. Классики говорили: бытие определяет сознание. На дворе другая эпоха. Правит бал рынок. Товарооборот, прагматизм. А ты, брат, герой не нашего времени...

– Я не успел возразить.

Давно «барражировавший» над столом комар, наконец сел на макушку моего собеседника и успел выкачать из-под его лысины кровь, прежде чем был прихлопнут увесистой пятерней.

Мы покинули кафе, и я думал о божественном промысле: по-моему, все твари – собаки, ослы, обезьяны (правда, насчет их назначения, как забавников – шутов я засомневался), короче, домашние всякие животные служат человеку, а вот эти летающие кровососы – нет? И для чего тогда они созданы?

УСЫ, УСИКИ, УСИЩИ...

Один мастер слова сказал: я больше говорю, когда храню молчание. Потому не буду тратить слов всеу. Перейду к теме. Меня занимает вопрос об усах.

Усы разные бывают. Пышные, лихо закрученные, вислые, торчащие, усищи до ушей, тонюсенькие... А если и тонкие, и суженные посередке, то их именуют «Мерседсами».

Жесткие, колючие, мягкие, как кошачья шерсть.

Усы – сами по себе – атрибут. Опушатся над верхней губой у сыночка – папаша и рад: мужчина растет. К 16-17 годам это вам не пушок, а полноценные заросли. А если зарослей нет – сводите сына к врачу, только не к «эскулапу».

Усы – веский признак мужского начала.

За сыновние усы не печалься, не журишь,

За своими присмотри, чтоб клопы не завелись...

У меня друг – крупный спец по усам. По усам человека определяет. У него даже такая таблица – что там периодическая система Менделеева! Усы разложены по полочкам – по цвету, жесткости, длине, толщине. Короче, по всем параметрам.

Усачи подразделяются на четыре группы.

Первая – разгильдяи, пентюхи. В какие одежды ниряди, сколько ни отмывай, проку не будет. Есть и суперпентюх – то есть выдающийся пентюх.

Вторая группа – интеллигенты.

У них и усы интеллигентные. Импозантные со всех сторон, в анфас и в профиль. Просто загляденье. Если же еще и усы чин чинном, и слово твердо, как подобает мужчине, то это – сливки общества. У таких и дело ладится, и нрав добрый, и говорят редко, да метко. Мой друг души не чаёт в таких людях, перейму печали ваши, говорит, вы – гордость нации.

Третья группа – маргинальная.

Стоит такому захворать – усы приходят в запустение, уже не тот коленкор, а хозяин их и в ус не дует. Принято считать, что усы и борода составляют гармонию. Но попадаютоя и безусые бородачи.

Когда никому не угодишь, говорят: «Наверх плюнешь – усы промочишь, вниз – бороду».

Любители языком молоть, знаете, почему не могут остановиться? Язык без костей – потому. И еще – в слюне

фермент, птиалин называется. Все растворяет моментально, в кашу превращается. А кашу проглотить – раз плюнуть.

Вопрос: не от нашего ли «пити» происходит «птиалин»? Если да, то англичане, значит, присвоили. Как, скажем, армяне стащили у нас «долму», приармянили «бастурму». Осталось разве что усы наши оприходовать. «Черта с два!» – возмущается мой друг.

В группе есть подгруппа: хамелеоны. Допустим, шеф держит усы, и ты держи. У него черные усы, – и ты перекрась, если рыжие. А если нет у тебя растительности своей – сделай вживление. Это не трудно. Сейчас это в ходу. Всаживают. Пришпандоривают. Присобачивают. Могут и собак повешать. Но это из другой оперы. Прицепи усы, ничего худого не скажут. Ну, разве что «цивилизованный усач».

Четвертая группа – ни рыба, ни мясо. Ни Богу свечка, ни черту кочерга. Не поймешь, не раскусишь. Хочется прямо-таки выругаться: ай киши, ну, будь кем-то, определись.

У кошки и у той есть усы. А без усов какая жизнь?

Если кошка свалится с высоты без усов – кранты. Усы, знаете, стабилизатор. В общем, эта группа пропадающая. Эти горемыки места себе не находят. Крутятся, вертятся. Все им не слава Богу. Глаза завидующие, руки загребушие. Кому служат, чему служат – непонятно.

У друга моего, я уже говорил, целая лаборатория. Полки, каталоги – в глазах рябит. В каталогах – образцы усов в пакетиках. Характеристики.

На него может, тысячи парикмахеров работают.

Микроскопы на столе.

Можем определить по волосу – и возраст, и рацион, и то, что жив обладатель или покинул бренный мир.

Если усы посередине с желтизной, значит, человек курит не так, как надо, или курит дрянь.

Если усы седеют раньше головы, значит, барахлит сердце. Если корни усов покраснели или покрылись струпьями, – печень виновата. Если редуют усы – тоже сигнал тревоги. Вообще, я многое намотал себе на ус, слушая друга-усоведа.

Бывает, что усы повышают рейтинг, бывает, усами клянутся. Был случай, когда за неблагоприятное дело человеку усы наполовину сбрили и выставили на посмешище.

Не думайте, что усы – национальное достояние или монополия. Усачей полно у любой нации. Правда, мой друг-усовед склонен считать, что в нашей республике к усам питают особый пиетет. Даже ресторан есть такой - «Усы». И, по расчетам моего друга, этот объект находится в центральной точке древней Страны Огней. Мой усовед мечтает о том, чтоб ресторан «Усы» превратился в любимое место отдыха трудящихся и иностранных гостей, чтоб там пели и плясали, свадьбы справляли, пир горой, печали долой, лей-пей, гуляй веселей.

И на вывеске, знаете, что? Усатый сом!

Мой усовед усинку от любой другой волосинки отличит. Щепетилен, подвоха не стерпит, один цирюльник ему подсунул вместо усинки волос с бороды, так мой усовед чуть было не придушил фальсификатора. Образцы к нему со всего света поступают. Весь транспорт на уши поднял. Разослал извещения: «Присылайте мне усы, знак отваги и крась».

Как-то я решил подшутить: срезал у кота усики, вложил в конверт и принес усоведу моему. Он глянул, усек, сделал кислое лицо. Подлог раскрылся. Мне стало ужасно стыдно. Я понял, с другом шутки плохи. А эти брадобреи обнаглели, волос принесут – дерут с него. Я, по мере возможности, спонсирую коллекцию. Один парикмахер ради денег прислал пушок, выщипав у своего подрастающего отпрыска. Усовед показал ему кузькину мать.

Так вот, любезный читатель, если у тебя есть какая-то новая информация об усах, пожалуйста, принеси в «Лабораторию усоведения» – второй переулок по улице Моллы Насреддина. Оплату гарантируем. Напоследок совет новоиспеченным усачам: «Не засаливай свой ус на чужой кус».

Перевел Сиявуш Мамедзаде

Сафар Алышарлы

БРОКЕР ХАНЧАЛОВ

Что за праздник, господа, в такую августовскую жару! Уставший от безделья и фонограмм брокер Ханчалов захотел выбраться из города и уехать подальше отсюда. Он не сомневался в том, что теперь в этом городе многие, как и он, скучают, но их почему-то не было видно, словно они заранее сговорились и попрятались в укромных местах, чтобы никто не мог их найти и поздравить с этим праздником.

Когда знакомые с серьезным видом говорили, что, несмотря на праздник, каждый из них занят каким-то делом, Ханчалов, подумав, что он должен стыдиться за то, что лодырничает и спит дома, отложил в сторону телефон. Он подумал, может и ему в эти так называемые «праздничные» дни следует, засучив рукава, заняться каким-нибудь полезным делом, – приносить пользу и себе, и обществу?! Он долго думал, но так ничего и не надумал. Все необходимые дела муниципальные власти взяли под свой контроль и, по окончании праздничных дней намеревались продолжить процесс успешного претворения в жизнь этих самых дел с тем, чтобы еще больше повысилось уровень благосостояния людей, уровень изобилия и достатка, и чтобы все были довольны.

Брокеру удалось уговорить даже любителя природы, своего театрального друга Гусейна Джахангира, рассказав ему о неповторимой красоте гор и лесов. Театр готовился к гастролям, а несчастный Гусейн Джахангир вновь готовился

вступить в смертельную схватку с дьяволом, зная, что никогда не сможет победить. Когда брокер еще раз подумал об этом, он увидел, как далека сценическая схватка от скучных телевизионных сцен, и тогда еще больше усилилось в нем желание бежать из города.

Ага! Кажется, один из бывших друзей подал ему надежду на возможность вместе вырваться из города. Но, почему-то, Ханчалову не пришлось по сердцу то, что ему придется уехать с ним далеко на несколько дней и быть с ним вдвоем. Недовольный тем, что его собственное сердце очень привередливо даже при подобной нехватке друзей, брокер вслух проворчал:

– А ты, ей богу, молодец... Кому что, а лысому – расческа.

Ханчалов так же громко разговаривал и со всеми вещами в доме, где он жил один, и даже со знакомыми, с которыми он мысленно вступал в общение, словно в условиях великолепной пространственной акустики готовил для кого-то аудио-отчет основных моментов своей жизни, и к тому же этим он грозил пальцем одиночеству.

Как и во всех подобных случаях, неожиданно позвонила она сама. Звонила одна из знакомых женщин, и после того, как она что-то спросила о какой-то чепухе про доверенность, связанную с недвижимым имуществом в этот праздничный день, на предложение Ханчалова о «путешествии в провинцию» она ответила так: «У меня будут гости. Ты позвони Сарве, на днях она говорила, что скучает».

Много лет назад именно эта его знакомая рассказала ему анекдот, связанный со скукой, хоть и не отличающийся таким уж юмором. Анекдот примерно походил на арбуз – далеко вести было трудно, а бросить – жалко. Брокер не забыл его, иногда при встрече он подмигивал ей с известным намеком: «Не скучаешь?»

Старый знакомый, в живой памяти Ханчалова загубивший свою молодость, рассмеялся каким-то печальным хохотом, дал телефон Сарвы, затем фамильярно упрекнул брокера: «Ловелас!» Словно повесил на грудь чемпиона по боям без правил медаль, ненужную никому, кроме него самого.

Тут брокер Ханчалов неожиданно заметил, что громко поет известную песню, повторяя это интересное имя Сарв в стиле «ловеласничества», действительного впрыснутого в его душу старым знакомым:

*Сладкоречивая, красавица моя Салатын,
Где же снисхождение этого царства?*

От приятного расположения духа, полученного от того, что простой, плавный поток этих строк своим напряженным желанием расплывался по сердцу, Ханчалов почувствовал, что уже вышел из города и уходит. Хоть и один, но уходит. Уходит в сторону гор.

Двигаясь в машине Ханчалова в сторону гор, Сарвханум, которую он видел всего один раз и помнил ее по странному имени и акценту, долго говорила с кем-то по телефону и писала сообщения, затем глубоко вздохнув, пожаловалась:

– Сколько можно отправлять запросы на дружбу?!

Родной акцент Сарв очень растрогал Ханчалова. Он напоминал ему далекое прошлое, детские годы, родных и близких людей, многие из которых уже давно не было в живых. Он не знал, чем все это кончится...

Затем, перечисляя имена и фамилии мужчин, посылающих ей запросы на дружбу, Сарвханум, уверенно говорящая о том, что точно определяет по их фотографиям, какие они люди, внимательно смотря в лицо Ханчалова, словно изучая, что он за человек, спросила:

– Отправить тебе запрос на дружбу?

– Меня там нет, – промямлил Ханчалов. – Иногда я переговариваю по скайпу с сыном, вот и все.

В наступившей тишине Ханчалов подумал о своем сыне, находящемся очень далеко, и упрекнул себя в том, что отправился в путешествие с женщиной, которая чуть ли не приходится ровесницей его сыну. Затем, хоть и с грустью, но подумал, что каждый живет своей жизнью: отец, мать, сын. И в этой троице никто никому не мешает, а наоборот, старается помочь другому. Ну и ладно!

Голые, желтые горы позади марева и пейзажи ада, полного вулканическими трупами, не дали взлететь светлым фантазиям Ханчалова.

Увидев на широкой дороге поредевшее движение, он увеличил скорость с тем, чтобы поскорее доехать до перевала, пока дневная жара не начала печь все окружающее.

Завершив свои дела, связанные с интернетом, Сарв-ханум положила свой телефон на специально предусмотренное для этого место на панели машины, и стала глядеть вокруг. В округе же действительно ничего интересного не было, и даже Ханчалов своей брокерской головой не мог придумать, что для этого надо делать, чтобы хоть чуточку изменить этот мертвый пейзаж.

Сарв сказала, что у нее ноют ноги по той причине, что она всю ночь провела на свадьбе, и попросила у Ханчалова разрешения немного вздремнуть. Остановив машину на достаточном расстоянии от моста, он высадил девушку, попросил ее принести из багажника подушку и одеяло, а сам занялся тем, что начал опускать спинку сиденья. И не успев показать мягкую кровать, сконструированную японским конструктором с минимальными потерями пространства салона, услышал позади себя жесткий, повелевающий голос девушки:

– Руки вверх!

Взяв ружье в багажнике, Сарв взяла его сзади под прицел.

– Нельзя направлять ружье на человека, – тоном отцовского наказа сказал Ханчалов. – Положи ружье на место.

– Разреши один раз выстрелить, Ханчалов! – попросила девушка и, не совладев с дьявольским желанием, вместо того, чтобы на этот раз поднять двустволку вверх, нацелилась на приближающуюся полицейскую машину. – В них можно! – добавила она.

Ружье, конечно же, было не заряжено и установлено на предохранителе, но амазонского каприза девушки было достаточно для того, чтобы полицейские подошли к Ханчалову и основательно проверили документы, касающиеся ружья.

Дорожные полицейские на магистралях отличаются от городских полицейских тем, что они гораздо более общительные. Вместе с тем, многие водители жалуются на них, однако Ханчалов говорил с блюстителями порядка очень спокойно. Они, хоть и поняли, что это была шутка, начали говорить серьезно об ответственности за вооруженное сопротивление представителям закона. Если бы даже в этот момент на телефон Ханчалова не поступил звонок от его друга Хусейна Джахангира, в этом мелодраматическом происшествии не произошло бы ничего необычного.

По мере того, как Ханчалов говорил, спокойно протягивая телефон офицеру, а точнее, слушал знаменитого Гусейна Джахангира, он увидел, как смягчается выражение лица представителя закона. Ему показалось, что сейчас полицейские ответят шуткой на «шутку» и покинут их. Наконец, после того, как полицейские ушли, Ханчалов заинтересовался у друга о том, что он им сказал, безупречной с орфоэпической точки зрения и чистой речи актера, то услышал следующее: «Ну, ты же знаешь, что у них определенные проблемы с образования: вот, становится приятно, когда говорят с ними торжественно и высокопарно. Я им сказал, что если они так болезненно и с военно-политическим эпатажем реагируют на случайные капризы молодой женщины, то какие же национально-духовные и этические ценности они смогут демонстрировать финансовым экспер-

там газеты «Файнейшл Таймс» и представителям Лондонской Фондовой Биржи, которые следуют за ними в сторону гор?! Он ужаснулся и сказал: в самом деле?!»

Ханчалова не удивили спасательные услуги друга, который пользовался иногда жизнью как сценой, а на сцене, наоборот, проживал как жизнь. Когда он поднял голову, освободившуюся от скандала, и посмотрел на окружающее, его поразил другой вопрос: именно здесь, на этом же месте дороги, несколько лет назад, когда они ехали в горы, движение было остановлено. Верх дорожной насыпи была переполнена гражданскими машинами, водителями, пассажирами, а внизу копошился караван танков, пушек, бронированных, крытых машин и солдат. Часть моста, не выдержав тяжести танков, осела. Долго ремонтировали мост, чтобы пропустить хотя бы военных. Сидевшие внизу под солнцем солдаты ждали приказов командиров, покуривающих в стороне, а те, кто были наверху, смотрели на них с надеждой и сердечным трепетом, полным тревоги. Как-то вдруг неожиданно Гусейн, словно уставшим от безделья, сильным громовым голосом сверху вниз напугал солдат:

– Эй, куда это вы направляетесь?

Даже маленьким детям было ясно, куда они направляются из города в направлении гор, ясно это было и солдатам, но они, переглядываясь друг с другом, молчали и не спешили отвечать. Они ждали, чтобы военную тайну раскрыл один из командиров.

– Куда они могут направляться? В Карабах! – сверху послышались голоса женщин, украшающих своими разноцветными и пестрыми одеждами, словно гянджабасарские маки, дорогу, извилинами пролегающую между голыми горами.

Затем один из командиров, с интересом посмотрев наверх, ответил с тем, чтобы выяснить намерение, скрывающееся за этим странным вопросом:

– В Карабах едем, дядя!

Гусейн Джахангир нервно зашагал на месте вдоль по линии сцены, затем, словно посоветовавшись с кем-то, неожиданно поднял голову и закричал:

– В Агдам, в мою Кербелу, командир! – куда-то далеко вперед показал своей длинной рукой Гусейн. – И меня возьми, я в армии заряжающим был!

Гусейн, который провел всю свою жизнь на сцене, давно уже привык, что не все зрители, и не тотчас понимали сказанное им. Он жил с огромным спокойствием и терпением, словно впереди у него было еще двести лет и, победив когда-то дьявола, он самолично поедет в Кярбалу и сразится с Езидом.

Затем они выпили холодной водки, закусив красным яблоком осеннего солнца, клонившегося на перевале к закату: иногда на стол с шепотом падали позолоченные листья лип, словно прощаясь с судьбой, и человека улажал также мимолетный взгляд на горные склоны, окутанные осенними деревьями в тысячи цветов.

Ханчалов захотел рассказать Сарв-ханум, собирающейся спать, что трудно было бы забыть эти события, но почему-то не смог. Он словно опасался, что эта молодая женщина, с которой он только-только познакомился, сегодня не поймет причин, побудивших его старого друга по охоте. Поэтому он мысленно поприветствовал новый мост через реку и тех солдат, которые когда-то пошли по нему, чтобы сражаться с врагом, и не стал беспокоить тормозом машину, которая уже сама мчалась по спуску.

– Ты и на биржу едешь с ружьем? – спросила Сарв, словно хотела рассечь холодную стену, воздвигнутую между ними полицейскими.

На бирже дела шли настолько запутанно и неряшливо, что Ханчалов не захотел портить свое настроение, вспоминая

о них. Он замолчал. Увидев, что не проявил интереса к этому разговору, Сарв даже не попыталась сменить тему.

– Я немного посплю и встану, – сказала она.

Прежде, чем понюхать подушку и натянуть одеяло на голову, Сарв, прищурив глаза, улыбнулась снизу вверх и Ханчалов увидел в ее не накрашенных глазах не частицу горечи, а женскую привлекательность и притяжение, способную заменить этот праздник. Обычно незамужние женщины с такой простодушной улыбкой смотрят на всех мужчин. Это было странное чувство, обезоруживающее Ханчалова перед женщинами. В течение долгих разноцветных и разнообразных лет, которые прожил опытный брокер, Ханчалов немало вкусил и горечи подобной безоговорочной капитуляции.

Сарв съежилась под одеялом, через некоторое время высунула голову из-под него, но глаза больше не открывала. Ханчалов не стал спрашивать у девушки, кто она, и даже по какой причине она пришла на биржу, чтобы заранее не создавать для себя иллюзорной схемы на ее счет. Силы ее знакомого акцента было достаточно, чтобы Ханчалов пустил эти отношения на самотек.

Ханчалов был одним из зачинателей биржевого движения: он прекрасно знал прошлое своего дела, полное скандалов и угроз, будущие перспективы развития. Многим это дело казалось в высшей степени сложным и бессмысленным, какой-то иудейской игрой, преодолевшей границы и обретавший мировой масштаб. Биржа, пригревшаяся со своим маленьким брокерским составом «на груди» одного из бывших экономических центров, не могла оказывать влияние ни на цены в стране, ни на цены на мировом рынке. Вместе с тем, финансовый источник, называемый «биржевым фондом», постепенно создавался, чтобы в будущем появилась возможность страховать некоторые соглашения, управлять ценами в рамках определенных таксировок и курсов.

В машине Ханчалова, разлегшись, спала женщина во время движения, что было впервые, он вел машину, деля свое внимание надвое. Из-под одеяла вырисовывались своими рельефами все привлекательные очертания фигуры Сарв. Ханчалов подумал, что возрос доверие людей друг к другу, поэтому стало легче жить и понимать происходящее вокруг.

Значительную часть своей молодости Ханчалов прожил в мужских общежитиях, и оттого, наверное, был он очень чувствителен к женщинам: он никогда не грубил им, всегда оказывал им посильную помощь. Он не мог понять мужчин, которые спорили и скандалили с женщинами. Как и французы, он иногда пытался уверить по этому поводу своих друзей в том, что желание женщины – это воля Аллаха, и его необходимо исполнять! Знакомые не соглашались с ним, но в этих своих размышлениях Ханчалов, конечно же, непременно вспоминал и свою жену Захру, уехавшую в Америку, и в душе сожалел о том, что она оттуда пока не вернулась.

Вдоль дороги ужас засухи голых гор и холмов с выжженной пожелтевшей травой: далеко на возвышенности были видны неполивные пашни. По мере продвижения вперед, к перевалу, облака увеличивались, и их пасмурность вдалеке порождала призрачную надежду на то, что скоро воздух немного охладится, примерно, как в прогнозах биржевых цен. Словно не по асфальту, а по гладкой поверхности нераспечатанных долларовых упаковок, щедро подложенных под эти дороги Всемирным Банком, Ханчалов не давал возможности мчаться еще быстрее машине, которая спокойно себе ехала. Ибо он не спешил, считая несправедливым, как он думал, уничтожать один из праздничных дней на асфальте, разукрашенном по международному стандарту желтыми и белыми полосами на манер кредитных процентов дяди Сэма.

Позади остались старый город с основательно изменившимися нравами, молодые годы, прожитые на его грязных

улицах с очень серьезными запретами, впереди же их ожидали черствые сентименты летнего туристического путешествия, одно или двухдневные гостиничные приключения, неопределенное будущее физической и духовной близости с новой женщиной. Затем опять город, биржевая беготня с утра до вечера, отправление интернет-сообщений в Нью-Йорк, Лондон, на которые никогда никто не отвечал, и снова видеть кошмарные сны по ночам на берегу мутной реки, протекающей посреди каменных прибрежных стен и искать пути избавления проституток и человечества от непроглядной нищеты... Неожиданно вдруг Ханчалову показалось, что в отличие от медленного продвижения его машины к перевалу, предвещающему отдых на полпути, его жизнь, полная драк и боев, с большой скоростью мчится к своему последнему перевалу. Он не побоялся мгновенного прихода этой мысли: ему захотелось выбрать самое главное из своих задушевных желаний и пожалеть об его неисполнении. Достаточно помучившись в уме, он увидел, что это его желание, которое он так и не смог определить, как-то связано с сыном, но довольно далеко от конкретности. Он подумал, что каждый человек в этом мире должен быть верен и достоин своих желаний и грез. Последнюю мысль он отправил себе и сыну в качестве наказа, и не сомневался, что он когда-то обязательно дойдет до адресата.

Когда звонок, поступивший на телефон Сарв, разбудил ее, Ханчалов засмеялся в душе, догадавшись о том, почему телефонный аппарат женщины, хотевшей поспать, не был выключен, и понял, что в любом случае, мужчинам не понять женскую логику. Ханчалову и сейчас показалось интересным, по какой логике они ведут торговлю на бирже, и он собрался задать женщине вопрос по этому поводу:

– Я сплю, – легко потягиваясь, сказала она звонившему, – но еду со скоростью семьдесят километров в час.

– Нет. Не во сне, а в машине, – добавила она.

– Куда мы едем, Ханчалов? – спросила она, конечно же, у дорожного спутника, управляющего машиной.

– Пока к перевалу Яшылдаг, – послышался ответ. – Что будет потом, известно лишь Аллаху.

– Мы не знаем, куда едем, – сказала Сарв и выключила телефон.

Выспавшаяся Сарв казалась вполне веселой. Она сидела на раскрытом сиденье, сложив ноги под себя, и по выражению лица походила то на выступающего с трибуны оратора, то на гарсонов, торопливо разносящих на подносе чай между рядами кричащих брокеров. Гарсоны считали забавной комедией крики в зале, имеющие важное международное экономическое значение, настолько, насколько серьезно принимали во внимание выступающие в зале ораторы любые бессмысленные дела, связанные с биржей. Наверное, этот мир так крепок потому, что каждый человек на этой Земле старается завязать ему свой узел по-своему, в своих собственных понятиях.

– Там есть село Джовдарлы, знаешь такое? – спросила Сарв.

Повернув голову, Ханчалов ответил, что не знает.

– В Джовдарлы живет моя подруга. Зовут ее Раваят. Такая приятная девушка, мы вместе учились в университете. Было бы отлично, если бы мы разыскали ее.

– Посмотрим, – пробурчал Ханчалов. – Дороги горных сел обычно бывают в безобразном состоянии.

Сарв заговорила о своих не таких далеких студенческих годах и брокер увидел, что, несмотря на длинный промежуток времени, разделяющий с прошлым, и большие события, произошедшие с тех пор в стране, в жизни людей, особенно в жизни преподавателей высших учебных заведений и студентов не произошло никаких существенных изменений. Ханчалов хотел, чтобы эти изменения были основательными и ускоренными, но и этот вопрос казался брокеру

безвыходным и невыполнимым, точно так же, как дополнение чего-то к ландшафту с нулевым процентом древних вулканических гор, оставшихся позади.

О-го, все, кто преодолел беспрепятственно перевал, были здесь. Чувство уважения брокера к людям возросло, так как он увидел, что они так же, как и он сумели бежать от скуки городских улиц и тупиков. Одни из них ели-пили и веселились, другие спали, уединившись в прохладных уголках, жарили шашлык, готовили чай, продавали воду, третьи любовались неповторимым пейзажем окружающих гор, ущелий и рек, с тенистых балконов гостиницы, с подножий которой свисали ступенчатые каменистые тропинки – и все они с чувством блаженства и удовольствия радовались этому, словно за какие-то чрезвычайные заслуги перед человечеством, были премированы несколькими часами отдыха здесь, в такое неимоверно жаркое время года. Когда люди ничем не обязаны друг другу, их устраивает даже самое малое. Вместе с тем, люди меняются, как только собираются вместе: в них пробуждаются пещерные инстинкты, просыпаются чувства вождения. В древних сражениях именно это чувство возвышало на ступень героизма. Теперь люди, тайно наблюдая подобное многолюдье, думают, что получают гораздо больше энергии, и не могут осмыслить того, как перестали существовать подобные моменты героизма, поджидающие их каждое мгновение.

Всю эту неразбериху они увидели после того, как поднялись на машине на маленькую площадку позади отеля, и, забронировав номер на одну ночь, спустились вниз. Балкон их номера выходил на противоположную сторону: оттуда были видны некоторые отрезки лабиринтообразной дороги и лысые сказы зеленой горы, возвышающиеся словно кулак.

Сомнительное подозрение вызывали качество предлагаемых услуг, скопированных из турецких отелей, и новизна постельных принадлежностей. Достав живой фруктовый

натюрморт из холодильника, молча взяв оттуда желтый банан, аккуратно, словно принимала лекарственную процедуру, сняла с него кожуру и медленно стала есть, как будто для лечения какого-то недуга врач прописал ей в качестве бальзама есть только банан, да еще так аккуратно, слегка двигая прелестными зубами. Горничная, получив за работу свой манат, вышла из комнаты, и лишь после этого они вместе приняли душ. Вода, смешанная с шампунем, пахла то шампанским, то свежескошенной травой. В течение всего этого нежного, необходимого и веселого процесса, снимающего всю дорожную усталость, Сарв-ханум позволила снять с себя трусики, однако бюстгальтер, затерявшийся под ее большими грудями и помогающий держать их в упругом виде, расстегнуть не разрешила. Этот мгновенный и головокружительный запах шампанского вина не проходил из носа Ханчалова.

– Не думай плохо обо мне, – серьезным голосом сказала Сарв-ханум. – Каждому делу свое предназначение!..

– Наоборот, я плохо подумал бы, если бы этого не было, – ответил он.

Когда вечером на главной ресторанной площадке перевала и на тропинках, словно тайком ведущих в дальние уголки обширной территории, загорелись световые дуги, а на небе зажглось бесчисленное множество звезд, они снова сидели за двухместным столиком, пили прохладное шампанское и слушали низкий, холодный голос провинциального певца. Многие столы были заняты. С кривой походкой официанты просовывали полные подносы между кустами, и выходили оттуда с пустой посудой как-то играючи легко. По мере того, как воздух постепенно охлаждался, место, занимаемое этой площадкой перевала в сердцах людей, еще больше расширялось и согревалось. По одну сторону площадки стояли громадные, как горы, белоствольные чинары, по другую же сторону, в направлении к спуску, росли акку-

ратно обстриженные черноствольные липы. Гусейн Джанхангир, посмотрев на тесный и стройный ряд именно этих лип, посмотрев, как они тихо и бесшумно стоят, как сумасшедший вышел из-за стола.

«Сми-и-ирно-о-о! – крикнул он, пошатнувшись на ногах. Положив руку на плечо Ханчалова, он восстановил свое равновесие, затем вновь пробурчал, словно не он сам, а деревья, не подчинившись приказу, стали покачиваться. – Сми-и-ирно-о-о-о! Враг вцепился в нас, словно бешеные собаки! – сердито сказал он и Ханчалов не смог понять, цитата ли это из какой-то пьесы, или же личная импровизация. – Агдам – моя Кярбьяла!»

Гусейн замолчал и, сделав несколько спотыкающихся шагов в направлении спуска, обнял черный ствол липы. Ханчалов не тронул его, опустившись на корточки, он выкурил сигарету, подождал, пока артист выскажет все, что накопилось у него на сердце.

Вдоволь насмотревшись на грустную зелень лип, Ханчалов опять не смог ничего сказать Сарв-ханум по поводу этой сцены, пережитой несколько лет тому назад. Брокер точно знал: есть вещи, которые нельзя превращать в беседу с кем-либо, поэтому он пошел в сторону биржи, которую, хоть и мало, но знала ханум. Он объяснял Сарв-ханум, что аукционы не имеют отношения к бирже, и говорил, что это управление было навязано бирже впоследствии; говорил, что горное дело и аукцион – это разные вещи: если биржа определяет мировую экономическую политику, то аукцион, с интересом мясника, тянет и сажает ее посреди мелочей. То ли от воздействия шампанского, то ли от чего-то другого, горы перевала и леса, окутанные темнотой, казались непроходимыми.

– Я бывала там один-два раза, – сказала Сарв. – Но так ничего и не смогла понять...

Ханчалов знал, как трудно что-то понять в биржевых делах человеку, не имеющему экономических знаний, поэтому он вначале попытался разъяснить философию всего им сказанного. Он сказал, что люди должны быть достойны занимаемых должностей, ответственности, которую они несут сами или от имени других, должны быть достойны даже выговариваемых ими слов и мыслей. Он сказал, что, в общем, все в жизни построено на столпах человеческого достоинства и в местах, где этот принцип нарушается или не соблюдается, всегда происходят трагедии.

Опорожненные бутылки, прохладный бриз, дующий временами на снежных вершинах Большого Кавказа, распутывающий запутанные клубки, и пестрота женских лиц, тайком переглядывающихся в темноте при разноцветных лучах света, медленно растряхивало посетителей ресторана. Отправляя глубокомысленные сообщения по интернету, Сарв, словно крепко наказывала кому-то на низменных равнинах, чтобы в жизни они протягивали руку только к тем вещам, которых они достойны, желали только того, чего они достойны.

Девушки из-за соседнего стола, пригласив танцевать с ними и Сарв, смеясь, то и дело окидывали скользящим снизу доверху взглядом Ханчалова. Это приглашение, эти улыбающиеся женские взгляды, скользящие по его лицу, быть может, впервые не пришлись по душе Ханчалову. Он ничего не сказал, но Сарв уже встала с места и шла со своими ровесницами в направлении той части площадки, которая находилась близко к музыкантам. Впервые в жизни Ханчалов смотрел на свою новую подругу со стороны: вдруг ему показалось, что этой медленной, красивой и спотыкающейся походкой высокорослая и с нежной талией Сарв ханум навсегда покидает его. Ему стало больно не только от того, что Сарв уходит навсегда, сколько оттого, что она уходит именно здесь, в этот момент, подобным образом, что он

почувствовал заранее. Чтобы убедиться в том, что он ошибся в своих догадках, он замер и посмотрел на оставшихся за соседним столом: девушку, отказавшуюся танцевать с теми парнями, на расстоянии двух шагов, не интересовало его существование. Хоть это и увеличило душевное волнение Ханчалова, он постарался обвинить себя в беспричинной ревности. Он глотнул вино из бокала, в котором мерцали звезды, маленькими глотками, прожевывая, чтобы жгло рот и горло, застряв там, но это у него не получилось.

Как и все танцующие, Сарв вернулась с повеселевшим настроением. Ханчалов был восхищен тем, что обычный человек так мог измениться на вершине перевала. Вероятно, от тех молодых людей, когда-то прокладывающих дорогу по этим обрывистым горам, всем последующим поколениям, находящимся на самом близком расстоянии к звездам, досталось в наследство веселое настроение, которое усваивалось молодежью гораздо легче и спокойнее, чем старшими.

То, что Сарв вернулась и села на свое место, ее раскрасневшиеся щеки и улыбка, светящаяся на ее лице, несколько успокоили Ханчалова.

– Ну, как мы выглядели? – спросила Сарв.

Ханчалов, в течение этих минут думающий совершенно о других вещах, не смотрел как танцевали девушки. Но если бы даже он и смотрел на это, все равно сказал бы то же самое, что и сейчас:

– Со стороны все танцы мира смотрятся ужасно.

– Наверное, нужно быть достойным и танца! – громко и с намеком сказала Сарв.

После того, как Сарв потанцевала с теми девушками во второй раз, Ханчалов, подзвав официанта, расплатился с ним, и, взяв под руку свою подругу, вышел из фокусного круга обложенной камнями, светлой ресторанной площадки, словно движущийся объект. Из-за того, что было относительно темно и невозможно было определить личность проход-

ящих мимо людей, все они говорили тихо, а некоторые – даже шепотом.

– Пиршество только-только разгоралось, – сожалея, сказала Сарв.

– Нам надо встать завтра пораньше, – сказал Ханчалов.

– Мы куда-то должны ехать? – недовольным голосом спросила Сарв. – А может останемся здесь?

– Нет, нам надо ехать, – обнял Ханчалов девушку. – Я хочу, чтобы ты видела Долину родников.

– Я не желаю видеть никакие родники.

Сарв, выскользнув из его объятий, попыталась самостоятельно идти по полуосвященной тропинке.

Ханчалов еле сдержался. Обломив нежную веточку с распутившегося цветами куста, и очистив ее от листьев, он стал вертеть ею в руке, словно карандашом. Он не нашел, что сказать. Ему показалось, что его конец, связанный с родственной близостью акцента Сарв в пути, уже настал, и они расстались, так и не соединившись.

Затем, посидев на скамейке, они несколько раздраженно поговорили о ресторане, о тамошних парнях и девушках, но больше молчали. Ресторанная музыка теперь гремела с более собранными и точными аккордами. Певец исполнял выученные наизусть русские песни: «нет, нет, нет!» – вместе с ним повторяла припев вся танцующая площадка. С высоты, на которой они сидели, были видны внутренние части некоторых гостиничных комнат: большинство туристов, занятых обычными заботами вечернего отдыха, были полуголые мужчины.

– Как по-твоему, почему эти мужчины не привозят с собой на отдых своих жен? – спросила у него Сарв.

Ханчалова занимал тот же вопрос. Про себя он пытался дать на этот вопрос разнообразные ответы. Он еще не завершил анализ этих ответов. Он терпеть не мог мужских кампаний без женщин, а особенно, мужчин, танцующих без женщин.

– Разве с тобой танцевали не женщины? – спросил Ханчалов.

От того, что ответ показался Сарв колючим, она больше не продолжила тему. Ей показалось, что если бы наверху не было усилителей звука, распространяющих музыку на всю округу, теперь эти горы, леса, окутанные в темноту, шептали бы совсем по-другому, и у нее не было бы резона задавать этот нелепый вопрос.

Вдоль по длинному гостиничному коридору Сарв шла вслед за ним, подобно деревенским женщинам. Яркий лунный свет освещал комнату. С таким освещением комната больше была похожа на вокзальный угол, нежели на гостиничный номер. Ханчалову не хотелось выключать этот свет, зашторив окна. Однако постепенно свет стал ему мешать. Он вспомнил Америку, жену, поселившуюся там, сына, пишущего ему сухие, но четкие сообщения, и, когда он почувствовал, что у него вспотел лоб, встал и, выйдя на балкон, закурил сигарету. Было холодно, и сигарета не доставила удовольствия, а лишь увеличила горечь во рту. Ему показалось, что, приняв вечером душ, он после этого очень долго находясь под холодным душем, немного простудился. Вернувшись, он лег в постель, почувствовал, что у него поднялась температура. В тишине вновь слышался рев двигателя грузовой машины, преодолевающей подъем, затем этот громкий рев медленно смешался с темнотой ночи и растаял. Эта кратковременная ревушая натуга грузовиков, преодолевающих крутые подъемы перевала, завершалась как определенный пиковый момент интимной связи между дорогой и машиной, дорога остается там, где она была, а отдышавшиеся машины, постепенно увеличивая скорость, со счастливым видом продолжают движение к месту назначения.

Ханчалов попытался поделиться своими соображениями по поводу этих ассоциативных звуков с Сарв, но почувствовал, что это не понравилось ей. Он подумал, что, не

смотря на их близость, между ними существует тонкий, прозрачный занавес, они достаточно хорошо видят друг друга, но не могут понять со всей ясностью то, что слышат. Днем Ханчалов захотел рассказать Сарв о своем друге Гусейне Джахангире, но, словно только сейчас он понял мистическую причину того, что не смог рассказать, и решил впредь не делиться ни с кем своими душевными тайнами.

Когда ближе к утру, продрогнув от холода и проснувшись, Ханчалов почувствовал, что действительно простыл: лоб мерз, текло из носа, и, как только он проснулся, тут же начал чихать. Вот и все! Автопробег, стартовавший из точки А в точку Б в неизвестном направлении, завершился. Наверняка, он разбудил Сарв, но ее не было слышно. Брокер принял это как запоздавшее «поздравление» с праздником, от которого бежал, а также понял, что необходимо возвращаться обратно, в город. Встав и одевшись, он, обращаясь не к Сарв, все еще неподвижно лежавшей в постели, а к черному экрану телевизора, холодно смотрящего на него с противоположной стены, в жанре наставления сыну сказал: «Сынок, нельзя спасаться от невзгод путем бегства!»

– Сарв, я приболел, – сказал Ханчалов, обращаясь в этот раз к подруге, – вставай, мы возвращаемся в город. В противном случае мое состояние ухудшится и я не смогу управлять машиной.

Сарв не ответила. Наконец, перевернувшись на месте, она наполовину открыла глаза. И Ханчалов увидел, что Сарв еще не вернулась из той дали, куда вчера вечером прошла с танцевальной площадки ресторана своей нежной, спотыкающейся походкой. Он снова повторил сказанное.

– Я никуда не еду, – жалобно сказала Сарв. – Поеду в Джовдарлы.

Ханчалов попытался уговорить ее, но ничего у него не получилось, словно все сказанное им билось об тот самый прозрачный занавес, который постепенно терял свою про-

зрачность, становился толще и, толстая, занимал все пространство комнаты. В какой-то момент ему показалось, что сказанное им – это не слова, а материальные частицы, имеющие конкретную емкость, и они, падая на землю, образуют определенную кучу, и после того, как он уедет, всякий, кто войдет в комнату и увидит это, будет жалеть о подобном расточительстве.

Он попытался понять свои чувства к Сарв, образовавшиеся в рамках знакомства в течение неполного одного дня. У этой девушки, снизу вверх глядевшей на него в машине, в глазах которой не было ни капельки горечи, был родственному близкий акцент, упругие груди, не вмещающиеся в его руки, скользкие сплетения под душем и та забываемая походка, с которой она ушла с ресторанной площадки. Ханчалов пожалел обо всем этом. Этот неполный день, затраченный им на это путешествие, показался ему как большой, неудачно прожитый отрезок жизни в его годы. Что это за праздничная комедия, поднявшая его с места, приведшая его с незнакомой женщиной в эти места, заставившая их пережить после всего этого подобное недоразумение, ненужное никому из них?!

Подождав еще немного, он взял свою сумку и вышел из комнаты. Во дворе было прохладно, в тишине лишь тоскливо, непрерывно попискивала одна из ламп на высоких столбах. При внимательном прислушивании вызывало некоторое подозрение то, что здесь, в этой тишине, посреди этих лесов и гор могут существовать дорога, отель, и люди, сладко спящие в нем. Какое-то мгновение все пережитое в течение дня показалось брокеру сном, подобные поражения в его годы были для него вдвойне тяжелыми. Ханчалов бросил сумку в багажник машины и взял оттуда ружье. Выстрелил и разбил пищавшую лампу вдребезги, рассыпав на землю ее осколки...

Перевел Этимад Башкечид

Нариман Абдулрахманлы

БАБОЧКА

...Это было сказано так, словно золотая пуля прошла сквозь семь прослоек брони: а если выразиться поточнее, эти две пары слов еще не были высказаны, а только готовились к изречению, в течение всего этого промежутка времени корни волос его увлажнились от непонятого предчувствия, а горло прихватило от ноющей боли, идущей изнутри; пока же эти две пары слов шли до его сознания, от холодного пота он промок до последней нитки, дыхание его основательно остановилось. «Мой муж погиб в бою...» Отчего-то он еще не совсем вник в смысл этих слов, но внутри него уже начались нестерпимая духота и ураган: он хотел догнать эту женщину с прослезившимися глазами, упасть перед ней на колени и попросить у нее прощения, но неожиданно обессилев, не мог сдвинуться со своего места.

...День же начинался хорошо: утром на скорую руку он поел высококачественную яичницу, в пути не было никакой толкотни, а дойдя до управления, он узнал от уборщицы о том, что выдают зарплату; получалось так, что после полудня у него будут деньги; правда, об этом говорили уже третью неделю; но сегодня в этом была, кажется, какая-то непредотвратимая надежда, которая всего лишь через полчаса, по заверению управляющего, превратилась, можно сказать, в реальность. Управляющий сказал об этом так, словно это были

его кровные деньги, которые он собирался раздать из своего кармана: во всяком случае он сделал большое одолжение такому количеству людей. Кроме того, по сравнению с деньгами, это одолжение казалось мелочью жизни, и не в состоянии было испортить создавшуюся обстановку. Оставалось лишь кое-как скоротать время до полудня, выбросить из головы всякие нехорошие мысли, связанные с зарплатой, с чем он давно уже свыкся...

Затем, повозившись с бумагами в течение одного часа и выйдя на улицу для того, чтобы купить сигареты, он столкнулся с прихрамывающим парнем и посмотрел ему в лицо с тем, чтобы принести свои извинения: по глазам он узнал в этом парне своего бывшего сослуживца, с которым воевал в одном окопе; правда, в этот момент он не вспомнил настоящего имени парня по прозвищу «Рембо», но это к делу не относится; главным было то, что после ранения и отправки его в госпиталь, ему не удалось узнать ровным счетом ничего о том, жив он или умер. Встречаясь иногда с бывшими сослуживцами, они вспоминали ребят, с которыми воевали плечом к плечу, и даже иногда никто не мог сообщить о нем ничего радостного; одни говорили, что он скончался в пути от большой потери крови, другие говорили, что он где-то торгует в магазине, третьи же утверждали, что, выздоровев, он устроился на службу в полицию и живет себе припеваючи, да не тужит. Теперь же, вот, здесь, прямо на середине улицы они столкнулись друг с другом, как минимум, через долгих пять лет, разговаривают между собой прямо среди толпы, стараясь таким образом распутать путаницу годов. Хорошо еще, что, немного опомнившись и придя в себя от удивления и радости, он увидел, что парень прихрамывает и еле стоит на покалеченной ноге, и пригласил его в ближайшую чайхану, присели и стали вспоминать тяжкие и горькие свои дни во время службы. И тогда же начались боли в раненом бедре, которое не болело уже давно, зуд, на который раньше он не

обращал внимания, превратился теперь в ноющую, пульсирующую боль, да вдобавок ко всему голос его охрип и огрубел; но про себя он думал о том, что его горе, по сравнению с горем этого парня, просто пустяк: парень пролежал в госпитале четыре месяца, а в течение девяти месяцев и двадцати дней пролежал дома; ему хотели ампутировать обе ноги, но, к счастью, хоть он и потерял одну ногу ниже колена, другую врачам удалось спасти. Теперь он кое-как ходит, постукивая деревянной ногой, на свою пенсию содержит трех членов своей семьи, да еще, не полагаясь полностью на пенсию, ищет для себя подходящую работу. Как бы между прочим, я спросил о том, женился он или нет. Отшутившись, он сказал, что «до тех пор, пока не решу жилищный вопрос, жениться не хочу». Еще о чем-то порасспросив его, он записал для себя его адрес, дал ему свой номер телефона, наказал ему, чтобы он держал с ним связь и, условно расплатившись со знакомым официантом за чай, проводил парня до самой остановки и вернулся в свою комнату.

Затем пришла «начальница управляющего», то есть его секретарша, и сказала, что сегодня день рождения Грибка, и они хорошо подготовились и приглашают всех вечером со своими дамами. Он сразу почувствовал смысловое значение этой вести: нужно собирать деньги для подарка; сама она поедет вместе с управляющим, и если понадобится, может привести свою подругу... Везет же людям, их дни рождения совпадают с днями зарплаты, попробуй только воздержаться от денег на подарок, тотчас же тебя обзовут «крысой» итак, она сама целый день находится в обществе управляющего, а нахождение в обществе коллектива не вызывает подозрения. Подруга же ее – третья женщина и неизвестно еще со сколькими мужчинами ей приходилось иметь дело; и теперь она ищет человека, с которым могла бы связать свое имя, скорее всего она еще не нашла такого: с высшим образованием, с приличной работой, некрасивый, но и не безобразный, с

которым можно было бы показаться на людях; главный его недостаток – это то, что у него нет дома, но и это дело поправимое, у бабушки есть дом, в котором никто не живет и пустует по чем зря... Но и он не делал никаких нежных намеков, а точнее, он и не думал вступать в эту игру. Давно уже у него внутри образовалась бездонная пропасть, которая поглощала в себя все, что было связано с женщиной или женьбой, все остальное было его мимолетным увлечением...

Удача дня и в самом деле еще больше реализовалась выдачей зарплаты: те, кто поехал за деньгами, до полудня позвонили и порадовали нас тем, что деньги уже получены из банка, затем они и сами вернулись. Правда, до двух часов окно кассы не открывалось: управляющий, бухгалтер и кассир что-то считали, поделили, вышли, а затем, успокоившись, решили раздать оставшееся рабочим. Хоть он и был вторым человеком в управлении, в финансовых вопросах он был четвертым, то есть из всего оставшегося в знак уважения первым выдавали его зарплату. Завернув три пачки денег и кладя их в ящик стола, ему почему-то вдруг захотелось расстелить эти денежные купюры на всем пути от своего кабинета до кабинета управляющего, затем схватить его за толстую шею и заставить собрать все эти деньги. «Начальница управляющего», придя за деньгами на подарок, изменила свой план и решила объявить о том, что деньги, завернутые в целлофан, передала Грибку в честь дня его рождения; но, стиснув зубы, она поделила пополам одну из пачек, тем самым взяв себе причитающуюся ей часть: если я и приду на день рождения, приду один. Она бесшумно ушла, но то, что ей это было не по душе, было видно по ее состоянию.

Идти на день рождения вначале у него настроения не было: деньги же дал, под каким-нибудь предлогом он смеется. Гриб не нравился ему, с его неприятной наружностью, с покрасневшим лицом он сновал везде, вязал концы с концами, никогда не брался за невыгодное дело; между ним и

управляющим существовала какая-то деловая тайна, объединяющая их, и он всегда выходил из кабинета управляющего раскрасневшимся. Ближе к концу рабочего дня он немного изменил свою «позицию»: он же не задаром идет, деньги все-таки дал; было бы неплохо хоть немного навредить Грибу, позабавиться, когда же еще выпадет такой подходящий случай. К тому же, такой удачный день должен где-то закончиться: или надо идти на день рождения, или же найти кого-нибудь из закадычных друзей и уединиться с небольшой компанией...

Недолго думая, он выбрал первое: и к коллективу ближе будет, и можно будет нанести болезненную рану «начальнице управляющего». Кое-как скоротав остаток свободного времени, отправляясь к Грибу, он все еще колебался, однако, подумав немного, он решил, что принял верное решение. Гриб с женой сияли, словно ночные рекламные щиты, очень приветливо встретили его. У них был всего двадцать один человек: Гриб пригласил на этот банкет лишь самых уважаемых людей, многие из которых явились вместе со своими дамами, управляющий вместе со своей начальницей восседали на самом почетном месте. Дамы, словно давно ожидая день рождения управляющего, понакрасились как можно пышнее и красовались на шее своих муженьков. Управляющий с «начальницей» все время о чем-то шептались и хохотали. Гриб был доволен тем, что создал для своего управляющего такую интимную обстановку; при необходимости он мог бы предоставить им и спальную комнату.

Однако банкет прошел неплохо; в самом начале управляющий отказался быть тамадой банкета, подчеркнув тем самым то, что решительным образом сбрасывает с себя узды правления. В такой обстановке он почувствовал боль того, что ему суждено быть вторым, и увидев невозможность отказа от явки на банкет, согласился. По настоянию присутствующих ему пришлось сесть возле Гриба, общими словами,

приводя иногда цитаты из высказываний различных философов, приукрашая их отрывками стихов, он представлял всем возможность для высказываний, и таким образом, кое-как провел банкет в качестве тамады. Мужчины высказали все, что было у них на душе, а все, что они не хотели говорить, прикрыли красивыми словами и фальшивыми улыбками, для того, чтобы это понравилось Грибу. Все это он должен был терпеть до самого конца: иногда хотелось стукнуть кулаком по столу, но вместо жтого он рассказывал какой-нибудь анекдот для того, чтобы предотвратить внутреннюю вспышку гнева: «Как там рассказывается в анекдоте о директоре, который искал секретаршу с ножницами?» Говоря об этом, он украдкой смотрел на управляющего и «начальницу», в душе смеясь над тем, как они дергаются как бы невзначай. А Гриб обеспокоенно говорил управляющему: «Нет, я договорюсь с новой. – Да, говорит, что кому-то понравилась одна женщина...» Жена Гриба, сидевшая с другой его стороны, иногда вставала с места и уходила на кухню, а по возвращении, садясь, разрезной подол ее юбки обнажал ее белоснежный колени. Глаза ее мужа смотрели на лица гостей, и он не мог обращать на это внимания; один-два раза женщина поймала его любопытный взгляд, но лишь стыдливо придвинула колени друг к другу, затем, как ни в чем не бывало, стала медленно двигать ими. А он решил, что лучше будет, если не смотреть в ту сторону.

Банкет подошел к концу. Самым запоминающимся моментом было то, что трехлетний сын Гриба у него на коленях справил свою природную нужду; когда гости узнали об этом, они громко расхохотались, а к ним присоединились Гриб и его жена; тогда он поднял бокал и сказал: «Сегодня самый ценный подарок на твой день рождения преподнес твой сын», – и, расхохотавшись, все захлопали в ладоши. Гриб со своей женой посчитали необходимым почистить «подарок» сына, и встали из-за стола. Правда, он не помнил, кто с кем

ушел; помнил только то, что проводя его, Гриб долго и краснея что-то говорил, а его жена долго не убирала свои руки из его ладоней, говоря сладкие слова.

Когда он увидел, что до остановки все разошлись в разные стороны, он понял, что банкет длился около трех часов, ибо еще не стемнело. Он порядочно выпил, но несмотря на это, свободно передвигался, только в мозгах у него был сплошной туман, и глядя через этот туман, он увидел своего учителя и очень обрадовался. Профессор, студентом которого он был пятнадцать-шестнадцать лет назад, порядком постарел, ничего похожего не осталось от его бывшего облика; на нем был костюм небесно-голубого цвета, а на голове кепка того же цвета. Положив руки за спину, он прохаживался туда-сюда, словно некогда в аудитории. Он не смог заставить себя подойти к нему, словно причина всех пошлых неудач за прошедшие годы заключалась в этом мужчине; поздоровавшись с ним, он, как минимум, должен был солгать: что, мол, все у меня хорошо, отличная работа, женат и все семейные дела идут отлично, я готов служить вам, если вы того пожелаете... Хорошо, что подоспел автобус, увез учителя и положил конец его беспокойству...

...Тогда же он увидел эту женщину: она стояла напротив продавца рыбы, поставившего свою корзину прямо на остановке, рассматривала двухкилограммового осетра, глядя на расщелину его жабр, нюхала, торговалась с продавцом рыбы по поводу цены. Продавец рыбы бросил двусмысленную реплику, женщина не ответила, но и рыбу не стала покупать, отошла и стала ждать автобус. С виду она была привлекательна: не накрашена, одета прилично, не пожирала глазами людей, но походила на человека в безвыходном положении – во всяком случае, подобная мысль пришла мне в голову, когда я увидел, что она не садится ни в один из автобусов. «Допустим, что мне некуда торопиться, и я не хочу проводить время между четырьмя стенами чужого дома, я

могу убить пару своих свободных часов с каким-нибудь другом или знакомым в чайхане. А ты как?» Немного погодя, возле женщины стал крутиться молодой прыщавый парень, который успел сказать ей что-то, а женщина, в знак протеста сменила свое место, парень же, еще раз покрутившись вокруг нее, пропал без следа...

Раза два их взгляды скрестились, а на третий раз, когда женщина повернулась и посмотрела в его глаза, они безмолвно поняли друг друга. Правда, у него в мыслях вначале ничего дурного не было, затем, подумав, что неплохо было бы завершить этот день в объятьях женщины, он выступил вперед. Он не помнил точно, о чем они говорили, он пришел в себя, когда они сели в автобусе рядом друг с другом, чтобы скрыть свои волнение и тревогу, женщина говорила о приличных вещах, пытаясь ввести в заблуждение соображения глазающих на них людей; говорила, что вышла искать работу, к тому же у нее заболел ребенок, хочет рыбу, она должна купить ему рыбу; она говорила и о том, что вообще ей не нравится выходить в город, она любит сидеть дома; но если будет работа с приличной оплатой, она пошла бы работать. До прошлой недели она работала, но управление закрылось и она осталась без работы, затем она заговорила о трудностях одинокой жизни, и сказала, что у нее нет никакой помощи. Слушая все это, он подумал, что если он осмелится, пригласит женщину на чашечку кофе, а в конце под каким-нибудь предлогом сунет в ее сумку початую пачку денег, оставшуюся от Гриба, успокоит ее и проводит в путь. Он чувствовал, что женщина говорит честно, не лжет для того, чтобы оправдать свой неверный шаг.

Когда автобус свернул за угол, она сказала «Доехали», заплатив за проезд женщины, он показал водителю свое удостоверение. Сойдя с автобуса, он заметил, что состояние женщины изменилось, он отнес это на счет ее нерешительности. «Вот, на первом этаже этого здания я и живу, —

сказала она, – дверь слева». Женщина сделала пять-десять шагов, затем остановилась и приложила руку ко лбу: «Нет, нет, я не могу пойти», – в ее голосе звучали плач и уныние. Услышав это, он запутался, хотел что-то сказать, объяснить, но почувствовал какое-то внутреннее облегчение: «Почему вдруг, что же случилось?» Женщина теперь металась, таким же плачущим голосом сказала: «Мой муж погиб на войне», – и ее переплетающиеся ноги понесли ее обратно, на остановку.

...Пот остыл и охладил его тело. Пятьдесят-шестьдесят шагов, ведущих к зданию, были мучительны и трудны, словно дорога в ад. То ли внутренняя пустота, то ли внутренняя тяжесть, хотела сбить его с ног. Он и подумать не мог, что один из более или менее удачных дней в его жизни неожиданно мог завершиться подобным сокрушением. Теперь, для того, чтобы избавиться от чувства сожаления, он должен был мучиться, как минимум, в течение 7-10 дней, пока время не заставит это забыть.

Он долго стоял перед дверью со связкой ключей. Вначале он не знал, что делать, затем восторженно, увидев бабочку, севшую на верхний угол двери. Бабочка была довольно крупная, черного цвета, на поверхности ее крыльев были разноцветные пятна, пылинки под светом витали в воздухе. Он хотел бесшумно протянуть руку и поймать бабочку, но, к сожалению, опоздал, неожиданно взлетев, она затерялась в мраке ночи. Открывая дверь, он все еще думал о бабочке. Где-то он слышал, что прикоснувшиеся рукой к черной бабочке, живут недолго.

Перевел Этимад Башкечид

Яшар

ГРОБ

Несмотря на то, что этот город, в который я приезжал чуть ли ни каждую неделю, был знаком мне в любом своем обличье, в такую погоду я видел его впервые. А еще и этот груз в машине, от которого пока не удавалось избавиться, вместе с жарой вконец выводили меня из себя. Попробуй-ка теперь в таком состоянии вернуться в деревню на машине, полной арбузов. Если хотя бы сейчас кто-нибудь вышел мне навстречу и сжалился надо мной, то я тут же без раздумий отдал бы ему весь этот груз.

Но в мою сторону никто даже взглянуть не подумал. Видимо, все были в таком же состоянии, как и я, и каждый из них, видимо, и был тем самым прохожим, которого мы с таким нетерпением ожидали.

И в это самое время я заметил, что кто-то направляется ко мне: хотя ног его не было видно, но глаза его глядели прямо на меня. Может, не выдержав жары, схватит он меня сейчас за шиворот и скажет «будь человеком, слушай, жарко же»? И что же я ему отвечу? Если скажу, что и мне жарко, как-то некрасиво получится, потому что сначала надо помочь упавшему встать на ноги. Но этот человек выдал такое, что не знаю, как он сам, но я вмиг забыл про жару. От удивления у меня глаза на лоб полезли. Обращаясь ко мне, он повторил свой вопрос еще раз:

– Не слышишь? В такую-то деревню отвезешь?

Никогда бы не подумал, что в этом городе еще кто-то, кроме меня, знает деревню, в которой я живу. Наверное, есть еще какая-нибудь деревня с таким же названием, подумал я.

– О какой деревне ты говоришь? Та, что возле такой-то и такой-то?

– Да, – ответил он, да так, будто вовсе и не слушал меня, и ответил бы так же, сказав то же самое, что бы я там ни говорил ему.

Взглянув на него еще раз, в надежде признать в нем кого-то из знакомых, я убедился, что он вовсе не похож на человека из наших краев.

На самом деле, даже название деревни он произнес как-то неуклюже. Может, кто из знакомых послал его, чтобы подшутить надо мной? Теперь, когда я уже снова посмотрел на него с какой-то даже враждебностью, я заметил, что передо мной стоит молодой парень. Бедняга был в таком виде, будто его на сотню лет лишили сна, или же, наоборот, он только отошел от столетней дремы.

Кажется, мне и самому до смерти хотелось спать, потому что, если и есть какое-то средство, чтобы спастись от этого зноя, так это и есть сон. Однако мысль о сне мне и в голову не пришла бы, если бы я не увидел этого парня. Значит, я и сам был в таком же состоянии. Мои муки, вызванные этой страшной жарой, сделали стоявшего передо мной человека настолько знакомым, словно я с родным братом повстречался.

– Брат, я бедный человек, которому не от кого ожидать помощи. Хвала господу, есть у меня семья, да и та ждет от меня денег и пропитания. Скажи-ка, сколько заплатишь?

Как эта фраза только вырвалась у меня из уст? Бог свидетель, не хотел я говорить ничего подобного. Но что поделать, не виноват я, привычка – вторая натура.

– Сколько скажешь, заплачу.

И в самом деле: передо мной брат родной стоял. Теперь я не позволил бы, чтобы с его головы хоть волосок упал. Его словно сам господь ко мне послал.

Теперь я был уверен, что скучать в пути не придется, да какой там скучать, можно было наслаждаться поездкой, рассказывая ему обо всем том, о чем не мог поговорить с женошкой, поделиться с ним своими мыслями, проблемами и горестями, потому что этому человеку можно было доверить все, с ним можно было поговорить обо всем. И дело тут вовсе не в деньгах, я готов жизнь отдать за того, кто готов поделиться со мною тем, что имеет. А из глаз у него прямо свет лился, храни его господь. Будто дитя ангела. И к тому же, кто в этом огромном городе знает мою маленькую деревню, я готов помочь, как только смогу.

– Садись, поехали, – сказал я и почувствовал, что до сих пор сердце в моей груди не билось так спокойно и ритмично.

– Сначала надо домой заехать, – сказал он.

Услышав эти слова, я призадумался. Может, этого парня просто отправили найти машину? И, когда мы доедем до дома, вместо него подсядет какой-нибудь зануда, который всю дорогу будет доставать меня своей болтовней. Машина моя, никого другого, хоть мир перевернется, не буду вести.

– Что, груз есть что ли? – спросил я, и произнес эти слова так громко, как будто хотел вложить в них и донести до него все свои мысли.

Он, не сказав ни слова, помотал головой.

Мне даже как-то полегчало. Теперь осталось разобраться с грузом. Хоть бы не тяжелый был. Боюсь, как бы эти чертовы арбузы не помешали и не испортили все.

Глядя на меня сухими глазами, он только произнес:

– Нет.

После этих слов у меня словно гора с плеч свалилась. Значит, теперь дела пошли на лад, как и погода, которая по-

степенно, словно ради меня, становилась прохладнее. Я почувствовал прилив сил и готов был от радости обнять своего спутника, чтобы поделиться ею с ним.

– Поехали, – сказал я.

Наш долгий путь представлялся мне лестницей, на которую нам предстояло взобраться, и я размышлял, как бы нам это сделать, чтобы не упасть, когда будем с нее сходить? Хоть я немного и запоздал с этим, но не мог отказать своей привычке и произнес:

– О, Аллах! О, Мухаммед! О, Али!

После чего я взглянул в зеркало в надежде увидеть там лицо своего пассажира. Он смотрел из окна на улицу, будто хотел скрыть от меня не только свое лицо, но и себя целиком.

– Молодец, – пронеслось у меня в голове, – видно, воспитанный малый, обучен манерам. Потом подумал, что хотелось бы, чтобы и мой сын был похож на него, когда подрастет. Внезапно я осознал, что этот парень, которого я с утра называю братом, вполне мог бы быть мне родным сыном, будь я расторопнее и женись во время.

– Сынок, – позвал я его, – что за груз везем в деревню?

Оторвав свой взгляд от улицы, он посмотрел на меня через зеркало. И его голос, донесшийся некоторое время спустя, будто тоже шел от зеркала.

– Я не расслышал, что везешь?

– Гроб.

Гроб мы спускали с девятого этажа вдвоем. На самом деле, и помочь-то было некому. Пока мы спускались по ступенькам, с меня лился градом пот.

Но я не ощущал не только жары, но и намокшей от пота одежды. Видимо, этот плач моего спутника, когда мы поднимали гроб, вышиб все у меня из головы. По правде говоря,

я сам был виноват в том, что он так сильно зарыдал, потому что я весь затрясся с головы до ног, когда мы только что подошли к лежащему прямо посреди комнаты гробу.

Словно это я убил усопшего, и сейчас меня, связав руки и ноги, собирались отвезти бог весть куда. Парень подошел к гробу со стороны головы, ухватился за край и тотчас поднял его.

Но мои ноги будто онемели, и, что бы я не делал, не мог сдвинуть с места ни гроб, ни себя самого. Так, упав на колени, я смотрел на гроб снизу вверх. Наверное, и мертвец, лежавший в том перекосившемся гробу, отроду не видел подобной позы ни у себя, ни у кого бы то ни было еще.

– Да направит Господь душу его в рай, – сказал я, – видеть, крепкий мужик был. Этими словами я пытался успокоить себя и отогнать прочь охвативший меня страх. Но внезапно со стороны парня донесся такой рев, что надо, наверное, родиться в этом мире мне заново, чтобы вновь услышать подобное.

Подняв и погрузив гроб в машину, я огородил его с четырех сторон досками, чтобы арбузы не скатились на него, когда мы будем ехать по ямам и кочкам.

Мы тронулись в путь, и мой спутник вновь безмолвно глядел в окно машины. Было такое ощущение, будто и не сходил он с машины после того, как повстречал меня, а гроб этот и вовсе не имеет к нему никакого отношения.

На самом деле, гроб давал знать о своем присутствии каждый раз, когда мы проезжали по ухабам; но только я один и вздрагивал от этих резких стуков.

Мне уже было безразлично, сколько я получу за свой труд. Не сказал бы я ни слова, пусть хоть он сойдет и уйдет, не заплатив ни гроша. В крайнем случае, подумал я про себя, от пятерки – другой манатов никто не обеднеет. Значит, и терять-то особо нечего.

Однако я так смутился, что никак не мог ухватиться за нить разговора, который хотел начать. Кажется, тяжесть гроба, который я только что нес, легла мне на душу. Я и сам теперь словно находился в гробу. Собравшись, наконец, с мыслями, я спросил:

– Отчего умер... покойный? – чуть было не сказал «умер я».

– Веди свою машину, – ответил он, – доедем до кладбища – получишь деньги.

Голос его был сухим. Его горло словно потрескалось, подобно высохшему колодцу. Если бы мне сказали такое в другое время, в другой ситуации, я без раздумий вышвырнул бы ответившего мне в таком тоне из машины. Но у меня пересохло не только в горле, но и во рту. Я даже заранее обдумал фразу, которую произнесу:

– Бери свой гроб и убирайся отсюда, чтобы глаза мои тебя не видели, – собирался сказать я.

Но никак не мог решиться на это. То ли от жары, то ли от чего-то еще, за эту пару часов я как-то сблизился с этими двоими. Почему-то у меня не было сомнений в том, что лежавший в гробу мужчина, которого я даже в лицо не видел, прожил честную жизнь, с друзьями вел себя по-дружески, а к недругам относился со снисхождением.

Наверняка он был гораздо старше меня; ему, может даже, было лет за сто. Я-то думаю, почему же гроб был таким тяжелым, когда мы спускали его с девятого этажа. Видимо, на мои плечи давил не вес покойного, а все то, что он забирал с собой из этой брэнной и сложной жизни, тяжесть ста прожитых лет. Значит, теперь я был одним из двух людей, провожавших эти сто прошедших лет в мир иной.

Резко остановив машину, я дал парню смачный подзатыльник. Теперь, кажется, когда эти мысли начали проноситься у меня в голове, я приревновал этот гроб к сидящему рядом.

Но мой спутник даже не шелохнулся; только сказал, тихонько поглаживая затылок:

– Да, это мой отец.

Кого первым видит младенец, родившись на свет? Сначала мать, потом отца, а потом, как встанет крепко на ноги, начинает потихоньку и себя познавать. Если запеленать еще ползущего на четвереньках малыша, сможет ли он встать на ноги?

Он обязательно будет брыкаться и вырвется из пеленок, потому что душа ему так велит. Я не собираюсь сейчас сидеть здесь и рассказывать тебе о перипетиях жизни. Вот смотри: если даже начнешь будить мертвеца в том гробу, едва ли он захочет ожить.

Если разок повидал этот мир как следует, то тебе этого хватит с избытком. Больше ни за что не захочешь вернуться сюда. Я это к тому, что, если ребенок растет без отца или матери, после определенного возраста ему уже будет безразлично, кто его мать или отец, потому что человек этот уже так привыкнет к своей жизни, что неожиданное появление отца или матери причинит ему только неудобства.

– Три месяца назад, вечером, услышав стук в дверь и открыв ее, я встретил своего отца. Прошел уже год со смерти матери. Я все еще словно чувствовал ее дыхание в квартире.

По правде говоря, хотя я этого мужчину никогда в жизни и не видел, но как только я взглянул на него, он сразу же показался мне знакомым. Пока я еще не знал, что передо мной стоял мой отец, однако, было ощущение, что мы где-то уже встречались.

– Кто вам нужен? – спросил я, а потом, посмотрев на него внимательнее, понял, что молча стоявший в дверях муж-

чина, показавшийся мне столь знакомым, похож на меня самого.

При жизни мать всегда говорила мне, чтобы я ни в коем случае не впускал отца домой, если тот вдруг объявится после ее смерти. И еще просила не показывать ему ее могилу, что бы тот ни сказал.

Причем она говорила это, когда видела меня в задумчивости. Наверное, ей казалось, что я все думаю об отце. Но я никогда даже не спрашивал ее о том, почему отец бросил нас и ушел.

Честно говоря, мне не особо-то и хотелось узнавать подробности. Точно так же, как человеку, у которого есть и мать, и отец, трудно представить всю тяжесть сиротства, а еще и горевать об этом. Никак не могу забыть слова, сказанные мне недавно знакомым, у которого отец работает на высокой должности.

– Знаешь, – сказал он однажды, – сколько есть людей на белом свете – все они любят только себя. Молитвы даже самого любящего и заботливого чада о здоровье матери и отца направлены не столько во благо им, сколько себе, любимому. Ведь, если здоровы отец с матерью, то и у их сына или дочери тоже все будет хорошо.

Ладно, на чем я остановился? Ах да, отец, значит, молча стоял в дверях. Кажется, он был в замешательстве, поняв, что я узнал его. Наверное, он множество раз заранее обдумывал, как будет себя вести и как представится, когда увидит меня впервые.

В голове у меня пронеслось, что хорошо бы его поддержать немного в таком состоянии. Бог знает, выпадет ли мне такой случай еще когда-нибудь. Однако я очень спешил по делам, мне надо было уходить.

– Проходите, – произнес я, наконец; и это было единственное, что я смог придумать, чтобы как-то избавиться от него и пойти по своим делам.

После моего приглашения он неожиданно посмотрел на меня с такой неприязнью, будто ему нужен был повод, чтобы запинать меня ногами до смерти. Видно, ожидал услышать от меня что угодно, только не это. Я, по его разумению, должен был обругать его и прогнать, прямо как в каком-нибудь фильме.

– Уйди отсюда, – должен был сказать я, – ты мне не отец, не за что мне тебя отцом считать.

Но почему? По какой причине?

Одним словом, проведя его в квартиру и ознакомив со всем, что ему может понадобиться, я пошел по своим делам. Ах да, вспомнил, что хотел сказать только что. Но заранее прошу прощения за то, что скажу. Так вот, тем вечером я был в объятиях такой красавицы, что до сих пор сам не свой. Девушка невиданной красоты; бестия, словно кровь с молоком.

И, значит, когда вернулся домой, вижу, отец так и сидит, как я его оставил, когда уходил, и ждет меня.

– Почему не устроились удобнее? – спросил я.

Молчит. Смотрит мне прямо в глаза. А потом:

– Сынок, ты узнал меня?

Помотав головой, я сказал:

– Вставайте, умойтесь.

Честно говоря, мне бывает не по себе, когда рядом кто-то чувствует себя неудобно.

А этот мужчина, не сводя с меня глаз, уже, наверное, в сотый раз спрашивал:

– Узнал меня?

Когда он в очередной раз спросил, я уже не сдержался и ответил:

– Да какая разница? А ты как, ты меня узнал?

С тех пор он замолчал и больше ни слова не молвил. Видно, понял, наконец, что от этого разговора никому толка не будет.

Молчали мы до самой ночи. К еде, которую я разложил перед ним на столе, он не притронулся и даже ничего не сказал, хотя бы ради приличия, мол, спасибо, я не голодный. Подождав немного, я убрал со стола и постелил ему в той же комнате.

В постели, которую я расстелил для него на полу, в свое время спала моя мать. Покойная почему-то терпеть не могла спать на кровати.

Каждый раз, ложась в постель и закрывая глаза, она хотела увидеть свою смерть. Распростерши руки на полу, словно крылья, она тихонько шептала про себя:

– Господи, вот и мой черед пришел, земля близко.

По правде говоря, мне до сих пор непонятно, как земля может быть близка человеку, живущему на девятом этаже. Но не поверишь, эти же слова в ту ночь я услышал и от него. Сначала хотел поменяться с ним местами. Но потом подумал, что больше не смогу спать в своей постели, если поступлю так.

Что поделать, такой я человек. Он словно прочитал мои мысли и больше не издал ни звука до самого утра. Я же спокойно лег и уснул.

С тех пор так мы и стали жить под одной крышей. Он мне не особо-то и мешал. Весь день бывал в раздумьях, ведомых только ему самому: каждый раз молча садился где-то в углу на стул и словно терялся из виду.

О том, что кроме меня, в доме живет кто-то еще, я ощущал только по утрам. Он каждый раз просыпался раньше меня и ждал, когда я буду собираться на работу, чтобы сказать мне одну единственную фразу. Только я протягивал руку к двери, сзади доносился его сиплый голос:

– Сынок, не говори никому, что встретил отца.

Но стоило мне выйти за порог, как я вовсе забывал о своем отце и вспоминал о нем лишь тогда, когда возвращался домой и видел его лицо.

Однажды, проснувшись рано утром, я обнаружил, что он стоит прямо у моей постели. Вид у него был очень вялый и усталый, словно он всю ночь кирпичи таскал.

– Послушай, – сказал он и снова замолчал на некоторое время.

Казалось, что он все еще боится начать разговор, к которому готовился уже долгое время. Если бы я не сказал, придя в себя:

– Слушаю, – неизвестно, когда он заговорил бы.

Протянув руку, отец тихонько погладил меня по голове. Кажется, он слегка испугался и растрогался из-за той злости, которая прозвучала в моем голосе.

– Сынок, – сказал он, – этот разговор и то, что я скажу тебе, сейчас означает для меня – умереть и родиться заново.

Я понял, что разговор будет долгим, и сильно расстроился, потому что привык умываться утром, как только встать. Но что поделать.

– Слушаю, – повторил я.

Я не намерен сейчас пересказывать всю историю жизни этого человека. И времени много уйдет, да и желания как-то нет.

На самом деле, запомнил-то я из этого разговора не многое, потому что мне это было неинтересно. Я даже и не слушал особо. Бог знает, что он там рассказывал мне. Бог, и лежащий там, сзади, в гробу человек.

...Сынок, есть в этой жизни такая штука, как судьба. Кто-то сам пишет свою судьбу, кто-то позволяет писать ее другим, а кто-то вытворяет с ней Бог вещь что.

А есть и такие люди, которые с самого рождения и до самой смерти даже понятия не имеют об извилистых дорогах судьбы, по которым они следуют.

Знай, что проживи ты еще хоть тысячу лет, не встретишь слугу господня, который был бы большим рабом своей судьбы, нежели твоя мать.

Эта женщина родилась на свет, чтобы сделать только три вещи. Во-первых, всю свою жизнь беречь честь, во-вторых – выйти замуж за первого встретившегося мужчину, ну и, наконец, – бог даст, вырастить детей от этого мужчины. Больше ничего в этой жизни ее не интересовало.

Однажды, как раз в твоём возрасте, повстречал я волка. Стояли мы с ним прямо друг напротив друга, один на один. На самом деле, я его не очень боялся. В любой момент мог застрелить его из ружья, которое как раз держал в руках.

Помню, в тот день я хотел вдоволь насладиться созерцанием звериной сущности этого именуемого волком животного, увиденного мною впервые в жизни. Но не получалось у меня. В моём понимании передо мной стоял просто хищный волк, и все тут.

Вот и твоя мать с первого дня нашей совместной жизни видела во мне того самого волка. Я мог бы быть самым уродливым и страшным существом на земле, или же светлоликим ангелом неземным. Я мог бы быть жестоким мерзавцем, кровопийцей, а мог бы быть хоть наследником пророка. Твоя мать знала только одно: я ее мужчина, я ее муж, вот и все.

Но во мне не было ничего волчьего. Я с самого раннего детства, сколько себя помню, был обездоленным сиротой, беспомощным ягненком. Целыми днями я только и делал, что забивался в какой-нибудь угол и так и сидел там, съезжившись.

В надежде получить хоть кусочек хлеба я провожал взором каждого прохожего, утыкался взглядом в двери посторонних людей. Порой находились такие, которые подзывали меня к себе, гладили по голове и давали пару копеек. Даже двери отворяли, когда я с голоду стучался к ним.

Но для хозяев я был не более, чем голодным сиротой, стоявшим у них на пороге. Эти люди накормили бы и проводили каждого, кто постучался бы к ним в дверь.

То есть, даже ту крупицу милосердия я получал не из-за себя самого, а за счет того, что был обездоленным сиротой.

Сначала мне казалось, что так будет продолжаться вечно. Но стоило мне немного повзрослеть, как и эти немногие двери начали закрываться предо мной, потому что я рос, мужал, и девочки, игравшие раньше во дворах тех домов, где меня принимали, тоже взросли и становились барышнями. Но был один дом, двери которого всегда были открыты для меня, вплоть до тех пор, пока я не стал взрослым мужчиной. Это были двери дома твоего деда, очага твоей матери.

Дед твой был разорившимся беком. Как бы то ни было, и твоя мать была дочерью бека, настоящей барышней. Но он был очень жестоким человеком, держал дочь в ежовых рукавицах. Злость за утерянное когда-то богатство он срывал на ней.

Каждый раз, когда я становился очевидцем очередного скандала, то видел на его лице некое странное выражение властности. На самом-то деле, у него не было никого, кроме дочери, кому бы он мог доказывать, что когда-то был беком. Крича на нее, он как бы и себе доказывал, что он еще бек. А дочь уже привыкла к этим его выходкам. Она совершенно спокойно накрывала на стол, приносила еду, попутно выслушивая его брань и угрозы. А я все никак не мог справиться с одолевавшим меня страхом, когда сидел с ним за одним столом. Мне было боязно, что сейчас твой дед схватит меня за шиворот и наговорит такого, что мало не покажется, а потом свалит на землю и переломает мне все кости, забив до полусмерти, чтобы я больше не смел появляться в этом доме, где росла его дочь. Однако твой дед однажды сказал мне:

— Я вот о чем думаю, хочу дочь свою за тебя выдать.

Твой дед хотел видеть меня не зятем для себя, а слугой своей дочери-барышни. А я, не поверишь, до тех пор от страха перед ним не только заговорить с ней, даже толком взглянуть на нее не смел. Но, услышав эти слова, я без раздумий выдал:

– Согласен.

Потому что я и сам хотел стать слугой твоего деда. Он был моей единственной надеждой в мире. Я думал, что, ругая, терзая меня, он выбьет из меня всю сиротскую натуру и сделает из меня человека, выведет в люди. Но старик словно ждал свадьбы своей дочери.

На следующее утро после свадьбы он не проснулся: оставив всю свою злость и негодование здесь, с нами, отправился в мир иной.

В тот день твоя мать и слезу не проронила. Уставившись на меня своими сухими глазами, она только сказала:

– Чему быть, того не миновать. Теперь ты хозяин в этом доме.

Значит, дед твой ошибался: он вырастил свою дочь не барышней, а прислугой. И теперь, когда хозяин умер, под одной крышей остались служанка и слуга.

Но жить без хозяина – это, видимо, было не для нас. Нам нужно было найти нового хозяина.

– У нас будет сын!

Уже и не помню точно, когда и как она сообщила мне эту новость. Помню только то, что в тот день я был сильно голоден. И сколько бы я ни ел, никак не мог насытиться. Бедная твоя мать так и металась с тарелкой в руках между полным котлом и моим вечно голодным желудком. Вот тогда, кажется, она как бы, между прочим, тихонько сказала:

– У нас будет сын.

Клянусь Аллахом, так и сказала. Такое ощущение было, что она на руках собиралась принести тебя.

У тебя еще имени-то не было, но ты уже шел.

Мне показалось, что с твоим рождением все изменится, и душа твоего вечно огрызающегося деда тоже вернется вместе с тобою. Но потом все пошло не так. Я понял, что с твоим появлением родится еще один такой же бедняга, как и я.

Нет уж, в одном доме не место двум слугам. Я решил, что лучше будет мне уйти. Оставив тебя матери, а мать – тебе, я покинул тот дом навсегда. Если честно, я думал не о себе, а больше о тебе.

Ты бы не смог прожить нормальную жизнь в одном доме со мной.

Я ведь хорошо знал себя: тяжело и бесполезно было бороться с моей беспомощностью, угнетенностью и ничтожностью. Ты бы и сам не понял, как, посвятив себя жалости из-за моей ничтожности, любви и заботе обо мне, разрушил бы собственную жизнь и стал бы таким же беднягой, дожив до моих лет. Избавив тебя от себя, с того самого дня я сделался рабом твоей судьбы.

Я снял квартиру вдалеке от вас. С тех пор я уже не был хозяином не только той квартиры, но и своей жизни, потому что меня как человека уже не было, я иссяк.

Все мое существование сводилось к тому, чтобы целыми ночами и днями сидеть и ждать тебя, думать о тебе.

Но я был уверен в тебе и знал, что, когда ты вырастишь, мать сможет на тебя положиться, и она не будет ни от кого зависеть. И ее я знал: она бросилась бы в пламя, но не оставила бы тебя беспомощным. Ты был для нее своего рода настоящей наградой.

Став взрослым, начав зарабатывать, ты должен был постепенно вернуть все долги перед нею, дать ей лучшую жизнь.

Попав ко мне, она прогадала, но с тобой она не должна была прогадать. Эта женщина могла ошибиться только однажды. Когда ты отвел мать в новую квартиру на девятом

этаже, я понял, что ожидания ее были не напрасны, и мечты ее сбылись.

Узнав, когда ты выходишь с работы, я проводил весь день в тех местах. Иногда, потеряв тебя из виду, я становился сам не свой. Но набраться решимости и подойти к тебе никак не мог, потому что ты сильно напоминал мне тех богачей, которых я видел, прячась по закоулкам, еще будучи маленьким ребенком. Ты мог просто подкинуть мне немного денег и пройти мимо.

Вся надежда была только на твою мать. Если есть бог на небесах, то она должна была уйти из жизни раньше меня, чтобы я мог прийти к тебе и рассказать обо всем.

Потом она скончалась.

Да упокоит господь душу ее, хорошей она была матерью. И ты, как следует, со всеми почестями похоронил ее в родной деревне. В тот день и я был на похоронах. Тогда, в самом начале, я не сдержался и расплакался. Сам себя слышал, да ничего не мог поделать.

Мой голос будто бы рассыпался повсюду, и, чтобы я ни делал, никак не мог собраться сам и собрать его. Когда я кое-как пришел в себя и поднял голову, то увидел перед собой тебя. Ты стоял прямо передо мной и сверлил меня взглядом своих сухих глаз.

Мол, кто этот мужчина? Я понял, что за все это время на похоронах никто, кроме меня, не плакал. Быстро взяв себя в руки, я замолчал. А ты продолжал стоять и смотреть.

Конечно же, тебе было интересно узнать, кто я такой.

Ты с самого начала похорон не мог найти себе места, и, когда друзья позвали тебя, видно было, как ты сожалеешь, что не смог понять, что за плач это был, и кто этот так сильно рыдавший незнакомец...

Знай, что слезы я в тот день проливал не по твоей матери, а по себе.

Тогда я обиделся на тебя и плакал, как ребенок плачет и обижается на отца, который не обращает на него никакого внимания и который заботится о другом своем малыше. Мне на миг пришла мысль, что ты, наверное, ни за что не похоронишь меня с такими почестями.

В тот же день я так остыл к тебе, словно человека с твоим именем никогда и не существовало, и я тебя просто выдумал. Однако и мои мечты тоже сбылись. Ты стал похож не на меня, а на деда своего.

Ты был мне чужим, но таким, какими бывают ноготь с пальцем. Я мог в любой момент отрезать тебя, но вытащить целиком и выбросить тебя из своей жизни я не мог. Мне было бы слишком больно.

Тогда я понял, что если мне и осталось что делать в этом мире, так это ждать смерти. На сей раз – своей.

Когда смерть подкралась совсем близко к моему порогу, я пришел к тебе. По правде говоря, меня некому провожать на тот свет, кроме тебя.

В первый же вечер, как я постучался к тебе, твоя суть мне стала ясна, как божий свет. Что поделать, значит, такова моя участь.

Знаю, что ты похоронишь меня тайком, потому что ты не захочешь, чтобы кто-то знал о существовании у тебя такого отца.

У меня к тебе только одна просьба. Во имя всего святого, прислушайся к одной единственной моей просьбе. Похорони меня на нашем деревенском кладбище возле своей матери.

Машина стояла. Кажется, я уснул, прислонив голову к боковому стеклу. Вдруг я вспомнил что-то, от чего внезапно проснулся и вскочил. Моего спутника не было рядом.

Быстро выйдя из машины, я прошелся рядом в поисках его. Вокруг не было ни души.

Машины, ездившие по этой дороге туда и обратно круглые сутки, будто бы тоже исчезли вместе с тем парнем.

Потом я стал звать его во весь голос. Тишина, никто не ответил. Наверное, все эти события, и этот разговор молодого человека, и вся эта история мне только приснились.

– Все из-за этой проклятой жары, – подумал я про себя.
– Видимо, перегрелся на солнце.

Я сел обратно в машину. Однако стоило мне отъехать с места, как до уха донесся знакомый стук. Попав в замешательство, я тут же обернулся. Гроб все еще лежал там, сзади.

До деревни я доехал ночью. Машину остановил возле кладбища, у самого въезда. А потом вырыл усопшему могилу на самом краю кладбища.

Сделать это было легко, потому что земля, где я начал рыть, была рыхлой, без глины и кореньев. Потом вытащил гроб из машины, но он уже не казался столь тяжелым, как в прошлый раз.

Видимо, освободившись от всех накопившихся в нем слов и разговоров, гроб стал легче. На миг я подумал, что стоило бы пойти и позвать из деревни моллу, чтобы тот отпел покойного. Но решил, что, хотя умерший и был родом из моей деревни и говорил со мной на одном языке, бог весть какой веры он придерживался.

Закончив, наконец, с похоронами, я постоял там некоторое время, глядя в никуда. Наверное, я хотел убедиться в том, что надежно спрятал этот гроб подальше от глаз человеческих. Простояв еще немного, я промямлил:

– Покойся с миром.

Мне и самому на душе стало спокойнее. Возвращаясь обратно к машине, я почувствовал сильный голод. И тут же вспомнил, что с утра и глотка воды не сделал.

Выбрав один арбуз, разделил его ровно пополам. Хорошо, что желудок у меня был пустым, а не то, увидев цвет этого арбуза, я бы не сдержался и вырвал из-за тошноты прямо там.

До сих пор я ни разу не встречал столь белого и не спелого арбуза. Он был бледнее покойника.

Когда я, наконец, добрался домой, было уже далеко за полночь. Но во всех комнатах горел свет. Быстро пройдя внутрь, я увидел, что дети не спят и собрались там.

– Что такое, наверное ...

– Да, отец, – сказал старший сын, – мать двойню родила.

У меня даже сил не было поинтересоваться, кто же родился: мальчики или девочки. Смог только сосчитать: значит, так, отец восьмерых детей. И сам не понял, как потом дошел до постели и заснул.

Вот такой случай приключился со мной прошлым летом.

Почему-то в последнее время мне хочется тайком пробраться на кладбище, отрыть ту могилу и хоть разок взглянуть на того старика.

Да не могу решиться: боюсь, как бы не увидеть гроб пустым.

Перевел Кямран Гаджиев

Орхан Фикретоглу

ТАЙНА ДРАКОНА...

Говорят, что у человека растут ногти после его смерти. Если это действительно так, то это значит, что и после смерти человек не заканчивается полностью. Точно так же, как оставшиеся плоды на обломившейся ветке дерева продолжают набирать соки, становясь сладкими... так и ногти умершего человека, питаясь последними остатками, так сказать, соками его организма, продолжают расти... Под этим следует понимать, что уже не живущее тело не имеет души, и рост его ногтей останавливается, не растут они... Ведь корни ногтей питаются не от тела, а от души... А для этого требуется время. Даже сам ноготь не понимает в ту минуту, что тело, в котором он жил, полностью умерло, он понимает это постепенно, с течением времени... как я теперь могу верить в то, что ты вдруг перестал существовать?..

Хочешь услышать от меня сказку?

К тому же, тебя здесь нет...

Я расскажу тебе одну истину. Ты был в то время ребенком. Я своими глазами видел, как родился тот Храбрец.

В те годы в здешних местах рождались всякие, кроме Храбреца. И все они жили, занимаясь каждый своим делом. Конь жил как конь, человек – как человек. До рождения Храбреца здешние люди не задавали лишних вопросов. Сказано было «живи» – жили, «умри» – умирали. В храбрецах и

в храбрости не было нужды. И люди были подобны лошадям. Ели, спали, размножались... И тут вдруг жена Асада, возьми и на тебе – родила Храбреца. Храбрец, хотя и не попал в историю, как Мессия, но и в моей памяти он остался как что-то упрямое. С самого рождения он не был похож на нас. Руки, ноги, внутренности, мысли были больше, чем наши. Храбрость на его лице была такой же, как злые поступки на лице злого человека. Он не совершал храбрых поступков. Он сам был воплощением храбрости. Храбрец не работал, не ел, не был привязан к отцу с матерью, тихо, молча проводил жизнь в окружении обычных людей, годами существовал, как кто-то приезжий. Все видели, что он храбрец. Все ожидали, что когда-нибудь он, совершив какой-нибудь храбрый поступок, изменит мир. Однако в ту пору, когда этот храбрец родился, храбрость не была в моде. Для того чтобы совершить что-то храброе, храбрец должен был кого-то убить и этим спасти весь мир. Но в год, когда родился храбрец, все люди были уже умершими. И, так как они были мертвы, они не желали быть спасены. А у мира не бывает познания, чтобы он мог понять, является ли он законченным или спасенным. Мир – это что-то вертящееся, чтобы люди падали. А то, что рожденный храбрецом не совершал храбрости, от этого мне и самому тоже было тяжело. И храбрец никак не мог пережить эту тяжесть. Смотрел на мир и удивлялся. Ему казалось странным то, что люди, которые каждый вечер заходили и каждое утро выходили, подобно солнцу, живут, не совершая храбростей. Он не знал, куда девать свою силу, которая сотрясала все его существо. Годы так и пробегали мимо него. Храбрец махал рукой годам, а годы ему. А тот, кто прислал сюда храбреца, имел какую-то определенную цель. Храбрецу ведь не стоило большого труда присоединиться к этим годам и уйти вместе с ними.

Однажды от скуки храбрец поднялся на гору. Усевшись на камне, он начал размышлять о себе, о моменте храб-

рости. Язык сказки является спасением для сказителя. Если бы это было не так, как я мог бы описать, что храбрец в течение пяти лет, не двигаясь, сидел на одном месте на этой горе? Храбрец, таким образом, с таким терпением, вмещающимся в три предложения, в течение пяти лет просидел на этом белом гладком камне. И наступил такой момент, когда он или должен был стать пророком, или же покончить с собой, чтобы не брать на себя такую тяжелую ношу, став пророком. Храбрец понимал, что он чужой в этом существовании. Все происходящее не имеет ни лица, ни имени и ни ручек, за которые можно было бы ухватиться и с силой помять их или изменить. Все это происходило в совершенно ином отрезке времени, в котором храбрец не жил. И хотя храбрец и был близок к этому времени, этой логике и этике, и жил в другом времени, очень близком от происходящих событий, в чужом времени, он не в силах был изменить все это. Он понимал, что люди жаждут примера. Хотят видеть один пример, меняющий понятия. Хотят почувствовать, что такое храбрость, и какова она. Хотя храбрец и понимал это, он понимал также и то, что храбрость невозможна без конкурента. Но сегодня у храбреца не было конкурента для того, чтобы продемонстрировать храбрость. Люди для храбреца не были ни друзьями, ни конкурентами. Они были такими, какие они есть... Ели, спали... и никогда ни о чем не думали...

Но ты не думай, что сказка, особенно этот большой сказочник – это просто так. Рано или поздно тот, кто уложит храбреца наземь, должен был вывести его на площадку, чтобы люди, и больше всего он сам не скучали. Однажды рано утром храбрец увидел, что с неба на землю приземляется серый волк, весь освещенный голубым светом. Как только волк приземлился, он предстал прямо перед храбрецом и начал говорить, как настоящий человек. Неправильно произносил он лишь последнюю букву слова – «к».

Я тот самый волк. Ты мог бы убить меня, рассеяв храбрость по всему миру, словно семя. К сожалению, вы уже однажды убили меня. Пророк, говорящий на твоём языке, ещё не ниспослан на Землю, и не будет ниспослан. Вам однажды ниспослали меня. Не поняв смысла, вы съели меня. Такой уж волк я. Представьте себе, что вы сотворите с пророком, не являющимся волком. Поэтому слушай меня. У тебя всего один выход остаётся. На Земном шаре, внутри большого водоема остался всего один большой дракон. Крупнее его, сильнее и отрицательнее него во всем этом мире никого нет. Я, по сравнению с ним, красивейший ангел. Только убив его, ты можешь сделать так, чтобы храбрость вошла в моду.

Храбрец снова спрашивает у волка:

– Почему ты убил его... Что такого он мне сделал?

Волк ответил:

– Он тебе ничего не сделал. Твоя сказка заключается в том, чтобы ты, убив кого-нибудь, доказал миру существование храбрости и справедливости. Этот последний дракон и ты, в действительности, не имеете никакого отношения к большой сути дела. Вы – сказочные герои, избранные для осмысления сути. Если даже ты погибнешь в этой борьбе, все равно храбрость рассеется по миру, словно семя. Ты – образец, эталон, пример. Люди должны брать пример с тебя.

Оставив волка на последнем предложении, храбрец побежал в направлении берега водоема. Вода в водоеме замерзла. Превратив всю свою силу, находящуюся в течение долгих лет в замерзшем состоянии, в свой голос, храбрец стал звать дракона. От его голоса поверхность воды в водоеме сломалась, словно стекло. Перед глазами храбреца из-под обломков стеклянной воды стал подниматься ввысь дракон невероятно больших размеров и веса. Это вздымающееся тело поднималось в течение шести месяцев. На седьмой день седьмого месяца до храбреца дошло слово этого поднимающегося...

– Моя прабабка, желтый дракон, говорила мне, что один храбрец придет убить тебя. Это твоя судьба, твой рок, не бойся его. А может быть, это ты и есть этот храбрец. Если бы у меня был счастливый рок, разве остался бы я в одиночестве столько тысячелетий? Меня, наверное, придет убить такой же храбрец...

Храбрец обрадовался тому, что дракон узнал его.

«Ты прав, я твой рок, – сказал он. – Выходи, давай сразимся».

Дракон не услышал голоса храбреца. Его уши были далеко вверху от слов храбреца. Дракон немного нагнулся вниз, чтобы понять, о чем говорит храбрец. От этого поднялся ураган, ветер, поднявшийся с моря, повернул меч в руке храбреца и вонзил его ему в живот. Вот тебе и сказка о храбреце...

Но не спеши... Я не об этом говорю...

Мы очень малы по сравнению со страхами, которые не можем одолеть. Я не говорю и о том, что большого дракона создали не небеса, а мы сами. Я говорю о том, что если бы легко сказывалась сказка, это было бы очень традиционно. У этой сказки совершенно другой и очень странный конец. Послушай, я расскажу ее тебе. Когда храбрец, раненный своим же мечом, открыл глаза, он увидел, что абсолютно нагой лежит на железной кровати дракона. Сам дракон тоже был в комнате, в красном банном халате он смотрелся в зеркало. На столе стояли две бутылки вишневого сока. Издалека доносилось нежное журчание воды. Увидев, что храбрец пришел в себя, дракон улыбнулся. Его крупные, пожелтевшие зубы воняли трупным запахом. Храбрец, хоть и был беспомощен, но не забыл своего предназначения судьбой.

– Хоть ты и ранил меня, я не проиграл. Несмотря на то, что мое сражение с тобой не состоялось, люди будут восхвалять мою храбрость. Мое столкновение с тобой изменило

атмосферу в мире. Теперь изменится и смысл. Впредь люди будут жить как храбрецы. Страх побежден.

Эти страшные слова храбреца дракон поначалу не понял. Он не знал и того, что очень страшен. Он и не думал есть храбреца. Он знал, что перед ним единственный оставшийся храбрец. А он – последний дракон. Вот этого первого живого храбреца, который его не боялся, дракон полюбил с первого же взгляда. А храбрец все говорил и говорил, ничего не зная о его большом нутре...

– Если бы даже я и убил тебя, смерть убила бы меня когда-нибудь. Я очень радуюсь, что перед тем, как умереть, совершил храбрость. Если ты ранил меня, будь добр, dokonчи свое дело. Хотя я и умру, но уже спокоен. Я – храбрец! Я не смогу жить побежденным.

Глаза дракона наполнились слезами. Он подумал, как могут жить люди, считая такие простые мысли высшей справедливостью?! Для этого они, даже сражаясь, легко умирают. Ведь у всех, даже у маленького насекомого, может быть свой рок, своя справедливость. Но ни одна из этих истин не является всеобщей истиной. Интересно, о какой храбрости говорит храбрец, имея такую мизерную мощь? Почему люди хотят жить как победители, если в действительности они слабее того же ветра?! Что это им дает?

Поднявшись на ноги, дракон встал перед зеркалом. Спокойным взглядом посмотрев на храбреца, сказал:

– Я пробыл в одиночестве семь тысяч лет. Скучал. Из-за того, что все меня боялись, я и сам жил в страхе. Не с кем было даже поговорить. Хорошо, что ты пришел. Скажи мне, почему ты считаешь меня своим врагом? Внимательно посмотри мне в глаза. Возможно, ты и полюбишь меня. Ну и что с того, что я такой большой... страшный... и зовут меня Драконом? И что? Может быть, это вы меня видите и принимаете в неверном свете? Я тоже хочу быть матерью. Первый человек, который искал и нашел меня в течение последних

семи тысяч лет – это ты. Теперь скажи мне, что ты хочешь от меня? Но говори яснее.

Ужасно страшный голос дракона показался храбрецу очень нежным. В действиях дракона было даже какое-то кокетство. Храбрецу это противоречие казалось страшным. Самая страшная сила в мире не могла быть такой нежной. Храбрец спросил у дракона:

– Ты самец?

Лицо дракона расплылось в улыбке.

– С того момента, как ты пришел сюда, я не могу тебя понять. Ты говоришь страшные слова, – ответил он. Точно так же, как у тебя есть своя сказка, у меня тоже есть своя действительность. Давай сделаем так. Если даже ты и захочешь, то все равно не сможешь меня полюбить. Но если даже ты не захочешь, то можешь хотя бы дать мне ребенка. Давай-ка мы с тобой между собой совершим тайную сделку. Один камень сверху, один камень снизу – и никто ничегошеньки не узнает. Ты делай то, что я говорю, а я буду делать то, что ты говоришь... Я хочу только ребенка, который продолжит наш род. Что ты хочешь, скажи мне, и я это сделаю... Если наша сделка состоится, я не убью тебя и уйду на дно водоема... а ты иди и рассказывай всему миру о том, что ты храбрец... Ну как? Согласен?

– Я же могу убить тебя! – закричал храбрец.

Прошло некоторое время.

– Я мог тебя убить, – сказал храбрец.

Прошло еще немного времени.

И храбрец сказал:

– Хорошо.

Затем, неизвестно что произошло, но дракон вернул в мир храбреца живым и невредимым.

О храбрости храбреца, о том, как он убил дракона, и при его жизни, и по истечении веков, слагались легенды. После той, последней встречи храбреца с драконом люди ста-

ли жить совершенно по-другому. Каждый из них сопоставлял в уме храбреца с самим собой. Уподоблял его себе. Каждый по-своему описывал и рассказывал про сражение с драконом. Все, что было и не было, перемешалось друг с другом. В конечном итоге появилась совершенная и безукоризненная сказка про храбреца. Подлинную историю я рассказал сейчас тебе. А сказку придумали люди. Этика, которую желал храбрец, одним ударом меча победивший страшную силу в битве ради выдумок, которым верят люди, превратилась уже в мировую этику.

В то же время тысячи больших и маленьких драконов, тихо и спокойно живущих и размножающихся в глубинах водоема драконов, с любовью слагают легенды про того храбреца, который является их дедом... Их сказки, скажу тебе, намного слаще ваших сказок...

Видишь? И ты говоришь, расскажи мне сказку... Мы же не можем рассказывать сказку... Мы чересчур сердиты для того, чтобы рассказывать сказку... Главное – это не то, чтобы рассказать сказку. Главное – это ее осмысление. Ты видел жизнь, порожденную соприкосновением двух соображений? Видел, как сила превращается в любовь, а ложь превращается в правду? Вот это и есть наша сказка, дитя мое... Как ты теперь отличишь, что есть сказка, а что есть быль? Ведь и ты дитя дракона, к тому же, и тебя здесь нет... Как я могу вывести тебя к людям? Ведь они же не верят в сказки.

ЧЕЛОВЕК-ВЕТЕР

Я часто вижу в городе этого человека, одетого в военную куртку, на воротнике которой видны следы перхоти, сыплющейся с его выцветших, цвета веревки, долгое время находящейся в вожже, грязных волос. В его горячих глазах можно прикурить сигарету. Его взгляд такой же острый, как и его ходьба. Никто не знает, где он живет и чем занимается. Некоторые считают его бездомным бродягой, живущим на улице, а некоторые – умалишенным. Несмотря на то, что я с ним ни о чем не говорю, я всегда радуюсь, когда он встречается мне на пути. Никто не видел, как он ест, или когда просит у кого-то милостыню. Несмотря на то, что одежда у него поношенная, одевается он чисто, опрятно, на нем всегда отутюженная одежда, хотя и влажная от росы. Каждый раз над его головой я вижу светящийся диск, что-то вроде нимба, как у святых, и почему-то не могу разобраться – что это за маленький лоскуток над ним: его тень или действительно над его головой есть светящийся диск? Однажды кто-то видел, как он сидел на радуге. В другое же время, какой-то молодой человек, следящий за ним, хотел увидеть, куда этот человек всегда спешит. Тот самый молодой человек рассказывал своим друзьям о том, что этот человек возникает внезапно, неизвестно откуда, каждое утро, подобно ветру. Он не живет в нашем мире. Увидеть, откуда он приходит – невозможно. С рассветом он спускается на землю вместе со светом, внезапно, и с той же скоростью начинает ходить. Молодой человек клянется, что каждый раз при приземлении с неба, в его руке и на его языке что-то бывает. Когда молодой человек следил за ним, было еще не совсем светло и очень жаль, что он нехорошо его разглядел. Точно так же, как его взоры устремляются во все те стороны, куда не устремляются взоры людей, так и ходьба его всегда завершается странными разворо-

тами и изменениями. Он ходит неправильно. При движении он резко останавливается и внимательно смотрит на какое-нибудь пустое место или на какого-нибудь человека. Если во время его взгляда на то пустое место или на какого-нибудь человека на них никто не смотрел, то после этого его взгляда это пустое место или тот человек, на которых он смотрел, начинают видеться всем в абсолютно другом, тяжелом виде. И все смотрят на разглядываемое совершенно другими глазами. Своим взглядом он словно делает то, что не делается. Осмысляет бессмысленное. А затем снова торопливо куда-то уходит, словно ничего не было. В действительности, он не приходит ниоткуда, и никуда не уходит. Этот человек, никуда не уходящий в течение всего дня, уходя всегда куда-то, с наступлением вечера, словно исчезает куда-то вслед за внезапным дневным светом. Того молодого человека, который следил за ним всего один день, впоследствии друзья в течение 7-8 дней, откачивая, приводили в прежний образ. Этот молодой человек клялся в том, что мужчина тот подобен ветру. Невозможно догнать его, идя вслед за ним. Несмотря на то, что ноги его касаются земли, и он предстает перед глазами людей, в действительности он является человеком-ветром. Он не человек. И взгляд у него какой-то странный. Он смотрит не на человека, а на пядь выше его головы. Чтобы подходить под его взгляд люди, независимо от себя, вырастают на одну пядь. И теперь все люди, на которых он смотрел, живут на одну пядь выше, чем те, на которых он не смотрел. На кого он ни смотрел, то вырастал на одну пядь. Некоторые поговаривают, что его работа, в действительности, состоит в том, чтобы возвышать горы. Его прислали сюда именно для этого. Я не верю всему этому. Для того чтобы возвышать горы, его отправили бы в междугорье. Если его ежедневно показывают мне, значит, он пришел что-то сказать мне, а не отправлен возвышать горы. Возвышать горы можно было бы и с тех мест, откуда он пришел. К чему эти

мучения, доставляемые этому человеку? Всякий раз, когда я вижу его, почему-то хочу заговорить с ним. Но я не в силах сделать что-либо. Всякий раз он проходит передо мной, мчась с большой скоростью. С ним не соприкасается даже мой взгляд. Бывают такие дни, когда я вижу его пять-шесть раз. А иногда бывает и такое, что не вижу по нескольку дней. Он, как сон. Когда придет, когда уйдет – известно лишь ему одному. Каждый раз, когда я его вижу, я становлюсь поперек его дороги, чтобы попасть в объектив его взгляда. И каждый раз он проходит мимо, не замечая меня. Его глаза, хоть и расположены на его лице, взгляд его находится где-то внутри. Он смотрит на объект не глазами, а своим нутром. Или же ему заранее наказали на кого смотреть, а на кого нет. А иногда я думаю о том, может быть, для того, чтобы удостоиться его взгляда, я должен что-то сделать. Или же я должен быть крайне плохим, чтобы он исправил меня своим взглядом. Или же наоборот, я должен быть чересчур хорошим, чтобы он одарил меня своим взглядом. Зачем пристало ему смотреть на человека, который никогда в жизни не бунтовал, и жил обычной жизнью человека, начертанной, словно, по линейке. Может быть, я чересчур обычный, меня и не видать с высоты? Может быть, я из тех людей, кто, сочетаясь со всем происходящим, живет без предложений, без силы воли? Может быть, я из тех людей, кто свыкается с жизнью? Не из тех, кто изменяет ее. Есть еще одно обстоятельство, в то время, как другие не чувствуют его, я часто вижу его. Думаю о нем, хочу установить с ним общение. Другие не могут точно измерить его вес. Некоторые следуют за ним для того, что остановить его и подшутить над ним, а некоторые – для того, чтобы воспользоваться им. Я же просто хочу понять его.

Вчера я поругался с другом. Мое самообладание основательно сокрушило то, что объединившись с моим врагом, он выступал против меня. Кому после этого можно верить, –

думал я про себя, в одиночестве бродя по берегу моря. На морском берегу кроме меня никого не было, только чайки кричали вокруг. Устав бродить, я встал лицом к морю и начал смотреть на волны, словно моя злость бегущие по берегу. Странно, но когда волны в прибое остаются без моря, они, словно, успокаиваются. Их злость остывает. Морским волнам силу и злость придавало море. Получив силу от моря, они с еще большей скоростью бежали по берегу. Затем, когда оставались одни, без моря, и понимали, что они уже не в море, которое придавало им силу, что берег является для них чужим и новым местом, они со страхом возвращались обратно, в свою стихию. Я уже уверен, что каждая волна всего один раз находит в себе силы устремляться к берегу. Затем, признав свое поражение, возвращается обратно, к водной стихии, с которой давно уже свыклась. Знаете, сколько сил требуется для того, чтобы превратить воду в волну? Эта сила дается каждой капле воды всего один раз. Чтобы стать волной во второй раз у воды не хватает сил. Неожиданно я почувствовал на своей спине чьи-то горячие взоры. Обернулся назад. Это был он. Опять он куда-то спешил, не стоял. Я не спешил как он. Я стоял на месте. Но, каким-то образом, я и он находились в одном времени и в одной тишине. Хотя он и шел, мы оба стояли. В этот раз я отчетливо увидел и его горячие глаза. Осанка его была игривая, движения – ловкие и шустрые. Он выглядел моложе, чем есть на самом деле. Вероятно, из-за того, что у него была другая скорость, он казался мне намного старше. Он и со мной говорил на пядь выше, как и со всеми остальными. Поднимаясь все выше и выше, я точно знал, что все сказанное относится ко мне.

– Ты мучаешься из-за того, что дал идею своему другу. Все, что имеет для тебя смысл, в моей скорости бессмысленно. В связи с тем, что ты не знаешь смысла, все бессмысленные идеи для тебя являются идеей. Твой друг, с известными обязательствами, был для тебя именем и знакомым адресом.

Живя в известной скорости, уме и настроении, он должен был дать тебе то, что ты ожидал. Его настроение под названием друг, его положительные и отрицательные черты придумал ты сам, и сделал их остановкой своей жизни. А это было необязательно, так как в вашей скорости нет обязательности и быть не может. Вы, почему-то, видите бессмысленное, как имеющее смысл, а имеющее смысл – как бессмыслицу. Теперь ты не можешь пережить предательство друга. Это мы додумались принудить его совершить предательство для того, чтобы ты очнулся. Он для тебя как истинная ценность, а для нас – лживая идея. Ты не должен был привязываться к нему. У тебя была другая скорость. Для того, чтобы ты получил урок от своей застойной скорости, от лживых ценностей, ты должен был увидеть меня и я должен был рассказать тебе обо всем этом только в тот день, когда ты потеряешь друга. Знаешь ли ты, как я живу? Как человек, сидящий на заднем сиденье машины, мчащейся с большой скоростью, и смотрящий через открытое стекло на людей в течение какого-то мгновения. Среди них не может быть ни друзей, ни врагов. Для поиска идеи среди них и времени нет. Они мгновенные видения. Тебе не дается время на то, чтобы обижаться на них, и на что-то рассчитывать в их отношении. Даже твоя Мать и твой Отец, которых ты знаешь как родных, в действительности, являются мгновенными видениями с того заднего сиденья. Они также не являются смыслом, который всегда будет с тобой.

У этих людей, которые были видны через опущенное стекло, нет нутра, лица, плохого и хорошего. Я их уже не вижу вообще. Но знаю, что они существуют. Так как они мне не дороги, они в чужих не превращаются. Я не привязан к ним, так как привязан к другому. И точно знаю, для чего я сюда прибыл. А ты пока не знаешь этого. Поэтому у тебя нет стоянки. И ты не знаешь, что делаешь в этом хаосе.

Последние слова его потрясли меня. А в тот момент, когда я хотел спросить у него о том, для чего я прибыл сюда, я снова опустился на одну пядь вниз.

И снова, с прежней своей скоростью, в мгновение ока, он исчез из поля моего зрения...

Сегодня я не пошел на работу. Весь день бродил я по городу, надеясь на то, что увижу этого человека-ветра. Не видать его. А спустя два дня, я услышал, что его убили, выстрелив в него. Он очень долго смотрел на чью-то дочь. Траурная церемония состоится в его родной деревне. Утром я пошел на его траурную церемонию. Оказалось, что он был участником войны. У него было двое детей. Будучи безработным, он долгие годы искал себе работу в городе. Он был математиком с высшим образованием. И никогда не взбирался ни на какую радугу. Выразив соболезнование его родным, я вернулся домой.

Странно... Интересно, кто же это говорил со мной на морском берегу?..

Перевел Этимад Башкечид

Этимад Башкечид

ВЕЛОСИПЕД

...как гласит пословица, «мало ребенка родить, надо его ещё и воспитать». Мы, Азербайджанцы, говорим об обучении и воспитании, возможно, даже больше, всех народов мира вместе взятых. Но, честно говоря, у нас немало людей, которые не ограничиваются разговорами, и всё свободное время посвящают воспитанию детей. Мой отец, долгие годы проработавший директором школы в Башкечиде, был именно таким человеком. На самом деле, у отца было не так уж много свободного времени, он даже в выходные был занят работой. И потому он мог не знать, всего мы вытворяли в течение дня. Если бы не мой младший брат Мехди – так бы оно и было! Отец назвал Мехди в честь своего отца, но он больше был похож на бабушку – держать не умел язык за зубами. Как только отец переступал порог дома, начиналось. Он выкладывал отцу все что происходило за день, добавляя к этому свои пять копеек. Сколько раз я бил этого мелкого болтуна за ябедничество, сколько разговаривал с ним по-хорошему - всё без толку. Не знаю, от того ли, что он учился в русской школе, или от чего еще, Мехди был очень бойким на язык. В то время он ходил во второй класс, а я был старше него всего на три года. Отец всегда очень терпеливо выслушивал его. Его речь, состоящая из смеси русских и турецких слов, вывела бы из себя кого угодно, только отец вместо

того, чтобы разозлиться обычно гладил его по голове или же ласково трепал по волосам. Но, если отец был не в духе, то пиши пропало. Тогда, от того, что он узнавал из монолога Мехди, отец хмурился ещё больше, и приводя в пример некоторых примерных соседских детей, начинал долго и нудно читать нам нравоучения. После этого, как правило, он обещал, что отныне вплотную займется нашим воспитанием. Потому что, видимо, наша мать нас распустила и если так пойдет, то людьми мы так и не станем.

В действительности, говоря «распустила вас», отец каждый раз окольным путем критиковал маму. Но в этом случае он был не так уж и неправ. Когда папа последний раз учил нас уму разуму (это было чуть раньше истории, которую я поведаю вам ниже), мать была уже беременна третьим ребенком и была занята собой. А в последние дни она и вовсе не могла найти себе места. Она то ложилась на кровать, и толком не отдохнув, кряхтя вставала, то выходила во двор и заходила обратно, и весь день вот так маялась. Иногда они тихонько переговаривались. Я уже перешел в пятый класс и имел представление о некоторых вещах. Я знал, что не позже, чем через неделю, или дней десять, в доме появится еще один человек. В тот вечер настроение отца, а точнее его отсутствие, передалось всем нам, и больше всех хмурился Мехди. Хоть он и был ребенком, он знал, что после этого порицания он какое-то время не сможет ничего попросить у отца. В частности его мечта о велосипеде еще долго так и останется мечтой. Он, молча взяв свои книги и тетради, сел около печи и начал читать про себя, шевеля губами.

– Я тебе не говорил, не шевелить губами когда читаешь? – отец в этот момент всем был недоволен, – что это у тебя за привычка?

Прежде чем продолжить наш рассказ, поговорим еще немного об интересе Мехди к велосипеду. Сказать, что он и во сне видел этот велосипед, все равно, что не сказать ничего. Мехди, к месту и не к месту, как только находил маломальски подходящий момент, заводил разговор о велосипеде. Он собрал большую коллекцию, состоящую из газетных и журнальных вырезок, на которых были изображены только велосипеды, и хранил это богатство в кармане школьного портфеля.

Скажу также, что Мехди не был из тех детей, которые немного поговорив, замолкали. Он как наша бабушка, упрямо вторил своё. Несмотря на то, что прекрасно знал – если отец сам не захочет, то уговорить его было трудно. В конце концов, и мать, которая не могла устоять перед бесконечными требованиями Мехди, подобным штурму, перешла на его сторону:

– Ради Бога, купи ты ему этот велосипед, он нас уже утомил!

Но отец пока не собирался сдавать свои позиции. И произнес надменным тоном:

– еще не время! – сказал он.

– почему не время? Он взрослый мальчик, купи велосипед, пусть катается. Сколько можно!

То, что мать настаивала на этом деле, говорило о том, что соотношение сил менялось в сторону Мехди. Поэтому отец не мог отделаться одной лишь фразой «еще не время». Он должен был, наконец, озвучить свой аргумент:

– Пойми, это плохо повлияет на воспитание ребенка. Купим, когда настанет время, пожар что ли?

Да, если речь заходит о воспитании, то не стоит затягивать разговор с моим отцом. Он учитель и очень хорошо знает, что и как нужно делать в такой ситуации. И знает,

возможно, лучше всех в Башкечиде. К тому же он не просто учитель, он директор. Разве человека, не разбирающегося в воспитании и обучении, назначили бы директором целой школы? Нет конечно!

Из-за отказа отца, я кажется расстроился даже больше, чем Мехди. Признаю, хоть я и терпеть не мог Мехди, но тоже с нетерпением ждал дня, когда ему купят велосипед...

С этого разговора прошло около месяца, и за это время Мехди ни разу не заговорил о велосипеде. Но я очень хорошо его знал и был уверен, что он просто так не сдастся. К тому же, я не упускал возможности его ужалить, поиздеваться, а то вдруг его рана затянется и он откажется от мечты о велосипеде. Каждое утро, проснувшись, чтобы отец не услышал, вороватым тоном я говорил Мехди:

– Мишель, можно взять твой велосипед? У меня очень срочное дело!

Мехди молчал. А я начинал его якобы поддерживать:

– Ничего, Мишель, подрастешь, заработаешь денег и купишь себе отличный велосипед. Правда, взрослому мужику неудобно на велосипеде ездить. Но что поделаешь, не будешь же ты на него любоваться...?

Он делал вид, что эта ирония его не задевает.

Однажды, сидя под грушей в нашем дворе, я ел грушу. Мехди, держа в руках кусок какой-то помятой бумажки, подошел ко мне. Протянув мне бумагу, сказал:

– На, прочти это.

Я прочел. Это было сложное предложение, написанное на русском языке.

– Что это?

– Можешь перевести? – он внимательно смотрел на меня. На его лице была едва уловимая ирония. Выражение его лица говорило «это тебе не по зубам, дружище».

Заупрявившись, я сказал:

– Да что тут переводить? За две минутки сделаю!

– Переведи. Если сможешь – молодец.

Две минуты продлились два часа. Я собрал все слова-ри, какие были дома. Наконец, кое-как собрал предложение. Хотя, на Азербайджанском языке предложение получилось не менее сложное, чем на русском. Мехди старательно переписал Азербайджанский вариант предложения, положил бумажку в карман брюк и, встав из-за стола, произнес:

– Если мне купят велосипед, будешь кататься, сколько захочешь, даю тебе честное мужское слово!

Наверное, он сказал это в благодарность. Но как я ни пытался, на мои вопросы о том, какое отношение имеет предложение к велосипеду, Мехди не ответил.

Вечерело. Сидя вокруг кухонного стола, мы пили чай. Тогда беременность моей мамы была не так заметна. Она болтала и шутила с нами. Отец, повернувшись к Мехди, сказал:

– Мехди, когда уроки закончатся, я куплю тебе велосипед. Обязательно куплю, договорились?

Мехди не ответил. Отец, как и все учителя, не любил, когда вопрос оставался без ответа.

– Я тебе говорю, договорились?

– Нет! Я хочу сейчас.

Отец передразнил его:

– Я хочу сейчас. А кто будет за тебя уроки делать?

Мехди не лез за словом в карман:

– Ты же не купил мне велосипед, откуда тебе знать, что если он у меня будет, я буду плохо учиться?

– Если бы не знал, не говорил бы. Эта тема закрыта, летом куплю тебе велосипед.

Мехди заерзал на месте. Словно набирался решимости. Обведя нас всех взглядом, остановил свой взор на отце:

– Папа, знаешь кто ты?

Отец с большим удивлением посмотрел на него:

– И кто же?

– Субъективный идеалист, упрямо отрицающий объективную реальность и считающий свое мнение единственно верным!

Я застыл на месте. Это было предложение, которое мы с трудом перевели несколько дней назад. На мгновение мне показалось, что все смотрят на меня, как я ни старался собраться, щеки мои начали дрожать и меня пробил холодный пот. Но все внимание было приковано к Мехди. Отец тоже старался выглядеть холоднокровным. Немного помолчав, он сказал:

– Вот оно что! Молодой человек, с чего вы взяли, что я крайне субъективный идеалист? – он обратился к Мехди на Вы, словно подчеркивая этим свое уважение к нему, как к очень серьезному оппоненту.

– Потому что, тебя не волнует происходящее вокруг, об этом происходящем твое собственное представление значит всё... то есть, для тебя!...

Мать, как и я, опешив, смотрела то на отца, то на Мехди. Было ясно, что она совершенно ничего не понимает из этого диалога.

– Вот как! Хорошо, а что Вы подразумеваете под «объективной реальностью»? – затянувшись, отец выдохнул дым над головой Мехди.

В этот момент Мехди, как плохо выучивший урок ребенок смутился и начал запинаться.

– Объективная...реальность... – он сейчас был похож на певца, резко взявшего высокую ноту, который не мог допеть песню.

– Ради Бога, о чем вы говорите? – голос матери прервал Мехди, – говорите на человеческом языке!

Отец не обратил внимания:

– Да так, твой сын хочет сказать, я неправ, что не покупаю ему велосипед... неважно... чаепитие окончено. Выходя из кухни, отец повернулся к Мехди и сказал:

– Мехди, скажешь своему дяде Мемишу, что упрямый субъективный идеалист он сам.

Произнося эти слова, его лицо выражало удовольствие. Словно он не дал кому-то обмануть себя.

Уважаемый читатель, если я сейчас не заговорю о дяде Мемише, несомненно, наш рассказ может получиться незаконченным.

Дядя Мемиш – младший брат моего отца. Звали его Магамед, но вся деревня называла его «Мемиш». В отличие от отца, дядя Мемиш любитель вкусно покушать, выпить и подраться, если попадетя удобный случай. Если дядя Мемиш кого и боялся в деревне, то это был мой отец. Деревенские жители периодически жаловались отцу на дядю Мемиша, а отец в свою очередь старался их убедить, что такого больше не повторится. После того как люди уходили, он отправлял за дядей Мемишем меня или Мехди. Дядя Мемиш нехотя, волоча ноги приходил к нам и отец, заводя его в дальнюю комнату, вел с ним долгие разговоры. Но это был дядя Мемиш, он был не из тех, кто легко сдавался. После этих разговоров, он, как ни в чем не бывало, садился вместе с нами пить чай, хитро подмигивал нам, прячась от взора отца, слегка кивая в его сторону, исподтишка смеялся. В этот

момент моя симпатия к дяде Мемишу возрастала раз в десять, мне тогда казалось, что мы создали тайный орден и никто кроме нас об этом ордене ничего не знает. Было еще кое-что, отличавшее дядю Мемиша от деревенских жителей – это его машина марки «Виллис». Если у человека есть «Виллис», то вы себе даже представить не можете, что это значит. Особенно в зимние месяцы, когда дороги заметает снегом, и всё оказывается отрезано от большого мира, а приезжающий раз в день «Паз» застревает где то в пути, вот тогда единственным средством передвижения, которое может придти на помощь людям, оказывался «Виллис» дяди Мемиша. Когда наступала зима дядя Мемиш сиял от радости. Когда на деревню падали хлопья снега, его удовольствию не было границ. В один из таких периодов дядя Мемиш сказал:

– С неба не снег идет, а манаты, манаты!

Эти слова он произнес неспроста. В снежные зимние дни, он рано утром вывозил свой «Виллис» прямо в центр деревни и как опытный рыбак, закинувший в воду удочку, терпеливо ждал. Работающие в райцентре люди, посылая проклятия в адрес водителя автобуса и правительства, расходились. Остальные же были вынуждены обратиться к дяде Мемишу. А его «такса» всем была известна – за дорогу ценой в 30 копеек, он иногда брал, не много не мало, а целый манат.

Выражение «с неба не снег идет, а манат» превратилось в крылатую фразу и как только в деревне начинал идти снег, все друг другу говорили «кажется снова сильный манат пойдет». Помню, как отец жутко разозлился, когда впервые узнал, кому принадлежит это выражение. «Что за невоспитанный человек, в кого он такой», возмущался он.

Больше всего дядя Мемиш дружил с Мехди. Несмотря на недовольство отца, он часто брал его с собой, и даже научил держать руль своего «Виллиса». Он говорил, что Мехди похож на него, хотя, сколько я ни присматривался, особой схожести в их лицах я увидеть не смог...

Если учесть столь теплые взаимоотношения между Мехди и нашим дядей, то, безусловно, отец не ошибался в своих догадках – Мехди подготовил именно он. Иначе куда Мехди и куда «объективная реальность», «упрямый субъективный идеализм» и прочие глупости?

Теперь мы можем продолжить наш рассказ с того места, где остановились. Как я и говорил, тем вечером у отца не было настроения, он выглядел немного задумчиво и печально. Он часто заходил в дальнюю комнату к матери, а когда выходил оттуда, казался еще более взволнованным. В приоткрытую дверь маминной спальни я видел соседских женщин, обступивших мать. В тот момент в мире не было второй такой вещи, которую бы я ненавидел так, как ненавидел этих вездесущих женщин. Мне казалось, что виновниками этой тревоги и беспорядка в доме были именно они, снующие с лживой заботой туда-сюда. Было около пяти-шести часов вечера. Отец, надев свою стеганую куртку, торопливо вышел из дома. Мы с Мехди, словно сговорившись, взяли свои пальто и побежали за ним. На улице все было в снегу, была белоснежная, ясная ночь. По следам, оставленным отцом, мы, друг за дружкой, пошли в сторону дома дяди. У меня не было никаких сомнений, все происходящее говорило о том, что настало время отвезти маму в больницу. В других случаях отец отправил бы кого-нибудь из нас за дядей Мемишем. Но, в этот раз, он действовал сам, и было видно, что дело серьезное.

Словом, мы добрались до дяди Мемиша. Серый пес, привязанный во дворе, лаем сообщил о нашем прибытии. Через некоторое время дядя Мемиш высунул голову в дверь и сказал:

– Проходите, чего вы там встали?

Отец нетерпеливо ответил:

– Времени нет, быстрее выводи машину, едем!

– Куда? – дядя Мемиш вышел на крыльцо, прикрыв за собой дверь.

– Жену нужно отвезти в роддом, поторопись, говорю тебе!

Я ждал, что услышав эту новость, дядя Мемиш разволнуется еще больше отца и, сбежав по лестнице, помчится в сторону гаража. Но, не тут то было! Он стоял словно прикованный, а лицо его было совершенно расслаблено. Отец сделал несколько шагов вперед:

– Мемиш, чего ты уставился?

– Ээ..мм..я сейчас...не могу поехать.

– Что?

– Как сказать, не могу...сам знаешь...какие сейчас времена...литр бензина поднялся до пятидесяти копеек, колеса вовсе пришли в негодность.

Я не хотел верить своим ушам, если бы сейчас земля разверзлась, я бы с удовольствием провалился под землю. Я очень жалел, что не остался дома. Мехди спрятался в тени отца, словно хотел растаять и исчезнуть в ней. «ему позвоительно» – подумал я. – «он и похож на дядю Мемиша и дружит с ним тоже он».

– Ах вот оно что! – отец заговорил в очень многозначном тоне. Мне казалось, что я слышу завывание слов, бьющихся об дядю Мемиша и отскакивающих в сторону, – ты пьян?

– Ни грамма не пил!

Я думал, отец сейчас развернется и уйдет. Но он, наоборот, начал договариваться:

– Сколько манат ты хочешь?

– 25 будет достаточно

– Двадцать пять? Ты с ума сошел или как?

– Это такое дело...если бы другие были, я бы больше запросил...

– Конечно, конечно! Спасибо за уважение...

Наконец стороны пришли к соглашению. Дядя Мемиш ловким движением вывел машину из гаража и как только мы сели, разогнался на своем «Виллисе». Никогда, ни до этого ни после, я не видел дядю Мемиша водившего на такой скорости. Когда маму сажали в «Виллис», Мехди кляпча втиснулся в машину. Он в любом случае не упустил бы такую возможность прокатиться. Я молча сел рядом с ним, не оставаться же мне дома одному!

Всю дорогу ни отец ни дядя Мемиш не обмолвились и словом. Ни вой мотора, ни вздохи матери, ни неуместные реплики женщины, сопровождавшей мать, не могли отодвинуть на задний план напряжение, повисшее между нами.

Когда мы добрались до роддома, уже смеркалось. Мать увезли внутрь, положив на носилки с колесами.

Отец подошел к дяде Мемишу, потягивающему сигарету около «Виллиса» и протянул ему приготовленные 25 манат. Дядя Мемиш, как ни в чем не бывало, взяв деньги, положил их в нагрудный карман, сел в машину и уехал. Отец, некоторое время посмотрев ему вслед, подошел к нам. Мы начали расхаживать по двору роддома. Иногда, старик, разгребавший лопатой снег во дворе, с упреком говорил отцу:

– Что ты держишь этих детей на холоде? Идите домой.

Отец рассеянно посмотрел на старика. Словно не слышал его или не понимал, что он говорит. Не прошло и полчаса, издали послышался знакомый рев «Виллиса». Машина медленно подъехала и остановилась прямо около нас. Дядя высунув голову в окно, обратился к нам всем:

– Ладно, садитесь, поехали, нам тут уже делать нечего, – в его голосе были нотки веселья, не подходящие к нынешней ситуации. Немного поколебавшись, отец слегка подтолкнул нас в спину, в сторону машины:

– Вы езжайте, дети, я приеду завтра.

Мехди, а следом и я, сели в машину. Когда «Виллис» тронулся с места, дядя проворчал себе под нос:

– Черт бы его побрал, как будто сам рождает.

Покинув райцентр, «Виллис» направился к Башкечиду. Хоть дядя и хотел пару раз пошутить с нами, из этого ничего не вышло. Включив радио, начал искать свои любимые турецкие песни и ничего не найдя, выключил его и стал напевать сам.

Мы уже довольно далеко отъехали, когда он повернул голову к нам и спросил:

– Ктонибудь хочет в туалет? Смотрите, а то я только в деревне останюсь!

Мы ничего не ответили. Тогда он остановил машину и выйдя один, сказал:

– Давайте, выходите, облегчитесь, никаких остановок до самой деревни!

Мы вышли из машины. По правую сторону дороги были сплошные заросли. Кое-где была вытоптана тропинка в кусты. Мы только начали спускаться по этой тропинке, как Мехди обо что-то споткнулся. Через мгновение послышался его крик, полный радости!

– Велосипед! Дядя Мемиш, здесь велосипед!

Дядя Мемиш откликнулся недоверчивым тоном:

– О чем ты говоришь? Откуда в кустах взяться велосипеду?

– Клянусь, я говорю правду, идите, посмотрите!

Мы подошли к тому месту, где стоял Мехди. Он поставил велосипед:

– Видите?

– Что за дела! – удивленно выдохнул дядя Мемиш – причем совершенно новый. Тебе повезло, мой друг. Ну, берите велосипед, пошли. Что за дела...!

– А что, если объявится хозяин? – Мехди сделал вид, что сомневается.

Дядя Мемиш разозлился:

– Какой хозяин, чей хозяин? Ты прям как отец рассуждаешь, – потом о чем то подумав, добавил тихим голосом, – если найдется хозяин, вернешь. Не съешь же ты эту железяку!

Мы положили велосипед в машину. Всю дорогу Мехди без устали говорил о своей волшебной находке. Блеск его глаз был отчетливо виден даже в тусклом свете салона машины. Было чему радоваться, это был настоящий велосипед «Украина», к тому же новенький. Дядя болтал с Мехди...

В те времена в магазине не клеили ценников на велосипед, как это делают сейчас. На заводе его цену сразу писали на раме. Нагнувшись, я внимательно посмотрел на цену найденного велосипеда:

На нем было написано – «цена – 25 руб.»...

Авторизированный перевод

Ган Туралы

УБИЙСТВО МОЛОДОЙ ЖЕНЩИНЫ И ДЕДА МОРОЗА

Гюльгюн

Мне было три года, и поэтому я не помню многое из того, о чем рассказываю.

До Нового Года оставалось совсем немного, и мама повела меня и Гюльнуру к Деду Морозу.

Отец в то время находился в Москве.

Я рассказала Деду Морозу стихотворение «Козлик».

Дед Мороз дал мне конфетку.

Мы также сфотографировались.

Эта фотография до сих пор хранится у меня.

Мама одета в свой серый плащ, а я у нее на руках.

И сестра моя возле нас, а позади нас стоит Дед Мороз.

Одну руку он положил на плечо мамы, а другую руку на плечо сестры.

Но почему-то нет Снегурочки.

Мама сказала, чтобы мы улыбались, и я, и сестра улыбались.

Фотографию мы отправили отцу.

В ночь на праздник я поговорила с отцом.

Я ему рассказала стихотворение «Козлик».

И сестра рассказала ему о своих успехах в учебе.

Письмо отцу всегда писала сестра.

Мама диктовала ей, сестра писала.
Спустя три-четыре дня после праздника отец приехал.
Он не говорил о своем приезде.
Он постучался в дверь, и, не поцеловав нас, крикнул на маму, бросил в нее цветочную вазу.
Мы с сестрой заплакали.
Мы испугались, и тут к нам пришла наша соседка – тетя Гюльназ.
Она увела нас к себе.
Больше мы не видели маму.
И отца тоже.
Маму увезли врачи, а отца забрала полиция.
Мы остались жить у бабушки.

Дед Мороз

В годы обучения в Университете искусств я хотел сыграть роль Айдына. Это была моя самая большая мечта. Направление мне дали в театр в городе М. Я не расстроился по этому поводу. Ведь многие великие актеры вначале начинали свою профессиональную жизнь на окраинах и только после этого блистали.

Но здесь дела мои шли неважно. Не ставилось ни одного нормального спектакля. Отец главы Исполнительной Власти был драматургом. Ставили только его произведения. Он писал драмы о храбрости полиции, Карабахе, патриотизме. Мне давали незначительные роли. Я получал зарплату в размере всего лишь 150 манатов. Жил кое-как, впроголодь. Идти на свадьбы я не решался. Все свое свободное время я читал книги. В районной библиотеке уже не осталось книг, которых я не читал. Наконец, я провел в дом Интернет и стал читать по компьютеру.

В один прекрасный день я написал драму. Я показал ее режиссеру. Он прочитал ее и сказал, что мы обязательно по-

ставим ее на сцене, но только спустя некоторое время. Затем я попросил его вернуть мне рукопись драмы. Он долго искал ее, но не нашел и сказал мне, что потерял ее. Хорошо, что электронный вариант драмы сохранился у меня на компьютере. Спустя некоторое время драма была поставлена на сцене. Но автором значился отец главы Исполнительной Власти. Сначала я очень нервничал, но затем, успокоившись, не стал придавать этому значения. Хорошо еще хоть то, что главную роль дали мне. Сыграл я неплохо. Положив мне в карман сто манатов, режиссер сказал, чтобы я звонил ему, если возникнут какие-то проблемы. Я поблагодарил его.

Я не мог оплатить квартиру. Однажды режиссер позвал меня к себе. Он сказал, что получил штат охранника и дает его мне, чтобы я мог здесь же и ночевать. Я согласился и перевез сюда свои книги и компьютер. И доход мой увеличился на сто манатов.

Главный режиссер получил для всех нас одежду Деда Мороза. Он сказал, что впредь те, кто пожелает, может ходить по домам в качестве Деда Мороза. В связи с тем, что было очень мало актрис, многие Деда Морозы работали в одиночку, то есть без Снегурочки. Дед Мороз вместе со Снегурочкой получали сорок манатов, а Дед Мороз без Снегурочки – двадцать манатов. Половина этих денег отчислялась театру. За полчаса я зарабатывал десять манатов.

Затем меня направили к елке, установленной в парке. Здесь я зарабатывал 30-40 манатов в день. Я слушал стихотворения детей и развлекал их. Однажды один мужчина, приведший на елку двух своих сыновей, дал мне 50 манатов. Играть роль Деда Мороза в своем родном городе я бы постеснялся и не согласился. Но здесь, в чужом городе, меня никто не знал, кроме работников театра.

Однажды сюда пришла одна мать с двумя дочерьми. Одна из девочек была маленькой, вторая – взрослая. Они рассказали мне стихотворение, и я дал им конфеты. Их мать

тайком дала мне две упаковки. И я подарил их детям. Затем мы сфотографировались. Попрощавшись, они ушли. Малышка вся сияла от радости и счастья, и мое утреннее уныние вмиг исчезло.

Спустя четыре-пять дней после этого ко мне подошел один молодой парень с фотографией в руке. Он спросил меня, я ли это на фотографии? Это была та самая фотография, на которой были сняты я и мать с двумя дочерьми. Я подтвердил, что это я. Он достал из кармана нож и всадил его в мое сердце, сказав при этом:

– Кто ты такой, что кладешь свою руку на плечо моей жены?

Это было последнее, что я услышал. Я упал на землю. Очнулся в больнице, где пролежал целый месяц.

Наиля

Я хорошо училась в школе. Хотела стать журналисткой. Даже стихи писала, но никому их не показывала. Это был сын моего дяди (по отцу). Он был старше меня на пять лет. Они жили в деревне, а мы в городе М. В детстве мы очень много играли вместе.

Завершив обучение в школе, он уехал к своим братьям в Москву. Вернулся оттуда тогда, когда я уже училась в 11-м классе. Приехал к нам, и мы поздоровались друг с другом. Он привез много подарков. Шоколад, конфеты, колбасы... Он не протянул мне свою руку. Я подумала, что он, наверное, стесняется из-за того, что я уже повзрослела.

На следующий день мама увела меня на кухню и сказала мне, что Эльман хочет жениться на мне. Я не согласилась, сказав, что хочу учиться в университете. Мать возразила мне, сказав, что у них все равно не будет возможности оплачивать мое обучение в университете в Москве. Согласился и Эльман. Он пригласил меня на прогулку. Тогда он мне сказал,

что, несмотря на то, что он сам не учился, но не противится тому, чтобы я училась. Я усердно готовилась к экзаменам. Поступила в Московский государственный университет. Летом сыграли свадьбу, и мы вместе с ним поехали в Москву.

Университет находился очень далеко от нашего дома. Но я ежедневно посещала занятия в университете и училась хорошо. Но однажды, вернувшись домой, Эльман избил меня, сказав, что говорят – хорош тот мужчина, жена которого, посещая ежедневно занятия, не сидит с другими мужчинами. Я не сдаюсь и продолжала посещать занятия. Каждый день у нас дома были скандалы. В конце концов, мне пришлось сдать. Как иначе я могла поступить? Как я могла самостоятельно жить в чужом, большом городе?

В конце первого курса университета я уже была беременна. Написав заявление, я взяла академический отпуск. Родилась Гюльнур. Ей не было еще и трех лет, когда родился второй ребенок – Гюльгюн. Когда Гюльнур достигла школьного возраста, Эльман заявил, что он не может позволить, чтобы девочка училась в Москве. Я забрала девочек и вернулась в М. Раз в 4-5 месяца Эльман приезжал к нам на неделю или десять дней. Он своевременно присылал нам деньги.

Наконец, в тот день... Гюльнур плакала, прося, чтобы я повела ее к Деду Морозу. Маленькая Гюльгюн, еще ничего не понимающая, также присоединилась к ней. Я повела девочек в парк. Они рассказали Деду Морозу стихотворение. Приготовленные мною заранее подарки для них я тайком отдала Деду Морозу. Девочки очень обрадовались, когда Дед Мороз подарил им эти подарки. Мы сфотографировались. Дед Мороз легонько положил свою руку, в которой держал посох, мне на плечо. Снимок я заказала в двух экземплярах. Вечером дочь написала под мою диктовку письмо своему отцу, и я, положив письмо вместе с фотографией в конверт, отправила мужу, чтобы он мог порадоваться, увидев на фотографии своих дочерей. Вечером мы также поговорили с ним

по телефону. Поговорили с ним и девочки. Они рассказали отцу и про Деда Мороза.

Было третье января. Вдруг неожиданно в дверь сильно постучали. Посмотрев в дверной глазок, я увидела на пороге мужа. Он не планировал приезд. Я быстро отворила дверь. Как только дверь открылась, дети увидели его и радостно побежали к нему. Он не обратил внимания на девочек, толкнул меня, и я упала на диван. Муж был очень разгневан. Я никогда не видела его таким. Он сказал, что и в Москве не может оставаться и жить спокойно по моей вине. «Все, кто видит эту фотографию, смеются и издеваются надо мной, говоря, что Дед Мороз тискает твою жену, и если они делают это на снимке, представь себе, что они вытворяют после фотографирования». Я заплакала, умоляя его, чтобы он не придавал значения подобным дурным сплетням.

Плач детей сводил меня с ума. Столько заботиться о них, быть им и отцом, и матерью, и учительницей, а взамен всего этого их отец приезжает и творит с тобой все, что ему вздумается. Наконец, терпение мое лопнуло. Я сказала ему, что будь он хорошим мужчиной, вместо того, чтобы развлекаться в Москве с русскими девицами, был бы рядом со своими детьми. Как только я это сказала, у меня вдруг потемнело в глазах. Я упала на пол. «Убирайся отсюда вон, к своему любовнику!» Это было последнее, что я услышала. Кровь текла на ковер, который я принесла в приданое. На том же ковре я и умерла.

Эльман

Мой дядя после армейской службы остался жить в Москве. К нему сначала поехал мой старший, а потом и средний братья. Я в ту пору учился еще в школе. Мой старший брат, женившийся на дочери моего дяди, приехал в деревню.

Он сказал мне, что, когда я окончу школу, они наладят мои армейские дела с помощью денег, и я поеду к ним.

Спустя неделю после того, как мне купили военный билет за пять тысяч манатов, я поехал в Москву. В аэропорту меня встретил мой средний брат. Я должен был жить с ним, так как он был еще холост. Они торговали на рынке фруктами. Через пять-десять дней я присоединился к ним и тоже стал торговать фруктами на рынке. Мои братья закупали и привозили товар, а я его продавал. Спустя некоторое время мой брат женился на двоюродной сестре по матери. Я остался жить один. Прошло два-три года, и моя мать сообщила мне, что они хотят сосватать для меня дочь моего дяди по отцу – Наилю. Я согласился. Наиля росла и выросла у меня на глазах. Здесь у меня была одна девушка, которая помогала мне также на рынке. Мы с ней встречались, но жениться на ней я вовсе не собирался. Она была для меня развлечением, и только.

Когда я в последний раз видел Наилю, она была еще маленькой девочкой. Теперь же она повзрослела и очень хорошеела. Она говорила, что хочет учиться. У меня не оставалось иного выхода, и я сказал ей, чтобы она поступала в Московский университет и училась там. Она так и сделала, сдала экзамен и поступила в университет. Однако мои братья и товарищи на рынке надоедали мне. Они постоянно шушукались между собой обо мне и издевательски смеялись надо мной. Они говорили, что девушки в университетах занимаются любовью в пустых аудиториях, и парни водят их в их общежитие для любовных утех. Я не мог вынести этих насмешек. Несколько раз, бросив работу, я шел за ней в университет. Она была одна. Садилась в автобус. Я следил за ней целую неделю. Один-два раза я попадался ей на глаза и оправдывался перед ней тем, что у меня в этом районе были кое-какие дела. Я хотел, чтобы она беспокоилась, была на-

стороже и знала, что я слежу за ней, и чтобы она больше ни о чем, кроме учебы, не думала.

В один прекрасный день после работы мы с друзьями отправились немного развлечься. Купив в магазине 3 бутылки водки, мы зашли в кафе «Шеки». Там мы достаточно много выпили. Веселье было в полном разгаре. В самом конце мой сосед по торговле на рынке сказал мне, что хочет пораньше закончить работу и поехать в университет, якобы для того, чтобы подцепить одну их хорошеньких студенток. Он даже толком по-русски говорить не мог и не собирался никого подцеплять, это была явная подковырка в мой адрес. Схватив бутылку со стола, я ударил его по голове. Между нами завязалась драка. Нас успокоили и разняли. Не желая ни минуты больше там оставаться, я отправился домой. Я наказал Наиле, чтобы она впредь не посещала занятий в университете и сидела дома. Наиля заплакала, но я настоял на своем и для того, чтобы показать ей свою решительность и категоричность, ударил ее пару раз. 2-3 месяца я мучил ее, но не бил слишком сильно и много, так как она была беременна, и я боялся, что это навредит ребенку. Она вышла в декретный отпуск, и я не пустил ее больше на занятия. Родился наш первенец. Наиля дала нашей дочери имя Гюльнур. Мне понравилось это имя, и я согласился.

Вслед за Гюльнур родилась и Гюльгюн. Когда Гюльнур исполнилось шесть лет, я сказал Наиле, что не хочу, чтобы моя дочь училась в Москве, и чтобы она возвращалась вместе с детьми в Азербайджан. К тому времени я накопил немного денег и купил им дом в городе М.

Часто я ездил к ним, ежемесячно посылал им по 500 долларов. Однажды в течение 2-3 дней мы переговаривались по телефону. Я хотел поехать к ним накануне Нового Года, но у меня никак не получалось. Отослал детям на праздники 300 долларов. А они написали мне письмо, в котором прислали и свою фотографию с Дедом Морозом. На фотографии я

вначале не заметил ничего странного. Рука Деда Мороза, держащая посох, слегка касалась плеча моей жены, а другую руку он положил на плечо моей дочки Гюльнур.

Фотографию я повесил над своим столом. Спустя пять-шесть дней весь рынок стал сплетничать об этом снимке. И для того, чтобы позлить меня, они называли меня Дедом Морозом. Один из них даже выдумал, что Дед Мороз работает учителем в школе и является любовником Наили. Якобы кто-то видел, как они вместе выходили из дома. Вначале я не придавал этому значения. Но эта ситуация продолжалась недолго. Не сказав ни слова своим братьям, я сел в самолет и приехал в город М.

Сначала я отправился в парк и нашел того самого Деда Мороза. Показав ему фотографию, я спросил, он ли на этом снимке? Услышав утвердительный ответ, я достал из кармана нож и вонзил его прямо ему в сердце. Затем, пойдя домой, ударил ножом и Наилю. Положив нож в карман, я отправился с повинной в полицию. Мои братья потратили огромные деньги, чтобы мне не дали пожизненного срока. Мне дали 15 лет тюремного заключения. В прошлый раз, позвонив домой, я попросил маму привезти детей на свидание со мной. Девочки отказались встречаться со мной. Гюльгюн исполнилось 15, а Гюльнур – 18 лет...

Перевел Этимад Башкечид

ПЕРВИН

Я... СОН... РАЙ...

Посвящается Ульви

Знаешь что случилось?

Мне казалось будто сплю... А оказалось, что умер я... На том свете предстал перед Ангелами и отвечаю за свои деяния. Не могу выразить словами, какие чувства переживал я в тот момент... Когда говорим о вопросах и ответах, тот же час вспоминаем о земных испытаниях разного рода. Однако, волнение студента перед экзаменом, молодой матери перед приближающимися родами, первоклассника, переступающего впервые порог школы ничто по сравнению с тем, что испытывал в этот момент я... И плечи мои отяжелели в этот миг... На каждом из них сидел по Ангелу... Я боялся смотреть на Ангела на левом плече... Как и при жизни я и тут пустил в ход свою улыбку и показал мои 32 зуба, которые могли бы згрызть камень. Будто всю жизнь на моем лице не было ничего кроме как этой улыбки... Но здесь это не прошло... Ангел был словно каменным. Хоть вспомнил бы, сколько лет я таскал его на плече...

Вся надежда была на Ангела на правом плече... Увидев его искренний взгляд, я несколько осмелел... Еле слышным голосом спросил я «когда произойдет?» Ангел обсалютно хладнокровно ответил: «Не будет...». Его ответ еще больше

напугал и насторожил меня... Когда я подумал о том, что отправлюсь в ад даже без расспросов, то спрятав голову между плечами опустился на пол... Я попытался вспомнить мою короткую жизнь в 21 год... Однако не мог вспомнить ничего такого, что могло бы сойти за мой грех... Я хотел задать Ангелу множество, возможно, бессмысленных вопросов, какие могут задавать только дети, начинающие познавать окружающий мир...

«Почему? Ведь за свою недолгую жизнь не познал я даже взлеты и падения этой жизни, не совершил ни единого греха. За что же меня отправляют в ад, и к тому же без спросу?» – удивленно сказал я. Опасаясь, что от такого волнения я прямо здесь могу испустить дух, Ангел торопливо, но мягким голосом ответил: «Тебя без никаких расспросов отправляем в Рай, а не в ад...» Услышав эти слова, уже умершее мое сердце, безжизненные руки, безчувственные пальцы, бесцветные губы стали дрожать... Я не мог поверить своим ушам... И кто мог поверить такому?

Ангел так стал объяснять сказанное им: «Вся грязь, сливаемая людьми друг на друга, их предательство, лживость и лицемерие порядком надоели и тем кто на небесах... Поэтому мы придумали новый порядок... Тех, кто хочет сделать мир прекраснее, и кто способен на это, мы без всяких расспросов отправляем в рай... Ты пережил сам и дал жизнь самому прекрасному чувству любви, которое дано человеку. Поэтому, пожалуйста, проходи. Врата Рая открыты перед тобой... А я ознакомлю тебя со здешними порядками...»

Именно в этот момент я, повернувшись, посмотрел на левое плечо, оно было пусто... Мне чуточку стало спокойнее... Я вступил в Рай...

Невозможно описать красоту тех безукоризненных и невероятно красочных цветов, которые мы могли бы видеть разве что во сне... Земные красоты по сравнению с этими казались жалкой песчинкой... Мои глаза-эстеты с жадностью

взирали на эти красоты... Все было таким нежным, что не хотелось даже трогать их рукой... Мои ноздри и легкие наполнились таким ароматом, который не смог бы создать даже сам Евес Саинт Лаурентин... Теперь я понял почему священные книги писали, что жизнь после смерти прекрасна чем земная... Оказывается не надо было бояться смерти... Конечно это относится к тем людям, которые проживают свою жизнь безгрешно и с чистой, светлой любовью... Я гулял! Ноги мои плыли по воздуху, я парил... Подняв голову вверх, я удивился! На белоснежном небе Рая не было ни звезд, ни облаков, ни солнца, ни луны... В душе моей промелькнуло желание: Стал бы я Одинокой Звездой на небе Рая... Ангел мой тотчас прочитал то, что было в душе моей... Он смотрел мне в лицо глазами моей матери... Когда я внимательно всмотрелся в его глаза, то понял как велико мое желание Вернуться... В Раю невозможно всплакнуть.. Однако, мне хотелось...

Ангел увидев мою грусть, чтоб порадовать меня исполнил мое желание. Превратил меня в звезду... В единственную Одинокую Звезду, сияющую на небе Рая. Оттуда, с очень большой высоты я еще яснее видел всё: красоту Рая, земную грязь и земные красоты, которые утопают в этой грязи... Это стало давить на меня... Снова я спустился с Неба в Рай... Я не мог смотреть в лицо и глаза Ангелу... Чем больше я видел глаза матери, тем больше было мое желание рыдать и я еле сдерживал себя...

Чтобы развеять мои мысли Ангел начал оживлять перед моими глазами самые светлые страницы моей жизни заново... Эта была книга из четырех страниц... Каждая страница состояла из одной буквы твоего имени... Я начал рассказывать ему о страницах, которые он показывал мне: «Наше единство было похоже на строительство стены. Камни ставились рядышком, потом на стык этих камней сверху ставился третий камень, и вот так продолжалось всё до конца,

взаимодополняя друг друга. Если строить иначе, то она обрушится. Я никак не мог объяснить столько совпадений... Может быть, как миллионы лет тому назад существовали двуглавые чудища, так же были и люди с двумя туловищами и одной головой? И мы соединяли сейчас два туловища одной головой. Может быть, в то время как у других мозг состоит из двух полушарий, у нас же с ним один мозг на двоих. Когда у всех сердце состоит из четырех камер, у нас же было одно сердце на двоих, у каждого по две камеры... Может я был частицей, оторвавшейся от Его волос... Может в тот момент, когда мы родились было недостаточно Душ, и Всевышний в безвыходной ситуации создал нас обоих из одной души... Много таких «может быть» у меня в голове... Как я могу спросить все это у него..?»

– «Не можешь спросить... Всё это тайна небес...» – ответил Ангел.

Его ответ не обидел меня... Мои мысли уже не были в Раю. По мере того, как я беседовал, стал ясно осознавать, что жить с Тобой – это безумно красиво... Я поднял голову и оглянулся по сторонам... Я В РАЮ... Но я обещал, что «Я подарю тебе Рай на земле...» Но я умер... А тебе я там оставил целый мир ада...

О Господи! Я не мог поверить. Слезы в Раю... В конце концов слёзы, не помещаясь в мои глаза, потекли по щекам...

Я посмотрел на своего Ангела... Стал умолять его: «Мама, мама, мама... Умоляю, мама...» Стал целовать руки Ангелу... «Позволь вернуться мне назад... Позволь вернуться и жить там на земле в аду... Но быть рядом с ней... Я обещал ей... Отпусти пожалуйста... Мама, умоляю тебя... Отпусти, дай мне уйти...» Ангел мой вытирал мои слёзы и гладил волосы... А я же не обращая никакого внимания на это, встал перед ней на колени, и как трёхлетний ребёнок не останавливаясь, плакал... Не выдержав мои слёзы Ангел дрожащим голосом заговорил: «Ты в Раю... Для человека лучшего

и красивого конца не бывает, это почетный конец... Хочешь вернуться... Для тебя нет запрета... Ты можешь вернуться на землю когда захочешь... Подумай!» То счастье и блаженство, которое я испытал после этих слов не возможно пережить на земле... Этому чувству нет названия в нашем языке... Не думая даже ни секунды, я громко крикнул: «Я отказываюсь от Рая... Возвращаюсь... Чтобы дать возможность Ей почувствовать себя в Раю...»

Ангел мой был рад тому, что создал меня таким любящим... И у него на глазах появились слезы радости. Он обличил меня с ног до головы в белое одеяние... На светлом небе Рая показались Солнце, Луна и Звёзды... От всех этих благ, которыми одарил безвозмездно меня мой Ангел, душа моя озарялась светом...

...Прослезившись, он указал мне путь... Это была лестница, ведущая на землю... Я начал спускаться к Тебе...

Я покидал Рай, о котором все только и мечтают... Но я был счастлив... Раскрой шире свои объятия, Родная... Прими дар Любви, снипосланный тебе с небес..! Не ЗАБЫВАЙ про мои белые цветы!

Перевел Кямран Гаджиев

Джавид Зейналлы

ТВОРЧЕСКИЕ КАНИКУЛЫ В ПЕЩЕРЕ

Если эти проклятые, длинные зимние ночи подошли к концу, можете не беспокоиться, смерть меня не одолеет. Не заскулишь ли как собака от скуки, конечно же, заскулишь! Вдобавок к этому, это одиночество; с ума можно сойти. Если не поделиться своими эмоциями по телефону с какой-нибудь женщиной, тоскливая ночь превратится на твоих глазах в ядовитую горечь.

Двухманатные контуры¹ я расходовал на разговоры с одинокими студентками, но и это, оказывается, недоедало. И сам не спи до утра, и не давай сомкнуть глаз своим детям – воробушкам, жаждущим мужского дыхания между стенами этой тесной комнатенки, снятой в аренду! Ох уж эти чисто-голосые, непорочные девушки!!!

Бедняжки, так много среди них таких, которым не повезло в жизни. С детства многие из них испытывали недостаток в приятных словах и не слышали приятных комплиментов! В крайнем случае, вечером, в чайхане я прошу друга по студенческой скамье, играющего в нарды:

– Я тебя очень прошу, дай мне телефон какой-нибудь девушки, в противном случае, я умру от скуки, как волк, оставшийся в полном одиночестве. А как же, если под каким-

¹ Контур (разг.) – так в Азербайджане называют денежные кредитные карты для мобильного телефона.

нибудь предлогом не уйдешь оттуда, тебя назовут невезучим, негодяем...

– Хотите, чтобы я не беспокоил больше вас. Клянусь Аллахом, я вполне серьезно говорю.

– ...

– Скука – это нехорошая вещь, одиночество ужасно.

Она:

– Вы кто по профессии?

– Писатель.

– Писатель? – она не может скрыть своего восхищения.

– Скажите честно, я никогда не думала о том, что когда-нибудь встречу с писателем.

Спустя всего лишь два дня, на скамье, в наиболее отдаленном уголке парка вкус ее губ впитывается в мой мозг и, легонько сжимая рукой ее груди, я шепчу ей на ухо:

– Иметь такую читательницу и такую любовницу – это награда моей жизни.

(Чушь какая-то!)

Одна девушка, две девушки. Третья бедняжка, седьмая – несчастная... Деньги улетучиваются, жизненный уровень идет в расход, но что толку от этого?! Множество воспоминаний стариков с трясущимися головами о том, о чем они будут сожалеть в будущем, вот и все! Умный человек не станет унижать себя этими воспоминаниями, клянусь нашей бедностью!

Хоть волком вой: «Я уже сыт по горло от чтения книг в эти длинные, тоскливые зимние ночи, писать надоело вообще, от газет у меня мурашки по телу бегут, затем я набрасываюсь на семечки подсолнуха, словно крыса... Должны же мои уши слышать хоть какой-нибудь женский голос, или нет?!»

Место, где мы познакомились, метро. Вот так: спускаюсь по лестнице, обувь застряла в «пасти» эскалатора, когда поднялся переполох, я выскочил вперед и вытащил ее обувь из «пасти дракона». Наши шаги спариваются, пружинистые двери остаются позади нас. Смущение на лице исчезло, я пытаюсь убедить себя: она благодарна небесам за меня. Из первого же киоска, попавшегося мне на пути, я покупаю клей, Наргиз не верит своим глазам. Я показываю знаком на ее обуви: ну, снимай же, не тяни; какая уж там фамильярность, прямо как давние друзья. Кажется, ей это нравится. В ее глазах тысяча знаков влюбленности.

Наргиз снимает квартиру в плоском доме дворовой системы. Двор, величиной с ладонь, полуразрушенный квартал Самiry. Вдобавок ко всему этому, ворчливая хозяйка квартиры, болтовня женщин, через день прядущих шерсть для Сабунчинского рынка... В ту ночь, едва втиснувшись в низкую дверь того двора, тихо, по-воровски я стал подниматься по полуразрушенной лестнице. Поднявшись, я положил букет нарциссов у окна девушки. С той поры одна девушка влюбилась в одного парня, который был тысячу раз благодарен судьбе и готов был сойти с ума от радости. С той поры улицы города, деревья, люди стали свидетелями звука шагов этой девушки и парня, свидетелями сердечных тайн этой влюбленной пары. Девушка надевала свое самое красивое платье на свидание с парнем, слушала печальные песни в эти тоскливые ночи, плакала, прижав к себе подушку. В весенние ночи парень отравлял сигаретой свои внутренности, успокаивая себя всякой писаниной. Стал нервным, много переживал, разве можно спрятать вспылчивость, придирчивость?

Быть писателем тоже нелегко, как многим кажется. Клянусь своей честью, как только в твою голову приходит

какая-нибудь идея, я становлюсь вроде неистового бродяги: например, в мечтах я витаю в облаках на седьмом небе, разговариваю сам с собой, а иногда бывает и такое, что я смеюсь в метро над самим собой. Бывает и такое: девушки ухмыляются, а сморщившиеся старушки вот-вот готовы расплакаться и запричитать обо мне на тему «бедный-бедный сиротинушка». Одно время я вообще не знал, как быть. Дело в том, что из-за отсутствия средств моей матери пришлось немного туго. И в какую газету я ни отправлял свои статьи, везде меня расхваливали вовсю.

Но когда дело дошло до гонорара, всех их словно ветром сдуло. Видя такой исход дела, мне пришлось плюнуть на это занятие.

И из-за того, что я предал свою профессию, мне пришлось потом долго сожалеть по этому поводу, но что толку от этого, мужчины, радеющие за слово, на каждом культурном мероприятии оплевывали мою тень, порядочные домашние поэтессы, заказывающие пиццу на вечерних свиданиях, видя мою противную физиономию, надували свои губы.

От беспокойства, которое я увидел в глазах Наргиз в сладкую ноябрьскую субботу, честно скажу, мне стало как-то не по себе, я был удручен этим. Я не хочу долго морочить вам голову, помню лишь то, что какой-то сукин сын среди их родственников хотел сосватать Наргиз. Тут дело в другом: мне уже надоело жить в общежитии, как таракану. Хотел жениться.

Я недавно нашел себе работу, и, хотя зарплата у меня и маленькая, я был доволен; по окончании работы в редакции, после шести часов, я занимался переводами, в субботу-воскресенье встречался и беседовал с семьями забытых писателей, а когда попадались темы, которые были мне по нраву,

я затушевывал тематические статьи. Вдобавок ко всему этому, я нашел время для того, чтобы завершить роман «Творческие каникулы в пещере», над которым работаю уже более трех лет.

О, Аллах, как я был счастлив! Как говорят писатели со стажем, я спал с мыслями о своих героях, дышал предложениями, написанными мною с огромной любовью. Подобно тому, какие чувства переживает человек, глядя в глаза своему родному дитяти, так же радовался я каждому предложению своего произведения, над которым трепетал, словно листок мяты, тысячу раз, миллион раз благодарил Господа. В середине ночи порой я включал диктофон, читал громким голосом одну из больших частей романа, а затем слушал и слушал, не уставая делать это вновь и вновь.

Дело в том, что я должен был как можно скорее послать к Наргиз своих сватов. Кроме того, поторговавшись с администратором ресторана, я должен был сбить цены в меню, а затем заказать для меня костюм жениха, а для Наргиз – свадебное платье. Когда я вспоминаю те дни, у меня на душе тошно становится. Завершив поскорее перевод книги по заказу издательства, я собирался получить гонорар и расплатиться за расходы моего сватовства.

Иногда, не засыпая до утра, постукивая по клавиатуре компьютера, я ругал себя, на чем свет стоит. Перевод был завершен, сваты выпили свой сладкий чай¹, пожав друг другу руки, и, когда на февральском небе закружились снежинки, я со своей любимой, уединившись в дальнем углу «Чудо-печки», составляли список приглашенных, готовились к свадьбе.

Эти незабываемые февральские вечера потому мне так дороги, что два беспокойных человека, сердца которых были переполнены мечтами, выбивались из сил для того, чтобы

¹ Азербайджанский народный обычай: при сватовстве в знак согласия гостям подают сладкий чай.

увидеть новую весну. Эта весна принесла нам беду, наши мечты не сбылись. Я раз и навсегда запомнил: все случилось из-за моего слабоумия, чванства, из-за моего беспутства.

Я чрезмерно устал, хотел уйти прочь из этого города, от его шума. После праздника Новруз один из моих студенческих друзей, работающий учителем истории в отдаленной горной деревне, прислал мне весточку: «Приезжайте к нам, вся деревня утопает в цветах». Другьям-тунеядцам, попивающим по вечерам светлый чай¹ и коротающим время за игрой в нарды, только и нужно было услышать об этом. Собрали деньги на дорогу и договорились о поездке туда. В меня словно бес вселился, и я не знаю, как это произошло, но сказав «подождите и меня», я бросил и работу, и Наргиз, и отправился с ними в путь.

Отключив телефон, я ежедневно пил, кричал на всю долину, пел песни, а затем, отключившись от всего окружающего, любил немного вздремнуть. Погуляв и повеселившись в течение недели, я в подвыпившем состоянии пришел на работу, и, вместо того, чтобы смиренно выслушать упреки начальства, обругал его, а затем прямо в редакции швырнул книгами в кое-кого, которые давно были противны мне. До свидания, мой рабочий стол, предоставивший мне покой и удобства спустя долгие годы безработицы, до свидания, моя родная редакция! Горе тому, кого выгоняют с работы!

Потеряв совсем голову, я бродяжничал с пещерной пустотой внутри. Наргиз я кое-как успокоил (видели бы вы безнадежность в ее глазах), доказывая ей свою любовь всеми правдами и неправдами: все будет хорошо, не переживай так. Не перестаю мечтать: после свадьбы с ясной головой еще раз

¹ Светлый чай – слабо заваренный чай.

откорректировав свой роман, сдам его в печать. Искать работу бесполезно, все только и делают, что обещают, в действительности же ничего нормального не делают. Свадебными расходами я сыт по горло, нет больше никого, у кого можно было бы одолжить. Надо что-то делать. Что-о-о?!

Откуда мне в голову пришла глупая идея, как это случилось? Вначале я смеялся над своей наивностью, затем меня охватил ужас. А если честно, порядочно выпив в ту ночь, я спустился в интернет-клуб с тем, чтобы пообщаться в фейсбуке, проветрив тем самым свои мозги. Внезапно в мою душу вселился бес, и после того, как мои пальцы пробежались по клавиатуре во второй раз, этот проклятый статус вонзился в мое сердце.

Я писал: «Дорогие друзья, коллеги! Это мое решение может показаться вам странным. Кто-то может упрекнуть меня в скептицизме и подозрительности, как в несерьезном шаге, за то, что я прибегнул к дешевому средству рекламы. Жизнь заставляет человека делать все. Все те, кто со мной знаком, знают, что я помолвлен, и в ближайшем будущем собираюсь жениться. По своей же вине я был уволен с работы, и я готов на все ради того, чтобы расплатиться за расходы на свадьбу. Я долго думал и, наконец, принял решение продать ... свой роман. Да, вы правильно прочитали, я решил продать свой роман «Творческие каникулы в пещере», над которым работал более трех лет и из-за которого потерял свет своих глаз. Роман отвечает всем требованиям современной издательской технологии. Главное – колоритный азербайджанский язык, соответствующий вкусу читателей всех слоев населения, с острой сюжетной линией, виртуальной любовью; трагедия провинциальных людей, проживающих в городе... Объем – примерно 300 страниц, цена – согласно договоренности».

Не прошло и пяти минут, в инбокс пришло письмо от незнакомого мне человека: «Здравствуйте, я прочел все напи-

санное вами. Если можно, пожалуйста, уберите скорее этот статус, в течение получаса встретимся и сообща решим ваш вопрос». Неизвестный знакомый по фейсбуку сообщил свой номер телефона, вдобавок ко всему этому, написал: «Жду вашего звонка. Не забудьте переписать роман на флеш-карту».

Позвонив там же, в клубе и назначив место встречи, мы попрощались друг с другом.

Когда я издали увидел человека, машущего мне рукой, у меня кольнуло в груди. Откуда-то я его знал, если мне не изменяет мое предположение, я встречался с ним на каком-то мероприятии. Поздоровавшись и справившись о здоровье друг друга, мы сели в машину, всю дорогу он расхваливал меня, а затем, увидев мое состояние, заговорил о том, что хочет есть.

– Дайте роман, и если, действительно, он таков, как вы о нем говорите, о цене мы договоримся, хотя я верю вашему слову, вы плохого не напишете. И учитель так сказал.

– Какой учитель?

– Давайте об этом поговорим позже. Я помощник учителя.

– Не говоря ничего, я протянул ему флеш-карту, обменявшись рукопожатием, мы расстались.

– Говоря между нами, в ту ночь я натянул одеяло на голову, вдоволь наплакался, и молил Аллаха о том, чтобы эта сделка не состоялась; кем бы ни был этот учитель, постарайся так, чтобы он отказался от своей идеи купить роман.

Спустя два дня с того же номера мне поступил повторный звонок: давай встретимся.

– Учителю очень понравился ваш роман, и я пришел договориться о цене.

Кто же такой этот учитель, для чего нужен ему мой роман?

– ...

– ...

– Мы беседуем друг с другом по-мужски, ведь так?

– Ко-о-онечно.

– Пожалуйста, это предназначается вам. – Он протянул мне конверт.

– Сосчитайте, здесь три тысячи. Учитель планирует издавать роман за границей. Не беспокойтесь, здесь об этом никто ничего не узнает. Возможно, что роман выйдет под его именем, или... он говорит, еще посмотрим, у него есть друг, может быть, он подарит роман ему. Будьте так любезны, распишитесь здесь.

С затуманенной головой я взялся подписывать бумагу, а тем временем я расскажу вам, о ком бы вы думали, об этом писателе. На самом деле, я мог бы придумать ему имя, например, Гарын Гулиев. Но это, конечно же, было бы не совсем складно и не к месту. Да, другое дело, что я не называю его настоящего имени; очень просто: кишка тонка для этого, вот и все! Когда-то он вел передачи по телевидению, был очень знаменит, а теперь, говорят, что единственным человеком, привезшим в 90-х годах короткий галстук из Европы и сделавшим его модным у нас, был он. Но там, где разговор шел о серьезной литературе, его имя не произносилось. А если и произносилось, то так себе: в его произведениях нет жизни, они состоят из фальшивых отрывков!

В период распада Советского Союза наш герой, решивший написать роман о наших пророках, отправился в творческую поездку в одну из пещер Аравии, но позже стало известно, что, оставив одну тему, он перешел на другую: сюжетную линию повести, украденной из Эскимосских легенд, завершил там же, в пещере. И то, что он не был принят как серьезный писатель, превратило его впоследствии в мешок с ядом.

Например, его секретарша рассказывала, что когда она вошла в его кабинет, то увидела, что, бросив под ноги книгу одного из молодых поэтов, критиковавших его, учитель

справлял свою нужду на его книгу: пышшш... А вот еще, наши газеты были сыты по горло его выходками: сколько можно надоедать и докучать народу, ведя собеседование с самим собой?! Но следует отметить и то, что учитель давал банкеты молодым, возил их с собой в поездки по районам, а иногда, будучи в хорошем расположении духа, даже давал им деньги на развлечения. По-моему, последнее стоит поддерживать бурными аплодисментами.

На свадьбу я пригласил и этого грандиозного писателя! С одной стороны, я, конечно же, чрезмерно был рад. Сколько недостающего у нас было, мы все разместили по своим местам. В самом начале Наргиз говорила, мол, не делай этого, ты будешь жалеть о том, что продал роман, и все равно, рано или поздно, это станет предметом гласности: к тому же, я боюсь, что последствия этого будут нехорошими. С другой стороны, я словно горел изнутри. В течение дня я много думал и переживал, нервы мои были напряжены до предела, рука бы моя отсохла, когда я взял эти деньги и поставил свою подпись (я даже не знал, что я подписал!)

Несколько ночей подряд мне снились одни кошмары, я часто вздрагивал и пугался. Я не знал, что боль и разлука с каким-то паршивым романом будут столь невыносимыми и тяжелыми. Этому паршивому, как я сказал, роману, я отдал все свое время, всю свою душу, клянусь вам! Незадолго до свадьбы, напившись, я хотел позвонить учителю и обругать его, на чем свет стоит. Еле сдержался, затем, наплакавшись вдоволь, одним залпом выпил оставшуюся половину бутылки. Я почти сошел с ума, все вокруг ненавидел и презирал, все вокруг казалось мне серым и грязным, однотонным, бессмысленным, враждебным по отношению ко мне. В ту ночь я не смог выяснить одного, только одного: видел это я

во сне или же в самом деле звонил тому парню, который передал мне эти деньги?

«Этому подлецу, врагу литературы скажи, жи, жи, жи... заклинаю тебя Аллахом, и пусть собакой сторожевой буду в твоём дворе и выть буду аауу-уу, гав-гааавв, переписи роман на диск, аау-уу, вложи его вместо денег в конверт, брось в ящик и уходи прочь оттуда! Я молод, и у меня была нужда в деньгах, которые ты прислал. Я вынужден был затеять это дело и теперь сожалею об этом, не могу простить себя, жизнь моя превратилась в отраву; клянусь Аллахом, я верну тебе эти три тысячи, верну, пожалуйста, будь снисходителен и хоть раз в жизни окажи помощь, сделай доброе дело, поддержи хотя бы одного молодого человека!!!»

Взяв Наргиз под руку и, под бурные аплодисменты приглашенных гостей, войдя через двери ресторана, я стал искать взглядом учителя. Он пришел, пришел, пришел! Выступил, очень хвалил меня, даже станцевал, показывая всем свою галантность. О Всевышний, как он смотрелся, словно это было явление апостола! И в ту же ночь я понял, что это был не со-о-он, в ту но-о-очь я...

Из ящика, на котором было написано «Дом жениха», вышел конверт без надписи, а внутри него был рисунок, с изображением кукиша.

Перевел Этимад Башкечид

Мубариз Орен

РЫБИЙ СМЕХ

Если спросить его возраст, одну руку он раскроет полностью, а на другой – лишь один палец...

Проснувшись, он неподвижно смотрел в потолок. Словно устал от того, что спал, и ленился поднять руку и отогнать муху, кружившуюся над вспотевшей головой. Вся спина горела от жары, все тело вспотело, словно вся жара мира сконцентрировалась под его спиной. Он вскочил с постели, и из-под него высвободилась куча тепла... Вытерев ладонью пот со лба и шеи, размазал по голому торсу.

Он прошелся по комнатам. Матери дома не было. Раздвинув дверную занавеску, посмотрел на улицу, – двор был абсолютно пуст. Верхушка кроны тутовника, склонившегося в сторону белоцветной акации, была полна скворцами...

«Наверное, ушла на прополку, – подумал он, – но почему не разбудила его?» Когда она уходила в поле, то обязательно будила его, кормила и поила чаем, – «будь умницей, говорила, сиди дома, никуда не выходи... ведь ты – мужчина в доме». Потом она обязательно целовала его в обе щеки и выходила из дома. Надевала поверх своих черных полосатых брюк юбку, белую рубашку с длинными рукавами, покрывала голову платком, – только глаза были видны, она прощалась с ним глазами и уходила с мотыгой на плече. По ту сторону от тополя, прямо перед хлебопекарней, ее ожидал

трактор с полным лафетом шумных, звонко смеющихся девушек...

Присев на корточки, сел прямо у двери...

Странный какой-то день. Во-первых, не было видно Бахти (Они были соседями с Бахти). В другое время тысячу раз проезжал мимо их двери на своем двухколесном велосипеде. Во-вторых, действительно, странно, не было солнца. Всегда восходившее с одного и того же места, из-за изгороди тети Гюлян солнце отсутствовало, несмотря на то, что небо было ясным и безоблачным... Он обязательно должен был встать и найти солнце. Скворцы кишели на тутовнике. Птицы заполнили небо. Жаль, что у него не было рогатки. Жаль, что он был не таким большим, как Бахти... Нагнувшись, он поднял с земли камень и бросил его в сторону скворцов. Камень едва долетел до тазика возле бассейна. На звук громкого стука камня об тазик скворцы взлетели с кроны тутовника, унося с собой свой шум. От них осталось лишь одно дуновение ветра, и солнце, улыбнувшееся ему из-за зеленых, тесно распутившихся листьев, – только теперь он и успокоился.

Выйдя из-под тени тутовника, подпрыгивая на одной ноге, он вернулся и надел тапочки; земля, перегретая от солнечной жары, печет ноги. Самое удобное место во время жары – это сад. Из-за того, что зимой и летом туда течет вода из бассейна, там образовалась большая лужа, покрытая лягушачьим налетом, – ее окрестности влажны и покрыты зеленью... Пригнувшись, он палкой расшевелил водную гладь, – до того момента, как увидел бородавчатую лягушку, глядевшую на него между камней бассейна, покрытых зеленым мхом...

Туалет находится в самом конце огорода, – один он боится туда идти. Поэтому направился в сторону грядок фасоли. Стянув с себя короткие штаны, присел, опершись локтями в колени, обхватил лицо ладонями рук; так было удобно. «Мать ежедневно уходит куда-то на прополку, дума-

ет он, – а свой огород зарос травой». Грядка затерялась среди сорняков и травы. Куст помидора согнулся под тяжестью разросшегося вьюнка и пырея. Высохший и оторванный от всего корня огуречный куст с новым рвением взбирается на изгородь и ищет там спасения. Застарелый бессмертник с семенами на концах находился почти у самого его носа, – он захотел сорвать его, но огрубевшее растение вырвалось вместе с корнем и почвой. «Бахти, сынок, – молит его каждый день мать, – когда поливаете свой огород, будь добр, направь воды и в наш тоже. – От жары и засухи гибнут наши посеы и деревья»...

«...будь добр, говорит, направь воду и к нам, пожалуйста».

И еще: «Бахти, сынок, и за братцем приглядывай»...

Тень от куста фасоли не дает прохлады, – от духоты на лбу выступили капельки пота, – вместо этого грубые и волосистые листья фасоли обжигают все тело. Сердитый комар, севший на землю, своим писком не дает спокойно посидеть. Он встал на ноги. Поскорей бы повзрослеть и вырасти. Как Бахти... Он не разрешил бы матери идти на прополку. Бедняжка, по ночам стонет, потирая ноги, – «О, Аллах, оо-ой, не мои это ноги, не мои. Это какие-то пни, а не ноги...», – ворочается она в постели до самого утра. Вырасти бы поскорее и самому работать, – думал он, не зная даже, что это за работа. – Он нашел бы, зарабатывал и приносил бы домой заработок... Ведь он был мужчиной в доме.

Почему он был мужчиной в доме, – причину этого мать никогда не называла, а он сам и не спрашивал, почему у него нет отца. Куда он уехал?.. Но он вернется однажды! Он верит в это! По ту сторону тополя, перед хлебопекарней, он сойдет с машины. Раскрыв свои объятья, он будет ждать его. В одной руке у него будет чемодан, – он не может представить себе отца без чемодана, – а подмышкой у него будет легкий

серый пиджак. А он подбежит к отцу и повиснет на его шее...

Странный какой-то сегодня день. Каждое утро он несет из курятника полную чашку зерна и разбрасывает его в тени тутовника, – «цып-цып, цы-ып-цып-цып...» – со всех концов двора сбегаются куры и начинают жадно клевать зерно. Но теперь почти все зерно лежит на земле. От жары куры попрятались на инжирном дереве, на чердаке курятника. Ему не нравится инжирное дерево. Как под фасолью, так и под инжирным деревом всегда душно. И листья у него жесткие и волосистые. Но он любит играть в одиночку позади курятника; из-за того, что куры все время там копаются, почва там мягкая, словно пепел. Эх... однажды он едва не нашел там глиняный кувшин, полный золота. По мере того, как он копал почву, из-под нее доносился какой-то глухой звук. «Это кувшин, – подумал он, – кувшин с золотом!» Он выкопал достаточно большое место, повредив ногти на пальцах... И что же он нашел? Старый резиновый кувшин для подмывания! Жаль. Но думал, что было бы очень здорово, если бы до возвращения отца он нашел пока хотя бы один кувшин! Полный доверху! Набитый золотом! Интересно, купила бы в этом случае ему мать велосипед или нет? Как у Бахти, большой, – если бы даже он не мог, доставать ногой педали. – Двухколесный!

Сильно заскучал, ему вдруг захотелось видеть мать. Раздвинув старую изгородь, вышел на улицу; бывает, что иногда мать пораньше приходит с работы. «Довгу моему сыночку», – вчера она пришла очень рано, держа подмышкой узелок...

И улица совсем пуста, и на улице, как назло, нет ни единой души, – кроме девочки, играющей сама с собой на горке давно затвердевшего песка. Он ее терпеть не может, эту девочку, брезгует ею, – хоть они и соседи, и ровесники. – Она ему отвратительна так же, как и та самая бородавчатая

лягушка. Вся ее одежда бывает всегда испачкана, и лицо у нее сплошь покрыто грязью. Сопливая... Зимой и летом ее шея перевязана красным шерстяным платком...

Небо красное, словно жерло тендыра¹. Солнце – словно яичный желток – разлилось по всему небу. Так и печет оно оттуда. Испарения видны невооруженным глазом. Все вокруг высохло, за исключением мальвы и пастушьей сумки, растущих прямо у подножья изгороди.

Отдалившись от сопливой девчонки, он пошел в самый конец своей изгороди, нашел под тополем небольшую тень... Дальше идти мама не разрешит. Ему и самому страшно. Ежедневно отсюда он провожает маму на работу, здесь же ее и встречает... И отец его здесь же сойдет однажды с машины, – он верит в это! – с большим коричневым чемоданом в руке, с серым пиджаком подмышкой... Он хочет, чтобы отец вернулся в тот момент, когда мать будет на работе; он хочет сделать сюрприз для мамы. «Он спрячет отца внутри комнаты и... алее-гоп! – неожиданно выведет его оттуда...»

Муравьи, двигаясь по пересохшему от безводья дну арыка, перетаскивают в свой муравейник различные съедобные крошки. Он пожалел, что очень мал еще, так как даже крошечные муравьи ташат домой что-то съедобное, а он этого сделать не может. От безвыходности положения сердце его едва ли не разрывалось. Хорошо еще, что хлебопекарня работает; из трубы, возвышающейся над ней, поднимается густой черный дым; тихо и медленно падают сажа и копоть, оседая на землю; камни на его колени и руки...; всего в пяти-шести шагах от него стоит человек...

А сопливая девчонка всегда одна-одинешенька.

Девочка радовалась, и глаза ее светились от счастья, видя, как он приближается к ней. Стояла с разинутым ртом.

¹ Тендир – глиняная печь круглой формы, в которой на угле или на дровах выпекают национальный хлеб – чурек.

Когда он присел прямо перед ней на корточки, его словно током ударило; подол ее платья был задран кверху, к ее пухлым коленкам и... под платьем у нее ничего не было. То есть было... То есть одежды не было. Она была нагая... Он покраснел до самых кончиков ушей. Внизу... внизу у себя он почувствовал какое-то странное движение и подъем.

...Поднявшись на ноги, они шли. Куда? Они и сами того не знали. Они искали укромное место. Искали какие-нибудь густые заросли. Поспешно войдя в заросли камыша, они, расстроившись, быстро повернули обратно; от зарослей камыша не осталось ничего по вине скотины. Они пошли в сторону изгороди тети Гюлян, – скрестив вместе мизинцы своих рук, – то он торопил девочку, идя впереди нее, то девочка тянула его за руку. Под изгородью были рассыпаны остатки прошлогоднего хлопка, который уже давно начал гнить. Они зашли меж двух изгородей, – между изгородью тети Гюлян и их изгородью, – хоть разодрали себя колючками куста ежевики. «Там полно змей, – крепко наказывала ему мать ежедневно, – смотри, не заходи туда, там полно ядовитых насекомых!..» Когда-то давно здесь пролегала тропинка, по которой ходили люди. Теперь эта тропинка заросла камышами и ежевикой, превратившись в настоящие джунгли, дальше себя и пяти шагов не видно. Он быстренько спустил короткие штаны ниже колен, – от бесчисленного множества пчел и других летающих насекомых в воздухе слышно было какое-то гудение... – и подняв подол платья девочки, притянул ее к себе. Что это было? Что они делали? Чтобы не видеть ее лица – сопливого лица, – он прижался лицом к платку на ее шее. Так он готов был оставаться до конца своей жизни, – если даже платок ее был грязен и пахнул землей. – Его ляжки были прижаты к ляжкам девочки, колени – к ее коленям. Неподвижно и немо...

До его слуха дошел приближающийся звон цепи, – он страшно боялся двух вещей: если увидит змею, ползущую с

большой скоростью, распутавшись из клубка, и собаку, разорвавшую цепь и бегущую на человека. – Он вскочил, сорвался с места! Со страху оставив ту дорогу, по которой пришел сюда, он побежал в другую сторону. «Что это за странный день такой?!» Добежав до изгороди Бахти, он решил отдышаться и взять себя в руки. Его лицо горело, стучало в висках, сердце вот-вот готово было выпрыгнуть из грудной клетки. Хорошо еще, что с тех самых времен, когда здесь была дорога, сохранилась старая калитка. Сколько он ни толкал ее, сил у него не хватило, чтобы отворить эту калитку, и тогда он, раздвинув ее сверху, кое-как протиснулся туда...

Преодолев изгородь, он словно попал в другой мир, в другую эпоху; произошло что-то необычное. Но что? Он и сам не знал этого. Изменилось все вокруг: сад, саженцы, изгородь обрела другой цвет, – словно все было занавешено серым занавесом. Изменился и он сам. Повзрослел! В груди, в ногах, в коленях появилось чувство, что он вырос...

Смех, доносившийся до его ушей, согнул его колено, – бояться смеха – это было что-то новое – вырвал сердце и бросил ему под ноги. Он был напуган смехом в тот самый день, когда впервые пошел с Бахти на рыбалку. Его поразила и напугала рыба, вынырнувшая из канала, и «летающая» вслед за камышовым удилищем, – она появилась оттуда, откуда он не ожидал ее! – и напугала его; рыба смеялась! С серебристо-белым животом, темно-синей спиной, со стеклянными глазами, с маленькими плавниками... Она радовалась первому своему прибытию на землю, первой своей встрече с человеком. Она и представить себе не могла, что немного погодя будет лежать на земле и биться об нее своими чешуйчатыми боками, просить о помощи, жадно вдыхая и выдыхая воздух своим мясным клювоподобным ртом, – радовалась, словно маленький ребенок! Она не знала, что острый железный крючок, разорвавший ей десна, изобрели именно люди...

...Еще его напугал смех матери. В тот день, когда мужчина, продающий рыбу, пришел к ним во двор, его мать с восхищением смотрела на рыбу в мешке, только что выловленную, испачканную в собственной слизи, и видела, как рыбины все еще шевелятся, жадно глотая воздух, и... Он «уловил», что незнакомый противный мужчина скользит своими глазами по нежному, по-рыбьи упругому белому телу его матери, выглядывающему из-под сатинового халата, жадно смотрит на ее белые груди из-под чуть приоткрытой верхней части халата. Кажется, и мать что-то почувствовала; она мгновенно изменилась в лице; радость, озаряющая ее глаза, осталась лежать на дне мешка... В тот день мать места себе не находила, ходила мрачная, а иногда смеялась сама про себя...

Было бы здорово, если бы отец поскорее вернулся. Теперь ему казалось, что кто-то может взять его мать за мизинец и потянуть за собой в густые заросли.

Постепенно смех приблизился. Когда он дошел до широкой деревянной пристройки, то так и застыл на месте; как и все вечера, его мать с соседями, расстелив на земле паласы и другие теплые вещи, сидели и во весь голос смеялись, – перед ними лежала целая куча соломы. Некоторые из них сидели, подогнув ноги под себя, а некоторые – вытянув ноги вперед... Он не мог понять, что происходит; ведь все сейчас должны были быть на работе.

– Ой, что это с ним такое происходит? Иной раз, хоть убей, но не заставишь его спать среди бела дня. – Мать сбросила с подола платья зелень и направилась к нему.

– За тобой гнались во сне, сынок? Почему ты так запыхался? – почему-то улыбнулась тетя Гюлян, но...

Значит, он погрузился в дневной сон, а мать вернулась в полдень, запихав в свою белую рубашку солому. А он-то думает, что пока еще утро. То-то же оно, вот почему он спал на прибранной кровати. Он потерял в суматохе один день, а

взамен придумал еще один день; за один день прожил два, прожил на один день больше. Сколько бы он ни прожил после этого, он проживет на один день больше.

Он сам этот день заработал, заслужил, – хотя не будет его матери никакого прока от этой заслуги, – но, все же, он сам нашел его. Это его первый заработок. А значит, он вырос. По-взрос-лел!

Ему не хватило терпения воспринять чужие и незнакомые чувства; он искал того, с кем мог бы поделиться своими впечатлениями. Опрокинув на спину свои «два колеса», словно что-то ремонтирует, Бахти смотрел на него и хмыкал, – он едва сдерживал свой смех, – а фамильярная реплика тети Гюлян примешала новое чувство к его переживаниям. «Да ну, к чертям собачьим и Бахти, и его велосипед. Он уже не ребенок, чтобы возиться с велосипедом. Он – взрослый мужчина!.. И отец его не возвращается, ну и пусть отныне вообще не возвращается, – зачем ему отец, если он сам уже вырос...»

«Шлеп!» – ударила его мать по мягкому месту, отчего он спустился с небес на землю.

– Что это такое, сынок, – подняв его, как перышко, она взяла его подмышку. – Почему ты ходишь нагишом? Ты уже взрослый мужчина!..

...Рассыпанные на землю плоские камни то приближались, то отдалялись...

Перевел Этимад Башкечид

Мевлуд Мевлуд

ДЕНЬ ПОМИНАНИЯ

Посвящается Фахри Угурлу

За день до праздника поминовения умерших, который у нас называется Гара Байрам, бабушка повела меня с собой в женскую баню. Женщины вели себя так, словно меня не видели вовсе; они абсолютно спокойно раздевались, мылились, с чувством недовольства почесывали покрасневшие места под своими грудями, лили друг другу на голову воду, в то же время беседовали и сплетничали друг с другом о разном.

Я стоял в стороне с разинутым ртом и глазел на женщин с обвислыми и молодых невест с упругими грудями. Я не мог понять, откуда и по какой причине внутри меня веют теплые ветерки, и оттого, что не знал причины своего состояния, еще больше волновался.

Завернувшаяся в полотенце одна молодая женщина, улыбаясь, подошла и встала передо мной, протянула руку мне между ног и сказала: «Ну-ка, дай посмотрю, есть ли у тебя там что-нибудь». Как только ее рука коснулась хрупких волос у меня в паху, она встрепенулась и сказала моей бабушке:

– Женщина, заклинаю тебя здоровьем твоего сына, больше никогда не приводи этого мальчика сюда. Это же взрослый мужчина!

Бабушка с трясущимся от смеха животом сказала:

– Ой, девка, ты так говоришь, словно никогда не видела ничего подобного.

Звонкий смех женщин, отразившись в окутанных паром стенах бани, вернулся ко мне. Уши мои горели от стыда, и я понял, что от покраснения стал похож на пышную буханку. Я понял, что мое детство уже ускользает из моих рук подобно рыбе, и почувствовал, что между мной и здешними женщинами воздвигается высокая стена.

Мы с матерью встали рано утром и пошли на вокзал. Встретив приехавших из Баку сестер матери, мы вместе с ними вернулись домой. Приехавшие из города говорили про город, а те, кто был из района, говорили о районе: как там и что там? Кто сыграл свадьбу? Кто умер? Родился ли у кого-то ребенок? Умер ли отец того-то, который был уже при смерти?..

Между беседой моя мать, продолжая говорить, встала и, сняв со стены фотографии моего деда и брата моей бабушки, вытерла с них пыль, и, поцеловав фотографии, повесила их на место. Присутствующие хором вздохнули.

Мои тети говорили, смеялись, шутили, приветствовали всех приходящих к нам соседей, варили плов и другие блюда:

– Зелень руби как можно мельче, потом, если захочешь, можешь добавить и простоквашу.

– Отойди в сторону, будь добра, в прошлый раз у тебя корка подгорела.

– Мама, давай сварим и довгу¹, на днях в Баку на похоронах я попробовала такую вкусную довгу, что до сих пор не могу забыть ее вкус.

¹ Довга – национальное блюдо азербайджанской кухни.

Плов, томившийся в нашем доме в честь Гара Байрам, был такой же вкусный, как приготовленный на Новруз Байрам¹.

Еще не было двенадцати, как бабушка начала нас торопить.

– Ну же, поднимайтесь, надо вовремя поехать и вернуться обратно, чтобы гостей встречать.

Женщины повязали черные платки на головы, а носовые, взятые из сундука, поместили между грудью, и вышли из дома. Тогда я был в том возрасте, когда мог идти с бабушкой в женскую баню, а в день поминовения умерших Гара Байрам – с женщинами на кладбище.

Когда мы вышли из дома, было холодно, и шел дождь. Как только мы дошли до роддома, расположенного на пути к кладбищу, дождь прекратился, и выглянуло солнце. Смешанный аромат дождя и солнца впитался в почву, пробуждающуюся после зимней спячки. Запах земли давал любовь к жизни живым, пришедшим на встречу с умершими.

Так было всегда: накануне дня Гара Байрам погода менялась по нескольку раз в день. В эти дни зима и лето противостояли друг другу. Половина дня покорялась велениям зимы, а другая половина открывалась навстречу весне.

– Пусть земля будет тебе пухом, Мустафа! – сказала бабушка, обратившись в сторону одной могилы, как только мы вступили на территорию кладбища. – Не прошло и месяца со дня твоей кончины, как Аиша с горя переселилась к тебе. Покойся с миром, моя бездетная сестра!

¹ Новруз байрам – праздник весеннего равноденствия и начала Нового года у тюркоязычных и персоязычных народов.

Мустафа похитил Аишу из Дилиджана. Как-то раз, будучи проездом в Дилиджане, он увидел, как по соседству с домом, в котором он гостил, одна девушка подметает двор. Пospрашивав о ней у соседей, он узнал, что эта девушка круглая сирота и содержит ее у себя ее же дядя по отцу. Жена дяди – сварливая ведьма, заставляет девушку гнуть спину и выполнять всю грязную работу по дому, да вдобавок ко всему, избивает и ругает девушку на чем свет стоит. Дядя же очень боится своей жены, и поэтому при малейшей опасности, грозящей ему от ведьмы, бросает на съедение ей сиротку брата, тем самым спасая свою шкуру.

Стройный и статный Мустафа на следующий же день сажает девушку в машину и увозит с собой в район. Приехавший за своей племянницей дядя закатывает скандал, не имеющий уже никакого смысла, так как он не сможет отнять у Мустафы корм для своей ведьмы. Аиша уже не хочет возвращаться в тот ад, где она умирала и воскресала по нескольку раз в день, и в своей объяснительной записке пишет, что сбежала с Мустафой по собственному желанию, так безумно любит его.

Но, к большому сожалению, жизнь у них не сложилась так, как хотелось бы – у них не было детей. Они раздавали бедным и нуждающимся много пожертвований, посещали многие святые места, однако судьба не удосужилась дать им даже части надежды. В конечном счете, врач сумел убедить Мустафу в том, что его жена не сможет родить ему ребенка. Вопреки всем советам своих родных и близких, Мустафа решил не разводиться с женой. Где еще мог найти он такую порядочную и застенчивую жену? Каждый Божий день он ругал и позорил всех умерших и живых родственников и близких Аиши, избивал сироту до полусмерти, ругал ее на чем свет стоит.

Вот таким образом, гнет и тирания, от которых Аиша сбежала в горах Дилиджана, достигли района прежде, чем она туда доехала.

Однажды моя бабушка, уговорив Аишу, повела ее к гадалке. Старая гадалка с одним единственным зубом во рту, ютящаяся в полуразвалившейся лачуге в смежной с районом деревне, предсказала Аише такую судьбу: «Бедная девушка, ты перенесла много страданий и унижений, ты не сможешь быть оплодотворена!»

Аиша, сбежавшая от одной ведьмы и попавшая в лапы другого изверга, наконец, понимает, что не сможет дать жизнь другому созданию. Она понимала, что ее неспособность и невозможность родить является подготовкой к ее смерти, и эта смерть будет ее последней смертью, и никто уже не увидит ее в этом брэнном мире. Раз и навсегда она убедилась в том, что на ее пашне не взойдет зернышко.

Подобно тому, как ребенок, избиваемый собственной матерью, еще больше прижимается к ней, так и Аиша, стойко переносившая побои мужа, не бежала от него, а наоборот, еще больше цеплялась за него.

Когда Мустафа умер, Аиша громко оплакивала его, приговаривая: «Отец мой Мустафа, мать моя Мустафа, брат и сестра мои Мустафа! Что я буду делать, как я буду жить и куда пойду без тебя?!»

И здесь на могилу Аишы падала тень надгробного камня ее мужа.

– Несчастливая Солмаз, сестра моя! – снова голосила бабушка.

Сын Солмаз был рожден ею травмированным. Часто его возили в Тифлис, муж тратил ради сына немалые деньги. После долгих расходов больного ребенка удалось излечить.

Получив добрые вести от врачей, отец ребенка в течение семи дней и семи ночей пировал и веселился, принимая множество гостей в районе. По сей день ашуги слагают легенды по поводу того пиршества.

Растили и воспитывали ребенка, чрезмерно балуя его: не сиди там, сиди здесь... не ешь то, ешь это... не надевай то, надевай это... у ребенка прорезаются зубки, сварите пшеничную кашу... у ребенка подскочила температура, скорее везите его в Тифлис и т.д.

С ним обращались как с ребенком даже тогда, когда ему перевалило за двадцать: дорогой, не приходи домой поздно... сынок, не водись с детьми Соны... милый, ни с кем не дерись...

Когда мальчик достиг призывного возраста, родители потратили огромные деньги, чтобы их сынок проходил воинскую службу в том же районе, где родился, и это в строжайшие годы советского правления!..

Но судьба была неблагоприятна к Солмаз – единственный ее сын оказался ядом для нее самой.

После смерти отца сын, лишившийся отцовского влияния, сошел с праведного пути подобно журавлю, отбившемуся от стаи: сначала он стал водиться с дорогостоящими девицами легкого поведения, затем пристрастился к алкогольным напиткам, а еще позже попробовал на вкус и «райскую травку».

Прошло некоторое время, и он, озираясь по сторонам с обручальным кольцом матери в кармане, уже ищет «белый порошок» (кокаин), чтобы вдоволь нанюхаться.

Как мать ни старалась, а вернуть сына на праведный путь так и не смогла, и сынок, на лечение и здоровье которого в свое время были потрачены миллионы, не захотел выпустить из рук топор, который положит конец и жизни его матери, и его собственной жизни: он растранижил все состояние, унаследованное им от отца, распродал все золотые

украшения матери на удовлетворение своей прихоти, то есть в итоге – на свою гибель.

Бродяжничая, скитаясь и потеряв всякую надежду на лучшее, он в течение двух-трех лет довел и Солмаз до нищенского состояния.

В один прекрасный день, не найдя денег для лечения больного зуба, Солмаз, вернувшись домой, увидела, что сын дрожащими руками пытается разобрать доски полового настила для продажи. Между матерью и сыном разразился сильный скандал. Мать пригрозила сыну полицией. Разозлившись на то, что полиция может прийти и разрушить все его планы, он стукнул утюгом по голове матери. Солмаз тут же скончалась, а сын все еще продолжает умирать в тюрьме...

Наконец-то мы дошли до могил и наших близких родных. Недавно фамильярно беседующая с могилами бабушка втихомолку начала плакать. Ее дочери присоединились к ней и, тихо проливая слезы по умершим родственникам, подняли с земли по камушку, осторожно постучали по тыльным сторонам надгробных могильных камней, как бы вызывая тем самым духов усопших.

Бабушка не причитала, а скорее жаловалась:

– Не жду ли я тебя каждый год на Восьмое марта, братец мой несчастный?! Не говорю ли я, что вот сейчас он придет с цветами в руках и скажет: «Поздравляю тебя с днем Восьмого марта!» Бедный мой брат, тебе не повезло в жизни ни с женой, ни с сыном. И душу ты отдал Богу на руках у Мелек!

Мелек была женой брата бабушки – дедушки Виляята. Дедушка Виляят долгое время был в ссоре с бабушкой, он так и умер, не успев с ней помириться. Если верить нашим, причиной ссоры и разлада между братом и сестрой была та

самая «ведьма жена». Бабушка частенько наказывала брату, чтобы тот «не унижал ее перед чужеродной девчонкой», но когда в ответ от дедушки Виляята она слышала: «Замолчи и держи свой язык за зубами, сама же женила меня на Мелек, как я могу теперь, в мои-то годы развестись с ней?!» – она замолкала на долгое время.

И в самом деле, бабушка сама сосватала Мелек за дедушку Виляята и поженила их.

Все, кто видел ее, говорили, что Мелек в девичестве ходила, не поднимая головы. Однажды на базаре бабушка увидела ее и сказала: «Какая хорошенькая, благовоспитанная и стеснительная девушка, даже не поднимает головы и не смотрит в лицо человека, давай сосватаем ее для Виляята».

Бабушка ждала свадьбы брата, словно ждала праздника всей своей жизни, но прошло не так уж много времени, как ее праздник превратился в сплошной кошмар. Страстно желая видеть своего брата счастливым продолжателем их рода, она опомнилась лишь тогда, когда увидела, что в сердце ее брата не осталось ни малейшего места для нее, и что она сама добровольно отдала своего единственного брата в руки чужеродной девушки. По вине красавицы Мелек отношения между братом и сестрой постепенно охладели, и после женитьбы дедушка Виляят во всех делах советовался не с бабушкой, а со своей женой.

– Откуда же нам было знать? Оказывается, она была немного подслеповата и поэтому так ходила. Я знаю, что перед смертью брат звал меня, сказав ей «позовите мою сестру». Он хотел напоследок что-то мне сказать. Но эта проклятушая ведьма не оповестила меня об этом! Это я должна была умереть, я! Бедняга мой брат, это я его сделала таким несчастным! Да протухнут от вони мои груди!

Когда бабушка проклинала себя, мне становилось как-то не по себе.

– Откуда мне было знать? Уж я-то думала, что она благовоспитанная девушка, будет хорошей женой и позаботится о моем брате.

Когда бабушка оправдывала себя, я успокаивался.

Скандалная ссора моей бабушки с ее братом была для меня как фильм, просмотренный не сначала, а где-то с середины. Наши всегда рассказывали об этой ссоре с самого ее кульминационного момента, то есть с самого разгара. К тому же, рассказывали так убедительно, что можно было подумать, что скандал произошел не двадцать-тридцать лет тому назад, а пять-десять минут назад.

Когда Мелек умерла, никто из наших не пошел на ее похороны. Моя мать и другие наши родственники так плохо о ней отзывались, что волей-неволей я ее ненавидел, хотя никогда не видел ее и не слышал голоса этой женщины.

Женщины на кладбище были похожи на надгробные камни их умерших родных; половина в черном, маленькие, одетые скромно, половина же высокие, в белоснежном модном одеянии.

– На, возьми, шлюха, расходуй на себя, а не на своего самца, похожего на тельца-производителя!

Подавая пожертвования окончательно опустившимся нищенкам с повыпавшими зубами, бабушка даже давала им советы, куда и на что тратить собранные деньги. Не знаю, от дедушки ли она унаследовала эту черту характера или, быть может, дедушка унаследовал от нее?..

Мне было шесть-семь лет. Вместе со своими сверстниками я пошел поиграть в районный парк. Дедушка прогуливался по парку, скрестив руки за спиной. Увидев меня, он тут же позвал меня к себе и, запустив руку в карман, дал мне деньги. Наказал мне, чтобы на эти деньги я купил себе пе-

ченье. Взяв деньги и, даже не сказав «спасибо», я побежал в сторону магазина, расположенного в конце парка. Старик только и успел мне сказать: «не беги как угорелый и быстренько возвращайся домой».

Зайдя в магазин, я обратил свой взор на коробки с жевательной резинкой, расставленные в ряд возле кассы. Из оберток этих жевательных резинок выходили картинки с полуодетыми женщинами. Когда я жадно разглядывал эти картинки, внутри меня веяли те самые ветерки, которые веяли в то время, когда я смотрел на молоденьких женщин в женской бане.

Деньги, которые дедушка дал мне на печенье, я потратил на жевательную резинку. Разворачивая обертки, я отправлял жвачку в рот, в то же время спеша разглядеть картинки и испытывая при этом странные волнующие чувства. Весь запыхавшись, я разворачивал обертки и неожиданно услышал за спиной сердитый голос дедушки: «Ах, да будет проклят отец твоего родителя!.. Я же сказал тебе, чтобы ты купил себе что-нибудь съедобное. Что это такое?!»

От испуга я проглотил жвачку. Картинки быстро рассовал по карманам. Я подумал, что дедушка побьет меня. Хотел быстренько убежать от него, но дедушка опять запустил руку в карман. Он снова дал мне деньги и опять наказал мне, чтобы я купил что-нибудь съестное: «Иди и купи, я буду смотреть отсюда!»

Вернувшись в магазин, я на этот раз купил хрустящее печенье. Дедушка поджидал меня у входа в магазин, и когда он увидел меня, его сердце, наконец, успокоилось.

Я еще не видел другого такого человека, любившего поесть и выпить, как мой дедушка. Видя, как он опустошает стакан с вином, вы могли бы подумать, что он пьет живую воду Александра. Он мог из ничего сделать праздник. Он постоянно искал повода для увеселения: наши дни рождения, повышение в должности моего дяди, работающего в поли-

ции, посещение нашего дома кем-то из его друзей, рождение щенят у нашей собаки... Накрывали стол, да еще какой! Дедушка готовил во дворе шашлык, винам и водкам, выносимым из погреба, не было ни конца, ни края. По мере того, как участники пира ели и пили, их глаза начинали сверкать, и он сам тоже подключался к ним.

Если еда, приготовленная моей бабушкой, была ему по нраву, то при приближении бабушки к столу дедушка обязательно щипал ее за бок и громко хохотал при этом. Затем, когда бабушка, ворча, отходила от стола, дед кричал ей вслед: «У тебя обалденная фигура!»

Однажды он пригласил на мой день рождения Ашуга Адалята. Ашуг до самой поздней ночи играл и пел. Когда все гости разошлись по своим домам, ашуг хотел попрощаться и уйти, но дедушка схватил его за воротник и сказал: «Я никуда не отпущу тебя, если ты, прежде, чем уйти, не посетишь мою жену».

Впоследствии бабушка, приукрасив, так рассказывала об этой истории: «Жена, когда я увидел, что он поверил мне, я сказал, что этот бедняга подвыпил, иди к себе домой».

Он был очень привязан к своим матери, брату, детям брата. Когда он шел навещать свою мать, жившую со средним братом, и не имел возможности купить ей что-нибудь, он хватал со стола горсть орехов.

Он слушал советы друзей по поводу того, чтобы быть подальше от спиртного, до тех пор, пока пили чай, и готовилась еда. Как только еда была готова, он доставал из погреба водку и говорил: «От выпивки вреда не будет, главное – Бога не разгневать».

А однажды врач «порадовал» его: в твоей печени набралось много воды!

– Чтоб тебя еще дальше унесло, не подумал ли ты, когда был при смерти, куда я ухожу, оставив этих сирот? Сам не ел, других кормил, сам не одевался, других одевал,

обувал! А как же твои сироты?! На свадьбах ты так бурно танцевал «Кинтаури», словно, собирался прожить сто лет, эй, несчастный!

Продолжая плакать и причитать, бабушка подошла к могиле дедушки, прислонила свою голову к его надгробному камню и громко зарыдала, а дочери поддержали ее плач.

Мне показалось, что дедушка не умер, а просто лежит и спит. Я не мог поверить в то, что всегда пьющий и веселый, любящий открыто шутить со всеми, с каждого банкета приносящий для меня люля-кебаб, завернутый в лаваш, а для собаки – обглоданные косточки, дедушка, навсегда покинул нас.

Оказывается, мой дедушка, употребляя спиртное все эти годы, и празднуя каждый свой день и час, медленно, но уверенно приближал свою смерть: смерть, в жилах которой вместо крови течет вино, тело которой состоит из шашлыка, вместо голоса у нее звон бокалов, а вместо осанки и походки – песни и танцы...

Оплакивание подошло к концу, начали собираться: обнимая, целовать могильные плиты, вытирать пыль с надгробных камней...

Воспользовавшись тем, что женщины замолчали, я ухватился за подол матери:

– Дедушка Виляят поздравлял бабушку каждое восьмое марта?

– Да, – всхлипывая, ответила моя мама.

– Я тоже буду поздравлять тебя каждое восьмое марта, – сказал я.

Мама засмеялась, погладила меня по голове и поцеловала мои волосы. А ту самую историю про восьмое марта я услышал намного позже, когда немного подрос.

Еще до того, как Мелек посеяла семена раздора и вражды между братом и сестрой, дедушка Виляят ежегодно на Восьмое марта покупал и приносил бабушке цветы и поздравлял ее с праздником. Когда они были в ссоре, в день праздника бабушка все время смотрела на дверь и ждала брата с поздравлениями, стараясь, чтобы ее волнения и чувств не замечали ее дочери. А цветов, которые покупал ей дедушка, было не совсем достаточно, ибо она все время ждала цветов и от брата.

Когда дедушка Виляят умер, бабушка была беременна, младшая моя тетя еще не родилась. После похорон она не осталась в доме брата – не стала сидеть возле Мелек, а вернулась оплакивать брата в дом своего мужа.

В сороковой день со дня смерти дедушки Виляята, когда она, встав рано утром, собиралась идти на его поминки, у нее начались предродовые схватки и, вместо того, чтобы идти на поминки, ей пришлось отправиться в роддом. Родив мою младшую тетю, она в районной больнице вновь стала причитать и плакать по своему умершему брату.

Неожиданно в родильную палату вошел мой дедушка с цветами в руках, поцеловал ее в лоб и сказал: «Эти цветы я принес с могилы твоего брата, Виляят вновь поздравляет тебя».

Мы помыли руки и лицо в роднике на выходе из кладбища. На протяжении всего пути бабушка всматривалась в людей своими потускневшими глазами и спрашивала у дочерей «кто это? а это кто?». Как странно... Умерших узнавала бабушка, а живых – ее дочери.

По мере отдаления от кладбища обычные беседы сменялись сплетнями, улыбки превращались в хохот.

Когда мы поравнялись с роддомом, мать потрепала рукой мои волосы и сказала: «И мой сын родился на свет здесь».

Эту дорогу от роддома до кладбища, протяженностью всего в несколько шагов, каждый преодолевал по-своему. Одни отправлялись в последний путь, только успев появиться на свет. Другие, выйдя из роддома, отправлялись в отцовский дом, оттуда же – в столицу, в большие города, в которых создавали семьи, становились родителями; дыхание, полученное в этом роддоме, передавали женщинам других стран, детям, рожденных от этих женщин, а после остановки этого дыхания на плечах наших людей, проходя перед роддомом, отправлялись в свои могилы.

Когда мы подошли к дому, я, вырвавшись из рук матери, помчался к детям в парк. Мать крикнула мне вслед:

– Возвращайся скорей, не потей, мы плов сварим, придешь поешь.

Все успокоились: для того, чтобы вкусить сладости этого брэнного мира, мы уже получили на это разрешение умерших.

После того, как в бане молодая женщина настоятельно посоветовала бабушке не приводить меня больше в женскую баню, бабушка через неделю – в день праздника Новруз снова пошла в баню, но уже без меня. Я уже начал расти. Я спешил отбросить в прошлое дни, сорванные мною в саду будущего. Мое детство ушло в мешочке смерти...

Перевел Этимад Башкечид

Мирмехти Агаоглу

ИЗОБРАЖЕНИЕ ИМАМА

Посвящается жертвам ИГИЛ¹

На этот раз удар топора пришелся не по корню дерева, а по затвердевшей земле. Руки совсем обессилели. Согнувшись, он опустил на землю и присел. С большим трудом дотянувшись до своего узелка с едой, на который он положил свою шапку, взял из пачки сигарету «Астра». Зажег спичку и закурил. Глубоко затянувшись сигаретным дымом, он, упершись локтями в колени, вытянул руки вперед. Глаза свои он устремил далеко вперед – на противоположный берег Куры.

Его дом, хотя и находился недалеко – если подняться на дамбу, можно увидеть его – полчаса тому назад здесь же, в зарослях тamarиска², растущих вдоль берега Куры, он сотворил свою молитву намаз. Отправляясь рано утром за дровами, он подготовился заранее и взял с собой принадлежности для намаза. Он надеялся, что здесь, быть может, вдали от людей, дьявол не вселится в его душу, и он от чистого сердца сотворит намаз.

Будь он проклят, этот дьявол, опять, когда он шел на молитву, этот образ ожил перед его глазами. Творимый намаз уже не ложился ему на сердце. Поэтому вот уже несколько

¹ ИГИЛ – террористическая организация.

² Тамариск – небольшое дерево или кустарник, растущее в степях и пустынях.

дней он не находил ни сна, ни покоя. Он чувствовал себя идолопоклонником, неверным.

Совершению намаза он еще с детства обучился у отца. С тех самых пор с ним такого не случалось. Несмотря на то, что ему было за пятьдесят, случаев, когда он пропускал время намаза, было не больше пятидесяти за всю жизнь.

Об этом знали не только в деревне, где он родился, но и в других деревнях, поселках и близлежащих районах. То, что он был очень набожным и верующим, было известно и председателю колхоза, и сотрудникам милиции, и участковому инспектору. Они знали также и то, что намаз он творит не просто так, для вида, не пропагандирует открыто религию и не занимается деятельностью муллы в целях каких-либо дополнительных заработков. Своим честным трудом кормил свою семью, а пожертвования, приносимые к нему домой, он раздавал знакомым бедным и неимущим людям.

На «Кюрсангинском нефтяном месторождении», где он работал, все знали его родословную и благородное происхождение. Благодаря ему, уважение и почтение к его роду еще больше возросло. Поэтому, когда в деревню привезли это таинственное изображение, в первую очередь, об этом сообщили именно ему.

Как только Ага, вернувшийся с работы, вошел во двор через ворота, старшая дочь поспешила к колодцу, как она делала всегда. Остальные же дети, как обычно, побежали навстречу ему и радостно приветствовали. Когда он присел на стул перед столовой, дочь из кружки полила ему воду на руки, он вымыл лицо и руки, потрескавшиеся, словно русло реки, шею и затылок, охладил ноги. Младшая дочь, поймав по радио Иранскую радиоволну, увеличила громкость трансляции азана – призыва на намаз.

На табуретку, стоящую перед ним, была постелена скатерть, поставлены стакан с блюдцем и сахарница. Был готов и только что заваренный ароматный чай.

Когда подошло время азана, он совершил омовение рук и ног. После намаза в столовой он отправился заниматься скотиной.

Жены и старших сыновей дома не было. Они работали в поле, на колхозных участках.

После того, как соберутся все домочадцы, они будут ужинать в столовой.

Когда постучали в ворота, ужин уже давно подошел к концу. Прилегли в столовой на диване и опершись на подушку, он смотрел программу «Время». Тут неожиданно пришел бригадир Агагусейн.

Они вышли во двор и присели за стол, стоявший под навесом. Вначале они поговорили об обстановке в деревне, о том, кто работает в поле, кто уваливает от работы, о новом назначении председателя Нуруша Алиева, о том, как последний наказывает расхитителей кормового клевера с колхозных угодий, о последнем выступлении Брейнвейна, о международной обстановке, империалистической политике Америки, напряженной обстановке в Афганистане, об ослаблении шахского режима в Иране и т.п. Когда они остались одни за столом, Агагусейн тихо сказал, что Мешеди Мехти оглу Мамед позвал его по поводу одного дельца. Наказал, чтобы пришли ночью. Агагусейн, хотя и намекнул на важность вопроса, в подробности не стал вдаваться.

Это было неудивительно. Когда в деревне было какое-нибудь запутанное дело, кто-то обижался, кто-то, колеблясь, не решался давать сватам девушки положительный ответ, когда сторона, у которой похитили дочку, не хотела идти на примирение с противоположной стороной, когда возникал конфликт между должниками – во всех этих и других осложненных случаях Ага приглашался в качестве лица, пользующегося авторитетом среди односельчан и, способного разрешить мирным путем тот или иной конфликтный вопрос.

Сельские коммунисты, должностные лица, вынужденные находиться подальше от религии, доверяли ему и его религиозным решениям, находя успокоение и утешение, словно считая, что тем самым они выполняли свои религиозные обязательства.

Мамед был дома не один. У него находились инженер Джафар Шых Гулам оглу и шофер Самед Кябля Ахмед оглу. Сидя на веранде, они пили чай из самовара. Отчего-то не видно было сына-подростка Мамеда. В это время он обычно гулял с друзьями. Налив только что прибывшим гостям чаю, его жена, словно призрак, удалилась и исчезла за одной из дверей.

Разговор за столом шел о текущих сельских вопросах: посевная и жатвенная работа в колхозе, сбор урожая, полив, скотина и т.п. Немного погодя вернулся сын Мамеда. Поднявшись на веранду, он приветствовал гостей и, повернувшись лицом к отцу, сказал: «Дяди Мирсаттара нет, он уехал в Баку проведать брата». Оставшись доволен сыном, Мамед велел ему пойти в свою комнату.

В деревне стояла тишина. Если бы временами ветер не приносил шума тракторов, можно было бы сказать, что вся деревня, не считая этих пяти человек, находящихся на веранде, растаяв в кромешной темноте, пропала бесследно. Еще из сада доносилось стрекотание сверчков и кузнечиков.

Мамед начал беседу:

– Вам известно, какова обстановка в Иране. Положение шаха удручающее, не сегодня, так завтра его свергнут с трона. Когда Самед был в Астаре, ему передали нелегальную вещь. Говорят, что эту вещь подготовили в Иране и распространяют везде верующие люди. Самед вначале испугался, думая, что его хотят впутать во что-то неладное. Но поговорив с людьми, он убедился, что это никакие не агенты. Поэтому он взял эту вещь. Я покажу вам это, ага, посмотри и ты, а затем поделись с нами своими соображениями.

Продолжая говорить, Мамед достал из нагрудного кармана пиджака платок, расстелил его на столе, затем, прежде, чем взять эту таинственную вещь из паспорта, в котором она была спрятана, краешком глаза посмотрел на входную дверь веранды, оглядел двор. Сын и жена были заняты своими делами. Жена, возможно, даже спала. Во дворе ничего не вызывало подозрения.

Он достал из паспорта заложенную в него картинку. Поцеловав изображение на картинке, он приложил ее к своим глазам. Затем протянул ее Аге: «Да буду я жертвой твоего предка, посмотри, не принадлежит ли это изображение Иمامу Али? Говорят, что это изображение на картинке нарисовали специалисты на основании сведений о нем. Изобразили точь-в-точь. Вот, размножайте, говорят, распространяйте, раздавайте мусульманам».

Ага взял картинку. Три раза поцеловав изображение, приложил его к глазам. Он внимательно посмотрел на человека, изображенного на картинке. Остановил свой взор на крепких руках, державшихся за меч, лежавший у Имама на коленях. Пальцами он осторожно прикоснулся к мечу. У него задрожали руки. Мамед продолжал говорить, а глаза его все еще смотрели на изображение.

– Самым достойным для хранения этого изображения среди нас являешься ты, я это знаю. Но я не хочу подвергать тебя опасности, отдавая ее тебе.

– Что ты говоришь?! Я сочту это за большую честь, оказанную мне.

– Но это очень опасно.

– Да поможет мне Аллах!

– Дай-то Бог, с Его помощью! – повторили остальные вслед за Мамедом.

– Дай-то Бог! Аминь!

– Вот еще, что я хочу спросить, тебе ведь хорошо известно, что в исламе изображать лицо святого считается

запретным. Так не берем ли мы грех на душу, размножая это изображение?

– Клянусь Аллахом, не знаю, что и сказать, ведь ты же говоришь, что это запрещено. То, что я имитирую и подражаю, дозволено шариатом высшего духовного лица. А про мнение Имама или других святых по поводу изображения мне ничего не известно. Если переправили из Ирана... они, полагаю, знают больше нас... Не став надолго затягивать беседу, он протянул изображение Джафару. Джафар взял изображение, поцеловал и, глубоко вздохнув, тихо заговорил:

– Самед, тебе ничего не сказали, когда дали это изображение?

– Клянусь Аллахом, сказали, размножайте. Как говорит Ага, они лучше и больше нас знают.

Джафар, повернув голову назад, посмотрел в сторону правления колхоза, затем опять повернулся к столу. Кирпичное здание правления колхоза, отражающее красноватый свет, навело на него ужас, словно и здание способно было следить за кем-то или слушать кого-то.

– И я так думаю. Если в Иране так советуют, значит, в этом нет ничего такого, что противоречило бы религии. Это обычное изображение, это изображение Пророка Али, да буду я жертвой его, – сказал Мамед. – Ага, пусть эта фотография пока остается у тебя, но, ради Аллаха, храни ее в надежном месте и никому не показывай.

– Не беспокойся, – сказал Ага.

– А ты поинтересуйся, и мы все поинтересуемся, где можно найти надежного фотографа, который не болтал бы языком понапрасну.

– Зачем ходить вокруг да около? Скажем фотографу Халигу. Он наш односельчанин, – сказал Самед.

– А не его ли отец написал в 1937 году донос, благодаря которому отца Джафара Шых Гулама сослали в Сибирь? Он продаст и нас, подлец! – сказал Агагусейн.

– Почему ты не говоришь о своем отце, Агагусейн? – неожиданно оживленно вдруг спросил Самед. – Твой отец Салам бей тоже был расстрелян не без содействия отца Халига.

– Давайте не затягивать вопрос. Это дело не про Халига. – Отца Мамеда также расстреляли в те же годы, однако разговорам про репрессию он сам положил конец. Если на то пошло, тогда отца Самеда Кяблю Ахмеда также в ту пору объявили кулаком и сослали в ссылку. Правительство не тронуло только отца Аги Самедагу из тех, кто посещал тайные собрания. Все были уверены в том, что большевики не оставят сеида, пользующегося авторитетом и уважением населения, в покое. Однако он все равно боялся выходить из дома и общаться с людьми.

Однажды он ехал в Ленкорань. Его задержали прямо в пути. Он находился под арестом всего два дня. В первый день начальника замучили сильные боли в животе и расстройство желудка. На второй день прибежал впопыхах прапорщик и сообщил: «Командир, дома твои дети и жена лежат на полу и стонут от боли в животе. Сельский фельдшер прописал лекарства, но толку от них никакого». Прапорщик сказал съжившемуся от боли в животе командиру, мол, отпустите вы его, он старый и безобидный человек, почтенный сеид, ни с кем не водит никаких дел, никому не мешает, зла не творит, пожалейте хотя бы детей своих. Они ведь стонут от боли, скорчившись на полу. Отпустите старого сеида...

Ага не любил, когда говорили про чудеса, творимые его отцом. Во-первых, он считал зазорным хвастаться такими вещами. Во-вторых, нельзя идти против правительства, иначе оно могло бы отомстить его сыну, несмотря на то, что прошло уже 30-40 лет. В этом случае семья, состоящая из двенадцати человек, осталась бы без кормильца.

Вернувшись и зайдя во двор, он увидел, что и дома, и в столовой не горит свет. Горел только свет над воротами. Баня

была позади дома. Вдоль по длине ограды росли вьющиеся розы, и вход в баню был похож на джунгли, с улицы не было видно задней части дома. Включив освещение в бане, он опустился на корточки у входной двери. Закурил сигарету. Из нагрудного кармана пиджака достал платок. Осторожно развернув его, взял фотографию с изображением. Посмотрел... смотрел... смотрел...

Свет, падающий из внутренней части бани, освещал лишь маленькую часть перед ней размером с дверь. Руки у него дрожали, изображение то и дело становилось в темноте невидимым.

Один глаз Имама был непорочным и безгрешным, словно глаз ребенка, другой же был сердитым и повелевающим. Рука, державшая эфес меча, сжималась от злости, другая рука лежала на лезвии меча, словно гладила ребенка по голове.

На руку, которая держала портрет, упали две капли. Это был не дождь... Он плакал.

При утреннем намазе изображение оживало перед его взором. Как хорошо, что он увидел изображение Имама! Он сам, когда неоднократно бывал на церемониях, слушал беседы на религиозную тему, рассказы о всяких происшествиях в жизни, когда читал главы из Корана, когда в детстве слушал предания, рассказываемые отцом, представлял перед своими глазами образ Имама. Были ли те образы такими же, как сейчас, были ли похожи воображаемые «имамы» на того, который был изображен на фотографии? Нет! Когда он увидел изображение Имама, прежние образы давно улетучились из памяти. Сейчас он не мог вспомнить их.

Когда он совершал полуденный намаз на работе, образ Имама не уходил из его глаз. Творя намаз, каждый раз он закрывал глаза, перед глазами оживал его образ, и он приходил в восторг, иногда целыми минутами не поднимал головы, плакал и плакал...

Вот уже неделя прошла, как портрет находился в нагрудном кармане его пиджака. Завернув в платочек, он положил его возле маленькой книги с молитвами. Поначалу он носил портрет при себе, и это его радовало, ему казалось, что пока портрет при нем, ему не страшна никакая смерть. Он считал, что с этим изображением в кармане он может пройти через огонь и пламя. Ему хотелось показывать портрет верующим людям, которых он встречал на религиозных церемониях и собраниях, вот, мол, портрет Имама. Но теперь портрет отнял у него все спокойствие. Даже когда он поднимал голову и смотрел в небо, перед глазами оживал образ Имама, когда опускал голову и хотел думать об Аллахе, опять же видел его. Теперь между Всевышним и ним присутствовал он – Имам. Он не мог поднять головы и посмотреть вверх, словно влюбленный, предавший свою любимую.

Портрет стал своего рода судьей над его верой. Он не мог думать ни о чем другом, кроме портрета. Со дня своего совершеннолетия он ни разу не пропустил время совершения намаза. Но теперь ему казалось, что с того дня, как он увидел образ Имама, намаз, совершаемый им, не угоден Аллаху, то есть не принимается. Он не знал, как быть, что делать. Прав ли был он в своих действиях, он не знал и этого. Он чувствовал только одно: ему было стыдно перед Аллахом.

...Он очнулся от грез, услышав голос сына. Было время ближе к вечеру. С самого полудня он сидел, не двигаясь. Бросив окурок сигареты, он поднялся на ноги. Ноги ныли от боли. Сын звал его оказать ему помощь принести собранные дрова. Сын взял топор, и, положив его на дрова в тачке, пошел вперед, толкая перед собой тачку. А он зашагал вслед за ними по следам колеса с ноющими от боли ногами. Душа его ныла еще больше.

Работники ночной смены ели и пили под навесом. Ага не присоединился к ним, он сидел перед костром, который развели перед управлением работники и пекли в нем картошку. Рабочие знали, что он избегает всяких увеселительных

мероприятий, где распивают спиртные напитки. Поэтому они заранее отложили в сторону его долю и оставили у костра. Под навесом веселье было в полном разгаре, а он даже куска в рот не положил.

Наступило время вечернего намаза. Впервые в жизни опоздание на намаз его не беспокоило. Про себя в душе он несколько раз сказал «будь проклят, дьявол». Затем он достал из кармана книгу с молитвами и при свете костра стал читать главу из Корана «Ясин». Когда дошел до определенного пункта, замолчал. Закрыв книгу, взял ее в левую руку. Правую руку он засунул в карман.

Развернув платок, взял в руки портрет. Всклипывая, он посмотрел на изображение. Несмотря на то, что в течение этой недели он пытался узнать что-нибудь из соображений высшего духовного лица, он не добился никаких результатов. Не было никого, у кого можно было бы спросить о том, чего не знаешь. А портрет продолжал делать свое дело. Он стал абсолютно равнодушен к религии, намазу, он не мог от сердца понять Аллаха. На его вере в Аллаха как бы появилось пятно; она разбилась вдребезги, словно стекло.

Хохот людей, веселящихся под навесом, постепенно усиливался. Для того, чтобы лучше разглядеть изображение Имама, он приблизил руку поближе к костру. Закрыв глаза, он постарался по одному вспомнить услышанные в детстве повествования и рассказы. Несколько слезинок потекли из его глаз к бороде. Открыв прослезившиеся глаза, он посмотрел еще раз на портрет, который уже был похож на мозаику. Он закрыл глаза и открыл их вновь. Бросил портрет в костер, как ненужную вещь. Подняв голову, посмотрел на звездное небо.

На небе было такое большое количество звезд, что... Словно они были набраны в ладони и разбросаны по всему небу... А между звездами простирался длинный белый путь...

Перевел Этимад Башкечид

Айхан Айваз

НОЧНОЙ РЕПОРТАЖ ИЗ НАШЕГО ДОМА

Когда я посреди ночи пришел домой, меня встретила гробовая тишина, которую нарушало лишь то, что все еще без умолку работающий телевизор забыли выключить. Сестра моя, сидя возле кипы бумаг, что-то рисовала, а брат был увлечен мобильным телефоном.

– Наконец-то ты вернулся, – услышал я недовольный голос сестры, как только успел переодеться. Не промолвив ни слова, я прошел в комнату и сел на край кровати.

– Ты голоден?

– Нет, Гюльбяс, сыт, – пошутил я с ней.

С карандашом за ухом она проходит на кухню, разжигает печку. Я прохожу в ванную комнату, мою лицо и руки и улыбаюсь, глядя на свое отражение в зеркале. Теперь, пока будет разогреваться еда, я должен немного подразнить ее.

– Аба, – зовем иногда мы ее, как наш отец, – скажи мне правду, у тебя есть любимый парень?

Вытирая руки полотенцем, я поворачиваюсь и подмигиваю брату. Он, хотя и делает вид, что занят, но его хитрые глаза за стеклами очков выдают его. По выражению его лица легко можно догадаться о его тайном интересе к этой игре.

– Не болтай глупости!

– Я не шучу, – говорю я, пытаюсь заглушить свой смех, – пригласи его к нам, мы познакомимся с ним, чаю вместе

выпьем. Посмотрим, кто он, чем занимается и какую цель преследует, что говорит, о чем думает и т.д.

– Отстань от меня! – отмахивается рукой сестра, словно мух отгоняет.

– Убью его! – соскакивает со своего места брат, вступая в разговор, словно настырный гость. – Какой любимый?! Клянусь Аллахом, зарублю обоих!

Гюльбяс вся как-то передернулась, когда представила себе это преступление, которое может произойти в будущем. Он поджимает губы, морщит лицо, словно, как говорит мама, передразнивает брата:

– Не тебе меня судить, – говорит она. – Так что держись подальше от меня. Отцепись от меня, я сама себе хозяйка!

– Да я глаза твои выколю! Смотрите на нее! Маленькая, да удаленькая.

Ну, все, началось...

Они вечно устраивают дома скандал. Никак не ладят друг с другом. Так и норовят уколоть один другого, да как можно больнее. Сестра считает, что лучше ослепнуть, чем видеть, как ее брат целыми днями сидит дома, как курицанаседка на яйцах, никуда не выходит и впустую проводит свое время. А брат, считающий себя невинной овечкой, никак не признается в возлагаемой на него вине, и все время отмахивается от брани.

Теперь я, улыбаясь, гляжу на этих двух ребят, которые горячо спорят друг с другом, обмениваясь различными репликами. Наконец, пытаюсь показать им, как сильно рассержен:

– Перестаньте, ради Аллаха! Порой вы заставляете человека пожалеть о том, что домой пришел!

Прервав свой спор с сестрой, брат перебивает меня:

– А тебя и не найдешь дома! – ну вот, и до меня очередь дошла. – Ты стал настоящим бродягой. Что с тобой,

парень? Перестань бродяжничать. Водишься с такими же бродягами, как сам, и целыми днями бродишь с ними по всему городу...

Продолжения его упреков не последовало, он уставился в экран мобильного телефона с очень близкого расстояния. Кажется, говорит с одной из девушек, с которыми переписывается. Теперь можно спокойно отдышаться. У меня нет желания спорить и упорствовать. Слава Аллаху, и Гюльбяс чем-то занята! Она снова наклонилась над своими бумагами и, судя по тому, что точит свой карандаш, уже забыла о недавней моей шутке. Уж я-то знаю, как нелегко избежать ее колких и острых упреков. Если она внезапно вспомнит, как я ее дразнил, я пропал... Я боюсь даже думать о последствиях. Чтобы предотвратить беду, надо как-то похвалить сестру.

– Гюльбяс, сегодня мои друзья очень хорошо о тебе отзывались. Они говорили, что ты очень талантливая и добропорядочная девушка.

Молчит.

– Клянусь Аллахом, я вполне серьезно говорю. Все говорили, что уже сейчас видно, что Гюльбяс будет писать красивейшие картины. По ее глазам видно, какая она талантливая. А один мой друг сказал, что в будущем она будет знаменитым художником.

Она и слова не промолвила, но я чувствовал, что пущенная мною стрела попала прямо в цель. Ведь ее противник, разлегшийся на кровати и не отрывающийся от своего мобильного, слышал все эти похвалы, говорящие о ее превосходстве над ним. По сравнению с моей сестрой, изо дня в день блистающей на глазах у соседей и родственников и поднимающейся на все новые и непокоренные вершины, брат мой напоминал ягненка, отбившегося от стада, то есть на человека, не принесшего никакой пользы обществу. Если бы он, не теряя драгоценного времени, поднял белый флаг и

признал лидерство Гюльбяс, тогда, быть может, жизнь ему и улыбнулась бы, и он, наконец, избавился бы от упреков и укоров.

Включив свет на кухне, Гюльбяс принялась раскладывать по тарелкам еду для нас. С улыбкой на лице она отбрасывает назад волосы, падающие ей на глаза, и говорит мне:

– Скоро и чай будет готов.

Да, мой сладкий язык способен горы с места сдвинуть, змею трескучую усмирить. Несмотря на все ворчания Гюльбяс, она очень меня любит. Так и болтает языком, стараясь больнее меня уколоть: «Терпеть тебя не могу, алкоголь!»

– Ура! – кричит брат, высоко подняв руки наверх.

Гюльбяс улыбается:

– Для тебя чая нет, Огуз.

Мы с братом переглядываемся друг с другом, хихикая.

Сестра, тяжело ступая, подходит ко мне. Поставив тарелку на стол, она поглаживает свои волосы, а я слегка щипаю ее за щечку. Кажется, этот мой привычный жест она заранее предчувствовала. Невзирая на то, что я недавно ее расхваливал, она легонько бьет ложкой, которую держит в руке, по моему колену, а потом по животу. Защищаться бесполезно. Я должен немного подлизаться к ней, чтобы она меня простила.

– Умоляю тебя, не бей меня! Я больше не буду!

Она поверх очков уставилась на меня, довольная своей победой, улыбается и гордо отправляется к своим бумагам.

– Трус! Слабак! Девчонка!

Смех моего брата в ответ на эти слова подтверждает ее полную и безоговорочную победу. Немного погодя наступила тишина. Откуда же она взялась? Терпеть не могу молчаливо сидеть.

– Мертвецы думают, что живые каждый день халву едят.

Я пытаюсь завести о чем-нибудь разговор, но молчание не отступает.

– Посуда, в которой носят воду, обычно у воды и разбивается.

Каждый занят своим делом.

Глядя на тарелку с горячим бозбашем¹ перед собой, я с неохотой беру ложку. Несмотря на то, что это мое любимое блюдо, у меня нет аппетита, и я очень устал. Но я обязательно должен съесть его. В противном случае, Гюльбяс подумает, что я уже поел где-нибудь в кафе.

Они оба молчат, а телевизор морочит голову, словно испорченный патефон.

– Гюльбяс, я хочу сказать тебе что-то.

Отодвинув от себя тарелку с едой, я с вполне серьезным выражением лица смотрю на сестру.

– Что? – раздраженно спрашивает она и вновь смотрит в свои бумаги.

– Напиши как-нибудь портрет Эльчибея².

– Ты что, выпил, да?

– Нет, что ты.

– Гюльбяс, – вступает в разговор брат, – понюхай его, не выпил ли он?

В нашем доме частенько такое происходит. Сестра меня проверяет, точь-в-точь как дорожные полицейские. Удивлять их своими разговорами я мог обязательно при помощи бутылки водки.

– А ну-ка дыхни... – прищурив глаза, она смотрит мне в лицо.

Я вспомнил историю, которую рассказывала мама в детстве: «Когда вы были маленькими, ваш отец стриг тебя и

¹ Бозбаш – мясной суп из жирной баранины.

² Эльчибей – азербайджанский государственный, политический и общественный деятель, лидер Народного фронта Азербайджана, Президент Азербайджана (1992-1993).

твою сестру налысо. Грузины думали, что вы братья-близнецы». Есть даже фотография, свидетельствующая об этом. Она часто попадает мне на глаза, когда я перелистываю наш семейный альбом. Фотография снята в парке Vage. На заднем плане стоят отец и мать и с улыбкой на лице смотрят в объектив. А мы – трое детей выстроились в ряд перед ними.

Мой брат стоит смиренно, точь-в-точь как послушный солдат. Сестра уцепилась за мой жакет, а на лице ее запечатлено выражение недовольства. А я словно пытаюсь спастись от ее цепких когтей. Мы с ней две половины одного яблока.

– Нет, Огуз, – оборачивается она к брату, – не пил он, этот алкоголик!

Продолжая смеяться, она от меня удаляется.

Перевел Этимад Башкечид

Керамет Беюкчель

БЛЕСТЯЩЕЕ БУДУЩЕЕ

В тот день, позвонив мне, один депутат вызвал меня в Милли Меджлис¹. Сказал, что он написал на листке мое имя и дал его полицейскому, стоящему на проходной. Я полетел туда. При входе меня обыскали и, вручив мне заранее приготовленный листок бумаги с печатью, сказали:

– Проходи!

Я поднялся по ступенькам лестницы наверх. Надо признать, что это очень хорошее заведение – Милли Меджлис. Мне почему-то кажется, что здесь следует говорить только правду, да, да, я вовсе не иронизирую, и вы не подумайте, что подтруниваю над вами.

Я, хотя и с большим трудом, но нашел-таки кабинет уважаемого и достопочтенного депутата, и мы с ним долго беседовали. Выпили и чаю. Он дал мне множество советов относительно моего будущего. К тому же, этот депутат был одним из самых известных депутатов Милли Меджлиса.

– Ты интересный парень, хорошо пишешь, я всегда читаю тебя. Ты очень талантлив.

– Я очень рад, учитель, что Вам нравится то, что я пишу.

– Женат?

¹ Милли Меджлис – парламент Азербайджанской Республики.

– Мы снимаем квартиру, у нас нет дома.
– Проблема с жильем есть у всех. Но я спрашиваю о том, женат ты или еще холост?

– Да, теперь понял, извините. Холост.

– Гуляй, пока холостой. Ты еще очень молод и красив. Не торопись создавать семью. О чем новом пишешь?

– Скоро выйдет в свет мой новый роман.

– Очень хорошо. Обязательно подари мне один экземпляр. Обещаю – с меня банкет.

Депутат заговорил и по поводу других вопросов. Говорил он достаточно долго. По мере того, как он говорил, я кивал ему головой, на моем лице сияла улыбка в жанре согласия, вы все, мол, верно говорите, абсолютно все – страна, общество, жизнь в полном порядке, все вокруг очень красиво, и правда, нельзя отрицать. Честно говоря, я невольно заметил за собой, что слишком много кланяюсь и унижаюсь перед депутатом. Мне стало как-то не по себе, вернее, стыдно за себя стало. Ведь я же совсем не такой парень. Конечно, иногда я совершаю необдуманные поступки, делаю нелогичные выступления, сумасбродствую. Но, в – общем, клянусь, что я хороший парень. У меня есть внутреннее чувство достоинства. Признаюсь, правда, и то, что хороший парень не должен так лестно о себе отзываться. Э, да и ладно! Я тут же опомнился и поправил себя, словно я очень честолюбив и высокомерен. Я поднял свою опущенную голову так внезапно, что учитель-депутат испугался.

Спустя несколько минут мне показалось, что я, независимо от себя, снова кланяюсь и унижаюсь. В конце концов, я подумал, что вместо того, чтобы прямо и смиренно на голодный желудок стоять перед глупцами оппозиции, так не лучше ли кланяться этим депутатам? Быть может, он для меня что-нибудь нормальное сделает. Что поделаешь, такова жизнь... Оказывается, моя мать была права, говоря мне: «Сынок, будь умнее, не разбрасывайся на каждом шагу громкими высоко-

парными словами. Плохие времена наступили, за всеми людьми установлена слежка. Вымолвишь какое-нибудь неладное слово, и на тебя донесут в такое место, и клянусь, упекут в такое отдаленное место, что за тобой и отец не сможет приехать. Говорю тебе – не болтай лишнего и держи язык за зубами!»

Не буду скрывать от вас, но я достаточно долго кланялся и унижался перед депутатом, прямо-таки настолько, насколько это было возможным. Делал я это немного ради матери, немного ради сестры, немного ради ее мужа, немного ради племянниц и совсем немного ради своего брата. Мне самому и места не осталось. Дальше уже некуда было кланяться. К тому же, кланяться вопреки своему желанию доставляет человеку совершенно иное удовольствие, словно, ты за что-то мстишь самому себе. По мере того, как я продолжал кланяться, я почему-то вспомнил о своем долге в соседнем магазине. Я подумал, клянусь Аллахом, каким бы плохим человеком ни был этот депутат, он в тысячу крат лучше, чем хозяйка магазина тетя Сария. Недавно, несмотря на все мои мольбы и унижения перед ней, она не дала мне в рассрочку контур на один манат. Сказала, нет и все тут! Вернешь, мол, старый долг, тогда посмотрим. Кстати, должен я ей всего-навсего пять манатов. Из-за этих пяти манатов я всегда возвращаюсь домой окольными путями, обходя ее магазин.

Иногда внутри меня пробуждалось гадкое чувство. Я сам себе говорил: будь мужчиной, не кланяйся и не унижайся так усердно, имей чувство гордости и достоинства. Не подлизывайся! Я хотел возразить этому своему внутреннему чувству и сказать, какое отношение к этому имеет мужское достоинство? Мы живем в свободном и независимом обществе. Что плохого я делаю? Другие еще и не такое вытворяют! Затем, почему-то, посмотрев по сторонам, я подумал о том, сколько вокруг людей кланяются и унижаются, так чем

же я лучше них?! Так не лучше ли кланяться заранее и без принуждения, по своей доброй воле?

Почему-то я смолчал. По правде говоря, я не мог говорить, словно язык был заперт на замок. А депутат тем временем все говорил и говорил, закинув ногу на ногу. Судя по его рассказам, в начале 90-х годов он проворачивал большие дела, и ради счастья своего народа, ради благополучия нации и государственности ему пришлось преодолеть огромные трудности и невзгоды. И благодаря этому, в конце концов, он стал депутатом.

Несомненно, ничего нового он мне сказать не смог бы. Клянусь жизнью матери, порой я хотел возразить ему. Но, как я ни старался, не смог выдать из себя ни единого слова. Все слова словно умерли внутри меня. И что бы он ни говорил, я во всем с ним соглашался. Я не мог возразить ему даже мысленно. Допустим, если бы он мне сказал, что я дебил, в самом крайнем случае, я ответил бы ему, что он прав, я немного похож на дебила, но клянусь Аллахом, я не дебил. Вот и все. В этом бы заключалось все мое возражение.

Конечно, никто не виноват. Что им всем остается делать? Жизнь очень жестока и неумолима. Очень... Порой ты видишь, что никто не заговаривает с тобой, то есть никто даже не задевает тебя, но человек ломается сам по себе. Это самый современный метод «ломки» человека.

Я не могу оскорблять других, им виднее, но о себе я могу сказать только то, что я и есть самый большой подхалим! Я не могу забыть и простить себе того, как я тупо улыбался по мере того, как говорил этот депутат. А иногда я оборачивался и смотрел из окна здания Милли Меджлиса на пейзаж Баку. О, Аллах, смотри, как головокружительно красив и великолепен наш город Баку! Отсюда не видно людей, видны только здания. Вон, то остекленное двойное здание очень красиво и великолепно смотрится. Спасибо этому уважаемому и достопочтенному депутату за то, что он так

приветливо и достойно встретил меня. Он даже расцеловал меня в обе щеки. Очень жаль, что при этом здесь не было фотографа. В этом случае, например, я смог бы показать и доказать всем девушкам, которые меня не любят, какой я уважаемый человек и какое блестящее будущее меня ожидает. Да еще какое будущее, то есть еще не известно, кто знает, возможно, что я в будущем буду таким же депутатом. Самым главным является то, что я уже теперь имею доступ в это здание. А что будет дальше – проживем – увидим.

О, Аллах, я внезапно вспомнил, что, выключив телефон, я оставил его возле полицейских в проходной. Бедная девушка наверняка уже давно названивает мне. Чтобы ей пусто было! Она мне уже надоела. Уперлась, что, мол, в твоей жизни есть другая женщина. Я уже устал. Не могу по-человечески ни полюбить, ни расстаться с ней. Что это за штука эта любовь? Как говорил когда-то мой дед, все любовные похождения, не имеющие продолжения и счастливого конца, сваливаются на наши головы.

В действительности, любовь – это прекрасное чувство, но лишь в том случае, если это чувство не перерастает в семейные узы, а остается лишь таким, какое есть. Допустим, что если бы в те времена Меджнун женился на Лейли, и клянусь Аллахом, у них родились бы дети, спустя некоторое время Лейли сказала бы Меджнуну, какой же ты мужчина, если целый день напролет сидишь дома, вместо того, чтобы идти и зарабатывать деньги. В таком случае депутат – самый лучший из мужчин, по сравнению с нами. Представляя себе, сколько у него денег, мне хочется отказаться от того факта, что я – мужчина. Что я за мужчина? Мне надоело быть мужчиной в этой стране, а если выразиться точнее – то надоело не быть женщиной.

В конце концов, депутат сказал, что все мы, люди – быстротечны, как время, будущее принадлежит молодежи, к тому же, таким ее представителям, как я. О, Боже, он назвал

меня достойным представителем молодежи, да еще и такой видный депутат, как он! Блестящее будущее! Красивая жизнь! О, Аллах, от радости мне хочется плясать и танцевать. Может быть, он указывает на то, что и я в будущем могу стать депутатом?! Меня очень увлек его разговор. Я даже захотел сказать ему и даже попросить его на пять минут встать и уступить мне свое место. Мне очень хотелось посмотреть, также ли печальна эта жизнь, когда сидишь в его кресле? Но почему-то я не смог сказать ему про это. Не смог сказать. Будь я проклят!

Спускаясь вниз в лифте, я повстречался со многими депутатами, и, оказалось, что они хорошо знакомы со мной, как с молодым писателем. И должен вам сказать, что, клянусь своими племянницами, мне это доставило огромное удовольствие. Один сказал: слава молодому писателю, другой просил передать привет отцу, третий сказал, что я похож на Брюса Ли, четвертый признался мне, что читает мои произведения, и что они ему очень нравятся, пятый при появлении каких-либо проблем поручил сразу же обращаться лично к нему... Но один из депутатов прошел мимо, даже не посмотрев в мою сторону. Мне стало как-то не по себе от того, что он меня не узнал. Меня – такого молодого и видного писателя. Я уже почувствовал, что постепенно наглею.

Я быстренько взял себя в руки и подумал о том, что у него, быть может, возникли какие-то проблемы, и поэтому он не обратил на меня внимания, думая о решении своих проблем. Все может быть...

Оглядываясь по сторонам, я, наконец, оказался на первом этаже. Я хотел показаться на глаза и другим депутатам. Мне очень хотелось этого. Думая об этом, я не заметил, как подошел к полицейскому, стоящему на вахте у входа в здание Милли Меджлиса. Будь я на месте той девушки, которая беспрерывно звонит мне и с нетерпением ждет моего звонка, я бы ни за что не полюбил такого непутевого чело-

века, к тому же еще и подхалима. Что я за мужчина? Ведь сама она красавица, а подыскать себе нормального парня не может. Где ты, любовь моя?! Где же мне быть, как не на самом дне ада?! Неужели не найдется человек, который скажет этой девушке: имей достоинство и посмотри – кого ты любишь?!

На первом этаже, прямо у входа я вспомнил про председателя Милли Меджлиса. Я стал глазами искать его. Мне очень хотелось его увидеть... Почему? Мне интересно было, знает ли он меня? Но, к моему большому сожалению, его я увидеть не смог и очень из-за этого расстроился. Эх, если бы я мог заодно и его повидать...

Полицейский спросил у меня про листок бумаги, который он давал мне при входе. Я ответил, что оставил его в кабинете депутата. Он сказал, что не может выпустить меня из здания без этого листка бумаги. Ух ты! Я вновь поднялся наверх. Но, между нами говоря, мне понравилось во второй раз возвращаться назад. Это доставило мне огромное удовольствие. Что в этом может быть плохого? Блестящая жизнь! Красивая жизнь! Пусть меня знают все, кто не знал до сих пор. Однако, думая о звонках своей возлюбленной, я спешил с дрожью в теле, представляя себе, что она беспрерывно мне звонит, в то время как телефон мой отключен.

Постучавшись в дверь и войдя туда, я увидел, что депутат говорит по телефону.

С покорным видом, тихим голосом я сказал:

– Я оставил здесь пропуск.

Депутат знаком руки указал мне, мол, иди и возьми его со стола. Даже в этот момент я не забыл кивнуть головой и поблагодарить его. Но я точно знал, что это не чувство благодарности, а лишь мои нерешительность и волнение. Несчастна та девушка, которая меня любит!

Взяв бумагу, я вновь спустился на лифте вниз. Опять много депутатов, опять волнение, опять сожаление... Были и

такие, которые узнавали меня и здоровались со мной, и такие, которые меня не знали. Я робко подошел к полицейскому и вручил ему пропуск.

– Депутат должен был расписаться на обратной стороне листка.

Ах, Бог ты мой!!! Вся жизнь моя такова, всегда и везде я должен пройти через множество испытаний и мучений! О, Аллах, дернул же меня черт прийти сюда. Ну, да ладно, пусть будет так ради блестящего будущего и красивой жизни. Самое главное то, чтобы у меня было хорошее будущее. С таким яростным желанием и целеустремленностью я глубоко вздохнул и снова поднялся наверх. Но, клянусь отцом, я уже стеснялся стучать в дверь. В конце концов, сколько можно возвращаться? В коридоре было распахнуто окно, и я почему-то вдруг захотел броситься оттуда вниз и упасть прямо на крышу АзТВ¹. Но у меня не хватило духа. Мог ли я отважиться на это? Собравшись с духом, я постучал в дверь кабинета депутата и сказал:

– Извините, Вы должны были расписаться на этом листе.

Он сердито посмотрел на меня, словно все мое будущее в один миг разлетелось в пух и прах. Продолжая разговаривать по телефону, он расписался на обратной стороне листка. На лице же у него было написано: «Надоел ты мне, поскорей убирайся вон отсюда, чтобы глаза мои тебя больше никогда не видели». Я отдал пропуск полицейскому, желая поскорее убраться отсюда. Какое мне дело до Милли Меджлиса? Сукин ты сын, сиди дома и не высывайся оттуда. Но разве же я виноват в этом? Ведь он же сам позвонил мне и позвал к себе, хоть я и не просил его об этом...

Полицейский вернул мне мой мобильный телефон. В этот момент я внезапно почувствовал, как позади меня пулей

¹ АзТВ – Азербайджанское государственное телевидение

промчался председатель Милли Меджлиса. Очень жаль, что я так и не смог его увидеть. Ну, ничего. Оставим это на следующий раз. Но все-таки, между нами говоря, как великолепно и гармонично смотрится то двойное остекленное здание из окна Милли Меджлиса, просто глаз радуется!

Выходя, я посмотрел на телефон. Я увидел, что было множество звонков от моей возлюбленной и один мессаж: «Почему ты отключил телефон? Где ты сейчас, у какой проститутки? Я уже давно чувствовала, что в твоей жизни есть другая женщина!..»

Перевел Этимад Башкечид

Шахрияр

НАША БЕСКОНЕЧНОСТЬ...

ЛЮБОВЬ – ни что иное, как повод спросить у хромой от рождения жены, просматривая свадебную видеокассету и видя, что жена прихрамывает: «Что случилось с твоей ногой в тот день?»

Кто-то...

Скажу вам то, что я с детских лет занимаюсь счастьем. Когда соседская «детвора» играла с кошками и собаками, я, надевая на ноги туфли на высоких каблуках, принадлежащие моей сестре, и накрасив губы, «выходила замуж». Признаюсь, что иногда я перегибала палку. Когда красилась. Но я не считаю это своей неумелостью, просто губки у меня были маленькие, тонковатые, и только!

Прошли месяцы, годы, я повзрослела. Многие думали, что я не вырасту, не повзрелею. Но они заблуждались. Когда я сказала Ляман: «Знаешь, у меня вчера месячные начались, и мама, обрадовавшись, сказала, что это настоящие месячные», она мне ответила: «Пффф, ты что, хочешь сказать, что ты уже взрослая девушка?» Она сказала это с такой иронией... Видели бы вы сами. Но я выросла. К тому же ведь годы прошли...

Очень вас прошу, не отнесите на счет писательства то, что я вам сейчас скажу. Я далека от всяческой писанины. Честно говоря, когда-то я хотела начать писать, немного успокоиться, увидела, что у меня для этого есть потенциал. Но у меня есть и другой потенциал. Из меня получилась бы отличная модель. У меня великолепные ноги. Честно. Признаюсь, что на мужчин, которым я не нравлюсь, я смотрю как на пустоголовых импотентов без малейшего вкуса!

Не считите за писательство то, что я сейчас скажу. На сей раз это не просьба, я требую. Бывает, какой-нибудь писатель пишет: «Я, мол, пишу, кто хочет, пусть читает, а кто нет – мне все равно, пусть даже мне никто не верит» и т.п. Но я такого не говорю. Хочу, чтобы вы мне верили. Умоляю вас, поверьте мне. Хотя бы кто-нибудь один – поверьте. Ведь, веря мне, вы ничего не потеряете. Ежедневно вы верите огромному количеству глупых людей, к тому же, теряя при этом, то есть проигрывая. Мне очень больно. В последнее время совсем плохо мне... Если вы мне поверите, быть может, кто-то из вас спасется. Эта надежда воодушевляет меня. Очень больно мне. У меня болит не только тело, но и мои одежды, которые мне уже давно малы. Что у нас еще осталось?..

Здесь сейчас один из зимних месяцев. Полагаю, январь, но точно не знаю. Я расскажу вам самое начало. То есть самое-самое начало. Сказав самое начальное начало, я могла бы увести вас в мыслях совсем далеко, но не стоит этого делать. Вы так и думайте – о самом начале. Я начну беседу про июль месяц прошлого или же позапрошлого года. Точно помню, что был июль месяц. О той поре, когда красиво

протекали месяцы, годы шли так тихо и умеренно, что человеку так и хотелось просто жить, и больше ничего. Ну и иногда спать, в туалет сходить и все такое. Но это естественные вещи. Вот если бы не эта проказа. А если и так, ведь это та же инфекция, что ни говори, она тоже имеет право на жизнь. Вот только если бы ее не было у моей матери. Даже если была бы у чьей-то матери, я бы все равно расстроилась. Но что там скрывать, то, что она у моей матери, совсем другое... Я не из сентиментальных. И презираю таких.

Сначала это было маленькое пятнышко. Однажды, позвав меня, она сказала: «Посмотри мне спину, что там за зараза, все время чешется». Я увидела маленькое пятно, немного похожее на гниль. Я почувствовала отвращение, но не показала виду. На следующий день такое же пятно появилось у нее на шее. Она и сама его заметила. На этот раз мы с ней обе почувствовали какое-то отвращение. Но друг другу этого не дали понять. Вот же счастье привалило, – сказала она, – не хватало еще того, чтобы я заживо начала гнить.

Что представляет собой эта проказа, до сих пор не могу понять, право дело. Кому она нужна? К тому же инкубационный период ее 55 лет. Ужас какой-то! Наверняка, вам известно, что такое инкубация. Поясняю для тех, кто не знает этого: инкубация – это скрытый период с момента инфицирования этой заразой до появления первых признаков болезни. То есть ты можешь болеть проказой 50 лет, но не знать этого. Вот сколько лет можно быть счастливым, если бы эта болезнь не была неизлечимой. К тому же это инфекционная болезнь. Тьфу на нее! Но я не брошу свою маму из-за нее. Не стоит бояться заразиться инфекцией от мамы. Честно говорю. Я порядочная, честная и непорочная аристократка. Не смотрите, что с виду простая. В прежние времена на шею таких больных вешали бубенцы, чтобы они отличались от других. Одевали их в одинаковую одежду. Трагично. Все равно гниют они одинаково, так к чему же было такое вытворять? Я

очень расстроена. Есть много разновидностей этой беды, три тысячи лет прошло, а медицина все еще бессильна перед ней. Но вот именно этот вид один из самых «нетерпеливых». Я о той, что у моей матери. Она гнила с огромной скоростью...

Вот таким образом, загнивая, моя мать постепенно уходила... У нее выпали брови. На лице образовались отеки. Одно ухо растаяло. Куда только и к кому только мы ни обращались за помощью! Даже дома Господни посетили. Но исцеления так и не нашли. Дошло до того, что бедная моя мама закрылась в своей комнате и слегла в постель. Вскоре младшая сестра моя сбежала из дома со своим любимым. Чтoб ее черти взяли! Никому до нее дела не было. Пропади она пропадом! Здесь мама в постели гниет, а она там с мужем развлекается, будь он проклят! Как говорится, добро наше, мы знаем ему цену. Сестра моя самая что ни на есть дура! Но ведь ты же мужик. Тем более знаешь, какая у нас в доме обстановка. Ну, да ладно. Он был немного популярным, ну, а наша девчонка попалась на это и убежала с ним. Ей было всего-то лишь тринадцать лет, она только начинала расцветать. Постоянно твердила, мол, и я буду певицей, я буду дикторшей и т.д. Тупая. Я не могла ей втолковать, что, мол, дурочка, будь просто женщиной. Ведь эти обобществленные, целиком и полностью ушедшие в политику, искусство и тому подобное женщины никогда не бывают счастливыми. Как женщины, все они неудачницы и несчастные существа. Что с того, что сами в этом не признаются? Да и с чего они должны признаваться в таких личных вещах? Но сестра моя никак не понимала, и все. Ну и пусть катится к черту. Пусть кайфует, сколько влезет. Ну вот, язык мой – враг мой. Снова я не могу сдерживать свой гнев. Вы простите меня, ради Бога. Просто жуть как болит душа...

«Всеу свое время, рано или поздно случается то, что должно случиться». В то, что моя бабушка – гений, никто, кроме меня, не верил. Она была права. Я думаю, что и сама когда-нибудь дойду до этой истины. Пойму, что самые болезненные раны наносят только самые близкие люди. Те, к кому мы не питаем никаких чувств, никоим образом нам не могут навредить. А мы их не ценим. А те, кого мы любим, жестоко расправляются с нами. Будь они прокляты! Причем прокляты Богом! Делишь с любимым одну постель, но, черт побери, ничего, кроме надкушенной им конфеты, с ним больше делить не в силах. Разве такое возможно?! Хоть волком вой, а он отвернется к тебе спиной и храпит. Тьфу и на тебя!

Мать продолжала гнить на глазах и уходила от нас. Мы ничего не могли поделать. Сначала сгнила ее левая грудь. В прямом смысле слова – сгнила и отпала от тела. Я не знала, что делать, как ей помочь. Я была в панике и растерянности. То и дело ощупывала свои груди. Мне казалось, что и моя грудь вот-вот оторвется и упадет. В летнюю жару я носила бюстгальтер. От жары у меня появилась сыпь. Но, тем не менее, не снимала бюстгальтера. У меня был панический страх перед тем, что прямо на глазах у людей грудь моя оторвется и упадет под ноги. Представляете, какой ужас?! Грудь отрывается и падает под ноги, и ты ненароком пинаешь ее. Прямо мурашки по телу. Наш дом постоянно был полон гостей, все приходили навещать мою маму, и тут на тебе, чего доброго, при людях отвалится моя грудь, да к черту ее, стыда ведь не оберешься. А бюстгальтер, нет-нет, хоть

поддержит, не даст на землю упасть. Поэтому я не снимала его, даже когда спала. Кажется, я сошла с ума.

Два-три месяца, как мама болела, а тут отец ослеп. Он был мастером по сборке мебели. Во дворе у него была маленькая мастерская. Когда мы слышали крик во дворе и спустились вниз, все лицо отца было в ацетоне. Вы, наверное, знаете, что такое ацетон. Для тех, кто не знает, объясню – C_3H_6O – такова его химическая формула.

Не знаю, как это случилось, но ацетон попал ему в глаза. Зажмурив глаза, он кричал. Отвезли его к офтальмологу. Ну, вы же знаете, кто такой офтальмолог? Если нет, объясню: офтальмолог – это глазной врач. Больше ничего объяснять не собираюсь. Хотя бы что-то вы должны знать сами, или нет? Я что, должна каждую минуту вам все по полочкам расставлять? Так мне историю свою рассказывать или вам что-то объяснять?! Из-за вас я никак не могу сосредоточиться. Ну, да ладно.

Так вот, у этого самого офтальмолога был армейский сослуживец, с которым у него была крепкая дружба. Он посоветовал, чтобы отец ходил с повязкой на глазах, чтобы не обветрить их, иначе был велик риск ослепнуть. Вот так... О, Аллах, почему Ты меня уничтожаешь? – говорила я. В ту пору я богохульствовала, говорила, что попало в адрес Создателя. Теперь же, когда вспоминаю об этом, от стыда хочется выть по-волчьи. О, Аллах, молю тебя, прости меня, грешницу! В ту пору не слышал меня, хотя бы сейчас услышь! Я много лишнего наговорила в твой адрес, много богохульствовала, прости меня, пожалуйста. Мне и сейчас смешно так говорить. Если не услышал мои молитвы и мольбу, откуда ж Ему было слышать мои богохульства? Кто знает... Не знаю, что и сказать. И с отцом такое произошло, я в растерянности...

Прошли месяцы, годы. Годы – это я так, к слову сказала. Прошли только месяцы. В конце апреля умерла моя

мать. Скорее не умерла, а отмучилась. Честно говоря, мне стыдно в этом признаться, но, видя ее мучения, я молила Бога, чтобы Он поскорее забрал ее к себе. Мне так было жалко ее. Она была очень красива. Хотя это и нескромно, но хочу заметить, что я очень на нее похожа. Рост, осанка, походка, глаза – все, как у нее, копия. И вот то, что такая красавица просто сгнила на глазах и покинула этот мир, было невыносимо. Я знаю, что красота – вещь преходящая. Как говорил Достоевский, «уйдет однажды красота, и тебе не останется». Не знаю, что сказать, «такие люди, самодовольные, давно лежат под землей, посмотри на лунолицую красавицу...» Эти строки, если не ошибаюсь, принадлежат Хагани. Я всегда путаю Достоевского с Хагани Ширвани. Но сейчас речь не об этом. Но ведь так тоже нельзя. Человек же не должен так гнить!

Врачи умертвили мою мать, сделав ей инъекцию. После того, как взяли письменную расписку с меня, брата, отца и ее братьев. А сестру мою, дурру, мы даже не считали за человека. Все равно она ни на что не годится. Кому нужна ее подпись? Пошла она к черту! Но когда умерла мама, мне так и хотелось пойти к этому врачу и отрицать, что подпись моя. А потом взять банку какого-нибудь маринада и разбить у него на голове. А причиной тому моя претензия, мол, почему не дали моей маме прожить еще пять минут лишних? А потом как подумаю, понимаю, что это нельзя было назвать жизнью, в конце-то концов, должно было там остаться от тела хоть что-то для погребения?

В день смерти матери отец попросил снять повязку с его глаз. Оказалось, что с его глазами ничего не стряслось. Ну, разве такое возможно?! Впервые в жизни я рассердилась на отца и, не удержавшись, дала ему пощечину. Отец запла-

кал. Так горько заплакал... Я тоже заплакала, опустившись на колени, зарыдала навзрыд. Голова моя склонилась к его ногам. Папочка, дорогой мой, сейчас бы поцеловать мне твои ноги. Отдохнуть бы у тебя на коленях. Эти последние строки я пишу со слезами на глазах. Продолжаю плакать, руки трясутся, меня пробирает дрожь. Может, просто в комнате холодно, не знаю. Но мне так больно...

Отец женился на моей матери по любви. Там была такая огромная любовь! Вы и представить себе не можете, как сильно он ее любил! Мне об этом мать рассказывала. Мать тоже любила его. Мой отец... Он был самым лучшим в мире мужчиной. Он девять месяцев жил с повязкой на глазах, чтобы мама остаток своей жизни прожила спокойно. Мало ей было горя от ее болезни, так еще больше ее угнетало то, что она гнила на глазах у отца. Потому он и пожертвовал собой, притворившись слепым, чтобы мама жила со спокойной душой и была уверена, что отец не видит, как она гниет. Кроме отца, ей не перед кем было стыдиться. До самого последнего дня своей жизни мама постоянно только о нем и говорила: «Хоть бы руки бы мои не сгнили, до последнего дыхания бы помогала Акифу передвигаться, держа его за руку». Ну, разве такое возможно?! А осуждала отца. Говорила ему всякие глупости типа того, что у тебя, мол, не хватило храбрости, как у нас, прямо смотреть смерти в глаза. А он рассказал мне обо всем в последние минуты своей жизни, прямо перед смертью. В тот самый день, когда я ударила его, он перенес инфаркт. У него был один инфаркт. Но он перенес его на ногах, это был легкий инфаркт. На этот же раз он семнадцать дней пролежал в постели. На семнадцатый день, в день смерти, он заговорил: «Я не хотел, чтобы мать мучилась из-за меня, если бы я видел ее мучения, это было

бы для нее страшным ударом. К тому же, и я бы не смог спокойно смотреть на ее муки. Я слабый мужчина, понимаешь?..» Я закивала головой, – нет, мне не понять этого, прости...

Ходить девять месяцев с повязкой на глазах, к тому же при здоровых глазах!.. Я на такое не способна. Не могу понять. Но отец мой был чист, как дитя в утробе матери. Как младенец удалился туда, очистился и умер. Я хочу умереть так же. Вот было бы так, чтобы люди уменьшались в размерах перед смертью и возвращались в утробу матери. Там бы они и умирали, очистившись, отдохнув, поумерив свои боли...

Теперь мы с братом остались в доме вдвоем. Мой брат железнодорожник. Я часто хожу к нему на работу. Железнодорожный вокзал – очень красивое место, полное надежд. Находясь на вокзале, человек верит в возвращение даже утонувшего в море человека. Кажется, что он обязательно вернется, причем поездом... Эх, дожить бы мне до того дня, чтобы видеть, как моя бестолковая сестра продает пирожки на этом вот вокзале, и больше ничего не хочу. Так хотелось бы достать последние копейки из кошелька, отдать их этой дуре, а пирожки замерзшим вокзальным котяткам...

Скажу вам, что мне сейчас не так больно. Быть может, даже боль прижилась в моем организме. Я живу, как постоянное чувство. То есть не знаю уже, когда боль началась, когда уменьшилась и т.д. Ей нет ни начала, ни конца, она постоянно присутствует во мне, наверное, я уже привыкла к ней. Вот так...

Перевел Этимад Башкечид

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Диалог культур: без прикрас и без препятствий</i> Т.Джафаров (Велиханлы).....	3
<i>Камал Абдулла</i> Тайна тайн времен.....	9
<i>Мамед Орудж</i> Надежда.....	28
<i>Садай Будаглы</i> Попутный разговор.....	40
<i>Махир Н. Краев</i> Полковник.....	47
<i>Рамиз Акбер</i> Индикатор совести.....	57
Уси, усики, усищи... ..	60
<i>Сафар Алышарлы</i> Брокер ханчалов.....	65
<i>Нариман Абдулрахманлы</i> Бабочка.....	85
<i>Яшар</i> Гроб.....	94
<i>Орхан Фикретоглу</i> Тайна дракона... ..	113
Человек-ветер.....	121
<i>Этимад Башкечид</i> Велосипед.....	127

<i>Ган Туралы</i>	
Убийство молодой женщины и Деда Мороза... ..	140
<i>Первин</i>	
Я... Сон... Рай... ..	149
<i>Джавид Зейналлы</i>	
Творческие каникулы в пещере.....	154
<i>Мубариз Орен</i>	
Рыбий смех.....	165
<i>Мевлуд Мевлуд</i>	
День поминания.....	174
<i>Мирмехти Агаоглу</i>	
Изображение Имама.....	188
<i>Айхан Айваз</i>	
Ночной репортаж из нашего дома.....	198
<i>Керамет Бююлчель</i>	
Блестящее будущее.....	204
<i>Шахрияр</i>	
Наша бесконечность... ..	213

Редактор издательства - **Алиш Мирзаллы**
Технический редактор – **Меганет Гараханлы**
Корректор – **Нигяр Рагимова**

Подписано к печати 15.11.14. Формат: 84x108 1/32.
Гарнитура: Times. Объем: 14 п.л. Тираж 1000.

Издательско-полиграфический центр «Мутарджим»

Az1014, Баку, ул. Расула Рзы, 125
тел./факс: (99412) 596 21 44
e-mail: mutarjim@mail.ru

TƏRCÜMƏ
VƏ NƏŞRİYYAT-POLİQRAFİYA
MƏRKƏZİ

Az 1014, Bakı, Rəsul Rza küç., 125
596 21 44; 497 06 25; (055) 715 63 99
e-mail: mutarjim@mail.ru

www.mutercim.az